

U $\frac{106}{707}$

8

252
8

У 106
707

ИЗЪ ЖИЗНИ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ОЧЕРКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей,
учительницъ и дѣтей.

СОСТАВИЛЪ

Инспекторъ народныхъ училищъ В. Раевскій.

Нижній-Новгородъ.

Типо-лит. С. Н. Казачкова, Большая Покровка, д. Присѣщеникова.

1896.

Печатано съ дозволеніа Начальства.

2007097346

*Къ читателю-посѣтителю учебнаго от-
дѣла народныхъ училищъ на Всероссийской
Выставкѣ.*

Готовя къ Всероссийской Выставкѣ рядъ экспонатовъ по учебному отдѣлу начальныхъ народныхъ училищъ, я не разъ останавливался на мысли, что всѣ собираемые мною предметы—въ какой-бы системѣ ни были группированы и сколь бы ни были многочисленны—не дадутъ яснаго представленія о живой работѣ, какая совершается незримо для публики въ стѣнахъ народныхъ училищъ. Я думалъ и даже хлопоталъ объ устройствѣ на Выставкѣ настоящаго типичнаго народнаго училища во всей полнотѣ его жизнедѣятельности, т. е. съ законоучителемъ, учителемъ, учительницею, сельскими учениками и ежедневнымъ преподаваніемъ; но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія въ виду препятствій, для преодоленія которыхъ моихъ усилій было не достаточно. Между тѣмъ мысль такъ или иначе ознакомить публику съ дѣломъ и дѣателями народныхъ училищъ не оставляла меня, такъ какъ я убѣжденъ, что наше народное училище въ его живой функціи, его учитель или учительница остаются совершенно неизвѣстными большинству общества или, по крайней мѣрѣ, представляются воображенію крайне смутно. Какъ живетъ начальный народный учитель, каковъ его нравственный обликъ, какъ и что онъ преподаетъ, какое воспитательное вліяніе оказываетъ на дѣтей, каковы сами эти дѣти,—обо всемъ этомъ очень мало извѣстно.

Если вы, читатель, не педагогъ, то весьма возможно, что при посѣщеніи Выставки не испытаете особеннаго вле-

ченія посвятить учебному отдѣлу сколько-нибудь продолжительное время на осмотръ учебниковъ, тетрадей, чертежей и пр., когда множество прочихъ отдѣловъ будутъ плѣнять вашъ взоръ неисчерпаемымъ разнообразіемъ болѣе заманчивыхъ предметовъ искусствъ и всевозможныхъ видовъ фабричнаго и заводскаго производства. Думаю поэтому, что наши коллекціи тетрадей промелькнутъ предъ вами, оставивъ васъ внѣ возможности составить себѣ представленіе о дѣятельности народныхъ училищъ. Мнѣ кажется однако, что вы до нѣкоторой степени избѣгнете такого непріятнаго положенія въ отношеніи столь важнаго отдѣла, если дадите себѣ трудъ въ досужій часъ у себя дома ознакомиться съ содержаніемъ этой небольшой книжки.

Посредствомъ ея я хочу представить, отрекомендовать вамъ тружениковъ нашего русскаго народнаго училища. Вотъ Попечитель училища, безкорыстно служащій интересамъ училищнаго дѣла. Это большію частью просто крестьянинъ или купецъ средней руки. Благодаря его щедрости, училище ни въ чемъ не нуждается; къ учителю онъ относится не свысока, безъ претензій на роль начальника; съ такимъ попечителемъ учителю живетъ тепло и покойно въ какомъ угодно смыслѣ слова.

Вотъ о. законоучитель... Вы, какъ я имѣю поводъ думать, нѣсколько (а можетъ быть и изрядно) предубѣжденно относитесь къ нему? Но позвольте васъ просить на урокъ къ нему; тогда, быть можетъ, вы не откажете ему въ вашей благосклонности, а вмѣстѣ повѣрите и мнѣ, что такихъ почтенныхъ законоучителей отнюдь не очень мало. А вотъ нашъ учитель... я васъ приглашу опять таки на урокъ къ нему, мало того,—попрошу зайти и въ квартиру его, не смущаясь ея тѣснотою и бѣдностью обстановки. Вы не разъ спрашивали меня, кто лучше работаетъ—учителя или учительницы? Вотъ вы и увидите,—сначала какъ работаетъ учитель, а потомъ зайдемте на урокъ и къ учительницѣ; возможно, что мы придемъ, когда она сильно не помогаетъ, у нея головная боль или болятъ зубы. Конечно, это очень жалко; но что-же дѣлать:—вы за то увидите, что она не оставляетъ работы даже и больная, даже умирающая. Когда вы познакомитесь, такимъ образомъ, съ нашими дѣятелями

народнаго просвѣщенія, тогда я спрошу васъ: симпатиченъ ли вамъ ихъ образъ? Находите-ли вы, что они работаютъ и честно и преданно? И если вы скажете: «да»,—прекрасно,—цѣль моя будетъ достигнута.

Но, можетъ быть, вы завзятый скептикъ, читатель? Мнѣ слышится вашъ ироническій вопросъ: «ну, и что же: всѣ ваши учителя и учительницы таковы, каковыми вы ихъ живописуете?» Нѣтъ, отвѣчу я,—не всѣ. Я не идеализую ихъ и, во имя безпристрастія, показалъ вамъ и слабыхъ. Мало? Но такъ оно и есть въ дѣйствительности. Мой святой долгъ свидѣтельствовать вамъ, что, къ общему моему и вашему удовольствію, плохихъ учителей и учительницъ очень мало,—гораздо меньше, нежели плохихъ дѣятелей на другихъ поприщахъ государственной или общественной дѣятельности. Почему это такъ?—вопросъ интересный и отвѣтъ на него, мнѣ кажется, долженъ получиться поучительный. Я его коснусь, если представится случай пополнить предлагаемые очерки другими, какихъ имѣется еще довольно въ моихъ памятныхъ запискахъ.

При составленіи настоящей книжки я имѣлъ въ виду и васъ, читатели и читательницы—педагоги народныхъ училищъ. Многіе изъ васъ были мнѣ знакомы лично; много вечернихъ бесѣдъ проведено у насъ съ вами касательно вопросовъ преподаванія; вы не разъ высказывали при этомъ—что было бы полезно для васъ имѣть родъ печатнаго руководства, въ которомъ были бы даны опредѣленные, возможно обстоятельныя, но въ возможно сжатомъ изложеніи, указанія о способахъ правильной постановки учебнаго дѣла.

Ваше желаніе исполнилось съ изданіемъ дирекціею книжки «Методическихъ указаній». Но вы часто и до подробностей спрашиваете меня, какъ именно ведется дѣло у такого-то учителя, у такой-то учительницы, или чѣмъ отличается учительница Н, о которой я говаривалъ, что готовъ поставить ее не ниже даже учителя М. или П.; вы не разъ, наконецъ, просили меня доставить вамъ случай быть на урокахъ или на ревизіи въ томъ или иномъ училищѣ. Словомъ, вамъ хотѣлось, кромѣ теоретическихъ указаній, еще повидать своихъ товарищей въ ихъ живой работѣ,

чтобы нагляднѣе усвоить лучшіе приемы веденія дѣла, манеру отношенія къ дѣтямъ и ознакомиться съ нѣкоторыми такими чертами въ дѣятельности своихъ сослуживцевъ, которыя либо не могутъ быть уложены въ рамки теоретическихъ указаній, либо, уложенныя въ нихъ, обезцвѣчиваются до того, что не производятъ никакого впечатлѣнія. Я охотно удовлетворялъ вашему желанію при каждомъ удобномъ случаѣ.

Къ сожалѣнію, эти случаи представлялись не такъ часто, какъ то было бы желательно и мнѣ и вамъ.

Но не найдете-ли вы, что въ этомъ отношеніи рядъ очерковъ, предлагаемыхъ настоящею книгою, до нѣкоторой степени удовлетворитъ васъ? Здѣсь не разъ, я думаю, достоинства и слабости того или иного веденія дѣла представятъ предъ вами въ достаточно живыхъ образахъ и тѣмъ самымъ рельефнѣе отгѣнятъ вамъ и закрѣпятъ въ воображеніи нѣкоторыя положенія, теоретически изложенныя въ книжкѣ «Методическихъ указаній».

Въ заключеніе считаю необходимымъ предупредить васъ, читатель (кто бы вы ни были), относительно слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ, прежде нежели вы приступите къ дальнѣйшему чтенію.

1) Всѣ собственныя имена и фамиліи въ очеркахъ замѣнены вымышленными.

2) Такъ какъ моею цѣлью служить познакомить васъ съ народными начальными училищами вообще, а не исключительно съ училищами одного уѣзда, то я и не стѣснялъ себя никакими рамками при выборѣ болѣе или менѣе характерныхъ типовъ учителей или учительницъ, или условій жизни, или училищныхъ помѣщеній и пр. изъ числа извѣстныхъ мнѣ 11-ти уѣздовъ различныхъ губерній. Поэтому было бы крайне ошибочно относить то или иное невыгодное обстоятельство, какое встрѣтится въ очеркѣ того или другого училища, насчетъ одного опредѣленнаго уѣзда. Особенно это нужно имѣть въ виду относительно случаевъ дурныхъ училищныхъ помѣщеній, чтобы воздержаться отъ заключенія, что такія помѣщенія характерны для Нижегородскаго уѣзда. Нижегородское земство и Нижегородскій уѣздный Училищный Совѣтъ всегда были внимательны къ

интересамъ училищнаго дѣла и донынѣ продолжаютъ прилагать стараніе къ обезпеченію училищъ удовлетворительными помѣщеніями. На улучшеніе помѣщеній, когда они становятся ветхи или тѣсны, въ Нижегородскомъ земствѣ имѣется даже особо ассигнованный капиталъ въ $4\frac{1}{2}$ тысячи рублей, изъ котораго выдаются ссуды до 500 рублей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Теперь прошу Васъ пожаловать въ наши училища. Сначала, въ отдѣлѣ I, я думаю показать вамъ самыя убогія изъ нихъ въ отношеніи ихъ помѣщеній; но, конечно, и въ нихъ мы не ограничимся осмотромъ однѣхъ стѣнъ.

Потомъ побываемъ въ одномъ—двухъ изъ лучшихъ помѣщеній; тутъ же и далѣе (во II отдѣлѣ) познакомимся съ нѣкоторыми изъ попечителей училищъ. Затѣмъ отправимся на уроки; прежде всего, конечно, на уроки Закона Божія къ оо. Законоучителямъ (отдѣлъ III), а отъ нихъ—къ учителямъ и учительницамъ (отдѣлъ IV). Наконецъ, побываемъ въ такихъ училищахъ, гдѣ рельефнѣе выступаетъ воспитательная часть (отдѣлъ V).

I. Училища, бѣдныя помѣщеніями.

I. Никольское училище.

Кому не доводилось видѣть гдѣ-либо въ бѣдномъ селѣ, какихъ не мало на Руси, ветхія, покачнувшіяся отъ времени избы съ перекосившимися окнами, которыя начинаются чуть не отъ самой земли? Вотъ на такую-то точно избу указалъ мнѣ ямщикъ вскорѣ по вѣздѣ въ село Никольское. Случалось не разъ мнѣ видать крайне убогія училищныя зданія, но такого, казалось, я не встрѣчалъ.

— Да неужели это училище? невольно воскликнулъ я.

— „Она самая и есть“ *) увѣрялъ ямщикъ.

— Плохо вѣрилось словамъ ямщика. Казалось, что это давно заброшенная и никѣмъ не обитаемая какая-нибудь бывшая барская кухня: до того вся постройка выглядывала жалкою, приземистою среди окружавшихъ ее, на подобіе волнъ съ высокими гребнями, огромныхъ снѣжныхъ сугробовъ.

Необычайное убожество внутренняго вида еще болѣе поразило меня: окна, дѣйствительно, начинаются чуть не отъ земли; благодаря дыравости ветхихъ рамъ, пропускающихъ классный воздухъ наружу и въ междурамное пространство, всѣ стекла сверху до низу сплошь затянута толстѣйшимъ слоемъ инея, который пропускаетъ сквозь себя какой-то зеленоватый полусвѣтъ. Какая темнота въ классѣ! Положительно ничего подобнаго еще не видывать. А тѣснота-то какая! Никакъ не могу сообразить, гдѣ же можно было бы присѣсть. Со стѣнъ отдулись громадными пузырями или висятъ ключьями старые, грязные обои. Да кажется, и холодище страшный. Дѣти въ полушубкахъ и шубахъ, учительница въ валеныхъ сапогахъ, въ зимнемъ пальто и, въ довершеніе всего, съ подвязанными зубами.

О, Господи,—какую же я тутъ „ревизію“ буду производить, когда все вопіетъ о невозможности занятій въ этой ужасной обстановкѣ! За то какая громадная классная доска утверждена на стѣнѣ! А колоколь-то, колоколь-то какой виситъ! Вѣдь это съ колокольной какой-нибудь сгорѣвшей церкви добытъ, должно быть... И какъ это дѣти читаютъ и пишутъ въ этихъ полупотемкахъ! Да полно—знаетъ ли ужъ училищный совѣтъ о существованіи Никольскаго училища? приходило мнѣ невольно въ голову. Да,

*) Неграмотный людъ говорить большею частію не „училище“ а „училища“, относится къ словамъ женскаго рода.

знаетъ, оказывается. Рѣшили было... закрывать училище. Лучше, конечно, было бы выстроить новое зданіе, но объ этомъ послѣ голоднаго года и думать нечего: крестьяне крайне обѣднѣли. Въ направленіи закрытія училища интриговалъ и от. діаконъ, намѣреваясь открыть церковно-приходскую школу.

Понятно, что тогда съ земскою школою пришлось бы проститься навсегда. Угадывая это, и законоучитель и учительница возстали на защиту своего убогаго училища и отстояли его.

Хоть въ потемкахъ, среди стужи, съ большими зубами придется заниматься, а всетаки не хочется довести до закрытія. „Мучились и прежде“, говорятъ: „помучимся и еще, куда ни шло“. И вѣдь что еще! Мученіе-то выходитъ двойное. Помѣщеніе, какъ я сказалъ уже, очень тѣсно (я смѣрилъ его, — 64 кв. арш.), много что на 30, на 35 человѣкъ, а учениковъ 70. Какъ тутъ быть? Разумѣется, если нельзя помѣстить даже 40 человѣкъ дѣтей, то не слѣдуетъ и принимать болѣе 30 или 35. Но не такъ разсуждаютъ иные учителя и учительницы, вродѣ хоть бы здѣшней г-жи Алексѣевой.

— Да, говорить она, конечно такъ. Я рѣшила было не принимать; да вѣдь ужъ ребятъ-то очень жаль, — просятся; отцы и матери неотступно просятъ, а не то и ропщутъ даже.

— Ну, хорошо. Что-же: вы всѣхъ и приняли?

— Да.

— Но вѣдь здѣсь, очевидно, не всѣ 70?

— Да, это старшіе и средніе только.

— Ну, а младшіе-то какъ?

— Съ младшими я буду ужъ, особо ужъ.

.....
Это выходитъ, учительница ведетъ двойную работу одна, среди такой-то обстановки и все за тѣ же 12 руб. 50 копѣекъ!

Ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ у этой учительницы, которая къ тому же не обладаетъ спеціальною педагогическою подготовкою, были очень хорошіе успѣхи — конечно, не мыслимо ужъ. Я, право, удивляюсь, какъ еще могла эта учительница достичь тѣхъ результатовъ, какіе я встрѣтилъ у ней.

Прослушалъ я и урокъ учительницы, именно урокъ чтенія въ старшемъ отдѣленіи. Читалась статья „Сѣверный край Россіи“ по книгѣ Баранова. Урокъ прошелъ очень не дурно. Главное достоинство его состояло въ томъ, что учительница вела дѣло плавно, неспѣшно, давая вопросы дѣльные, но не закидывая ими. Разсказывали дѣти очень порядочно, а нѣкоторые отлично даже. Общее настроеніе было такое бодрое у всѣхъ, что трудно было удержаться отъ улыбки при мысли, что всѣ мы въ это же время зябнемъ, на волѣ бушуетъ вѣтеръ, въ классѣ среди полдня сумерки, у учительницы подвязаны зубы, а мнѣ такъ-таки и негдѣ присѣсть?

Благодарю, сердечно благодарю учительницу. И, думаю, того же она заслуживаетъ и отъ высшаго нашего начальства. Нахожу не лишнимъ

упомануть объ одномъ обстоятельствѣ, которое достаточно свидѣтельствуетъ за привязанность дѣтей къ учительницѣ и училищу. Это было при мнѣ. Вошелъ мальчикъ. Плачетъ и отдаетъ учительницѣ книжки:—учиться больше нельзя,—мать посылаетъ по міру; бѣтъ, говорить, нечего. Плачетъ разливается мальчикъ неутѣшно. Послали за матерью, нельзя-ли какъ уладить дѣло. И мать-то въ слезы. Кончается тѣмъ, что мать рѣшаетъ: „ну—инъ пушай ужъ ево. Учись, учись“, говоритъ она, приглаживая сына по головѣ: „я ужъ сама буду ходить“...

2. Майданское училище.

Помѣщается въ собственномъ, но крайне ветхомъ и очень холодномъ помѣщеніи. Всѣхъ учащихся 63.

Законоучитель священникъ Н. Муратовъ.

Учительница А. А. Тарасенко, окончила курсъ въ женской гимназіи.

И законоучитель и учительница въ этомъ училищѣ—люди способные, энергичные и преданные дѣлу. Будь они и столь же опытные, сколько способны—Майданское училище было бы одно изъ самыхъ лучшихъ училищъ въ уѣздѣ. Впрочемъ, говоря относительно, оно и теперь таково. Познанія дѣтей весьма порядочны, а особенно по чтенію и Закону Божію. Самые слабые успѣхи—по чистописанію.

Къ сожалѣнію, крайнее убожество помѣщенія и классной мебели также является препятствіемъ къ возможности хорошей постановки дѣла. Правда, собираются строить новое зданіе для училища; но когда-то еще соберутся, а пока просто нѣтъ возможности заниматься съ надлежащимъ расположеніемъ духа и удобствомъ въ помѣщеніи, похожемъ скорѣе всего на холодный сарай. Учительница не падала духомъ; но, не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, не разъ рисковала захворать серьезно, что, наконецъ, и случилось; у нея развилась скоротечная чахотка, и весной 189* г. она померла.

Покойная всей душой любила школу, была привязана къ ней до самоубвенія; почти до самой смерти она не оставляла занятій. Въ послѣдніе дни ея жизни дѣти младшаго и средняго отдѣленій не посѣщали школы, но старшіе все еще продолжали ходить, и умирающая учительница, лежа въ своей комнатѣ, руководила ихъ занятіями. Даже совсѣмъ умирая уже, она все еще говорила объ училищѣ и умерла съ мыслью о немъ.

* 3. Тихоміровское училище. ?

Было уже 4 часа по полудни, когда я подъѣзжалъ къ училищу; между тѣмъ ученіе еще не кончилось. Впрочемъ, средніе и младшіе были отпущены; оставались только старшіе. Но какой воздухъ! Трудно сказать, что это такое! Духота, сырость, пыль, дурной и какой-то острый запахъ, казалось, вытѣснили весь воздухъ, замѣтивъ его какъ бы какимъ-то особымъ

*) Названія, отмѣченныя звездочкою, принадлежатъ училищамъ Нижегородскаго уѣзда.

удушливымъ газомъ. На учительницѣ, какъ говорится, лица нѣтъ: блѣдная, истомленная стояла она передъ своими питомцами, рѣшая съ ними арифметическую задачу.

— Что это вы такъ чересмѣрно усердствуете? спросилъ я ее.

— Ничего, отвѣчала она, стараясь привѣтливо улыбнуться: боюсь вотъ, не слишкомъ-ли мы отстаемъ отъ другихъ въ арифметикѣ. Ну, и задержала подольше.

— Помилуйте, да вы и себя и дѣтей пожалѣйте... и что за убійственный воздухъ у васъ!

— Ахъ—да! У меня голова болитъ. Но что-же дѣлать? Вѣдь это каждый день такъ. Тутъ все наше помѣщеніе, говорила она, разводя руками въ маленькой и низкой комнатѣ. Комната эта въ ширину $7\frac{1}{2}$ шаговъ, въ длину столько же, а высота не достигаетъ даже 3-хъ аршинъ. Если вычесть отсюда пространство, занимаемое печью, то во всемъ классѣ окажется воздуха менѣе 6 кубич. сажень. Это значитъ, что (если примѣнить строгія требованія гигиены) здѣсь можетъ пребывать всего 6-ть чловѣкъ, а при менѣе строгихъ требованіяхъ 12-ть. Даже при самыхъ умѣренныхъ расчетахъ, полагая всего $\frac{2}{5}$ куб. сажени на ученика, здѣсь нельзя помѣщать болѣе 15 дѣтей. А между тѣмъ ихъ 52! Можно себѣ представить, каковъ же здѣсь бываетъ воздухъ послѣ 7 часовъ пребыванія такой массы дѣтей! А что сказать о воздухѣ въ учительской квартирѣ, которая еще меньше класса и отдѣлена отъ него только досчатою, щелистою перегородкою, не доходящей на $\frac{1}{2}$ аршина до потолка?

Черезъ какой-нибудь часъ пребыванія здѣсь я и самъ почувствовалъ такую головную боль, что долѣе оставаться въ училищѣ не могъ и протрадалъ весь вечеръ, проведенный въ домѣ законоучителя. Не возможно не удивляться, какъ еще остается жива учительница, вынужденная изо дня въ день цѣлый годъ работать и жить въ такомъ ужасномъ помѣщеніи.

Чтобы помочь горю я теперь же вывѣсилъ на стѣнѣ классной комнаты извѣщеніе къ общему свѣдѣнію, что съ будущаго учебнаго года мною запрещается помѣщать въ классѣ болѣе 15-ти и самое большее 20-ти дѣтей, и что приѣма въ младшее отдѣленіе осенью не будетъ совсѣмъ. вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ нѣсколькихъ крестьянъ и въ присутствіи ихъ, объяснивъ имъ въ чемъ дѣло, вручилъ старостѣ для прочтенія на сходѣ бумагу о безусловной необходимости расширенія училищнаго зданія новою пристройкою.

Не смотря на такія крайне невыгодныя условія, среди которыхъ приходится вести учебное дѣло, успѣхи учащихся я нашелъ положительно хорошими, а учительницу, Г-жу Елиenskую—способною и преданною дѣлу, такъ что Тихомировское училище, одно изъ самыхъ худшихъ по помѣщенію, является, однако, въ ряду весьма хорошихъ по успѣхамъ.

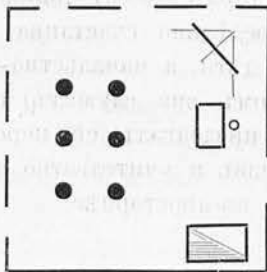
* 4. Б.....ское училище.

Опять маленькое тѣсное училище и отличная учительница.

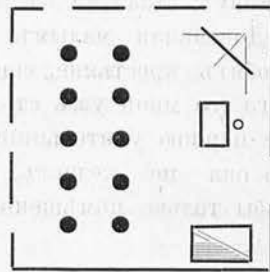
Все классное помѣщеніе имѣетъ въ длину и ширину по 8 шаговъ при $3\frac{1}{2}$ арш. высоты. Довольно большая печь занимаетъ изрядное про-

странство, такъ что при наименьшемъ количествѣ воздуха, допускаемомъ на одного ученика, здѣсь можетъ обучаться 15—18, много что 20-ть дѣтей, а ихъ 43! Чтобы нагляднѣе представить эту тѣсноту, предложу слѣдующіе 4 вида наполненія учащимися одного и того же Б....скаго училища: одинъ съ количествомъ учащихся, опредѣляемымъ строгими и, конечно, весьма желательными требованіями гігіены (1 куб. саж. воздуха на каждого ученика); другой—при болѣе скромныхъ требованіяхъ ($\frac{2}{3}$ куб. с. на ученика) третій—съ максимальнымъ числомъ дѣтей, терпимымъ только въ силу всеобщей недостаточности средствъ на просторныя помѣщенія, и, наконецъ, тотъ видъ училища, какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности въ настоящее время.

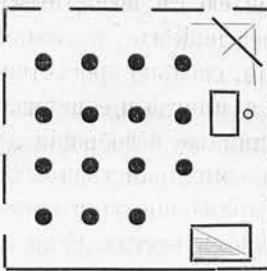
I. При 1 куб. саж. воздуха на ученика.

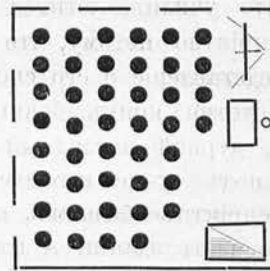
II. При $\frac{3}{5}$ куб. саж.

III. При $\frac{2}{5}$ куб. саж.

IV. Дѣйствительное наполненіе училища;
0, 14 куб. с. на кажд. уч.

Здѣсь въ буквальному смыслу слова повернуться негдѣ. А черезъ какіе-нибудь полчаса времени отъ начала урока и дышать не чѣмъ. Приходится либо отворять двери,—зябнуть, рисковать простудиться, либо терпѣть духоту и выносить вѣчную головную боль, головокруженіе, упадокъ силъ и изнеможеніе.

Въ подобномъ случаѣ, разумѣется, невольно напрашиваются вопросы: развѣ нельзя принять никакихъ мѣръ къ побужденію общества расширить помѣщеніе? или: развѣ нельзя просто приказать сократить число учащихся? Все это, отвѣчу я, бываетъ, конечно; но не всегда легко и скоро приводится въ исполненіе. Пожары, неурожай, безработица, проистекающая отсюда бѣдность и болѣзни населенія парализуютъ надолго возможность улучшеній.

А гуманнѣйшая, энергичная и преданная дѣлу учительница готова расплакаться при мысли, что будетъ вынуждена отказывать въ пріемѣ въ

этомъ году въ этотъ духовный пріютъ и безъ того обездоленнымъ, несчастнымъ дѣтямъ. Нѣтъ, она ужъ лучше будетъ „какъ-нибудь обходиться“, будетъ терпѣть и похварывать, а только не отказывать дѣтямъ. Если настаивать на противномъ, она, конечно, подчинится, но дотога разстроится, что подумаешь, подумаешь, да и махнешь рукой: дѣлайте, какъ хотите, Богъ съ вами.

Пройдетъ 3—4 года; крестьяне, можетъ быть, оправятся и за пристройкою дѣло не станетъ. Къ тому же недавно было и еще хуже. Теплыхъ сѣней не было, и дѣти раздѣвались все въ томъ же классѣ. А теперь есть теплыя сѣни; дѣти въ нихъ оставляютъ верхнюю одежду,—стало быть, жить можно. И у учительницы квартирку поулучшили; она была очень тѣсна. Теперь-же русскую печь изъ нея вынесли въ сѣни, а на ея мѣсто поставили „голанку“; стало на цѣлый аршинъ просторнѣе. Учительница и тѣмъ довольна. Довольная малымъ, она ужъ безпредѣльно счастлива и тѣмъ, что ее любятъ крестьяне, еще болѣе любятъ дѣти, а начальство—сколько ни было его (со мной ужъ съ 6-мъ инспекторомъ она служитъ) всѣ признавала ее первою учительницею въ уѣздѣ. Я предлагалъ ей переводъ въ городъ, но она не желаетъ, предпочитая жизнь и учительство въ деревнѣ, лишь бы только помѣщеніе училища было по-просторнѣе.

5) Лельковское училище.

Убого помѣщеніе Лельковского училища. Вообще бываетъ непріятно видѣть, что училище ютится подъ одною кровлею съ волостнымъ правленіемъ. Непріятно потому, что съ этимъ учрежденіемъ не столько связывается представленіе о его специальной функціи, сколько бросается въ глаза толкотня, суетня, крикъ, брань полуныньхъ, а иногда и совсѣмъ пьяныхъ мужиковъ, дурной наглядный примѣръ различнаго безобразія для дѣтей, идущихъ подъ ту-же кровлю съ цѣлями усвоенія нравственныхъ основъ. Но еще непріятнѣе бываетъ, когда волостное правленіе занимаетъ лучшую и большую часть зданія. А именно такъ и бываетъ всегда. Если помѣщеніе училища при волостномъ правленіи и бываетъ довольно хорошо, какъ напр. въ селѣ К-хъ, то помѣщеніе самого правленія еще лучше. Но здѣсь, въ Лельковѣ, помѣщеніе училища и сноснымъ назвать нельзя: такъ оно тѣсно, низко, грязно и душно! А квартира учителя—что это такое? Это крохотное мѣстечко въ самомъ классѣ, отгороженное жиденькою, щелистою изъ тонкихъ досокъ перегородкою, не доходящею до потолка на $\frac{1}{2}$ аршина. Нельзя и сравнивать такую квартиру учителя съ обыкновенною лакейскою, или прихожей, или помѣщеніемъ дворника у какого-нибудь зауряднаго домовладѣльца.

У учителя, какъ говорится, повернуться негдѣ; отворенная дверь уже упирается въ стулъ, стоящій передъ столикомъ. Таковъ просторъ учительской квартиры. А воздухъ? Пять—шесть часовъ пробыли здѣсь, въ тѣсномъ классѣ, 60 человекъ; много надышали они; подъ конецъ становится душно до головокруженія въ полуотравленной ими же атмосферѣ, полной смѣше-

ніемъ различныхъ запаховъ отъ овчинъ, грязныхъ лаптей, прѣлыхъ онучъ, отъ головъ, умащенныхъ то коровьемъ, то деревяннымъ масломъ, то квасомъ отъ пицци, приносимой дѣтьми, отъ испарины, дыханья и, наконецъ, отъ пыли, поднимаемой непрерывно движеніемъ 120 рукъ и 120 ногъ.

Но вотъ кончились уроки; дѣти вышли на вольный воздухъ, на которомъ проведутъ и значительную часть остающагося дня. А учитель? онъ останется отдыхать, освѣжаться и заправляться силами на завтра въ той-же самой вонючей, испорченной, пыльной атмосферѣ, которая одинаково наполняетъ какъ классъ, такъ и его конуру въ этомъ же классѣ! Конечно, онъ можетъ отворить дверь, чтобы очистить воздухъ. Но вѣдь зима: настудишь, а въ училищѣ и безъ того холодно становится, какъ только оно лишится 60-ти одушниковъ дѣтскихъ ртовъ, согрѣвавшихъ училище дыханіемъ. Можетъ учитель и прогуляться, но много-ли? $\frac{1}{2}$ часа, много часъ. А прочіе 23 часа? И такъ изо дня въ день, изо дня въ день; и ко всему этому—безъ какого либо развлечения, безъ сообщества, одинъ въ четырехъ холодныхъ, тѣсныхъ стѣнахъ, безъ возможности пройти среди нихъ или подышать чистымъ воздухомъ.

Такъ идутъ цѣлые годы.....

Я рисую мрачную картину; но я ничего не преувеличиваю въ ней. Можно утѣшаться нѣсколько тѣмъ, что не всѣ же учителя въ такихъ ужасныхъ условіяхъ. Это правда.

Но я говорю о Лельковскомъ училищѣ и обрисовалъ жалкое положеніе его учителя, чтобы за тѣмъ спросить: какимъ надо обладать сердцемъ, чтобы рѣшиться упрекать такого учителя, если окажется, что успѣхи его учениковъ не блестящи?

А если къ упреку не будетъ повода, то самъ собою рождается другой вопросъ: что за могучій источникъ духовныхъ силъ кроется не рѣдко въ этихъ труженикахъ, что они, не взирая на всю быющую въ глаза безотрадность обстановки ихъ жизни, работаютъ неустанно, плодотворно и даже съ искреннею любовью и удивительнымъ усердіемъ, какъ работаетъ напрѣдѣсь г. Большаковъ! Мнѣ кажется, что если чему слѣдуетъ удивляться, то это именно подобному проявленію мощи человѣческаго духа въ нашемъ русскомъ народномъ учителѣ. Удивленіе это граничитъ съ благоговѣніемъ и, думаю, нѣтъ надобности быть непремѣнно идеалистомъ, чтобы согласиться съ этимъ всякому, кто близко и детально знаетъ всю тяжесть труда народнаго учителя и кто хотя мысленно поживетъ съ нимъ въ условіяхъ, только что обрисованныхъ.

Кто этотъ г. Большаковъ? Онъ сирота, сынъ почтальона, прошелъ, стало быть, суровую школу сиротской нужды, прошелъ и курсъ начальной народной школы; учился въ двухклассномъ городскомъ училищѣ. Потомъ самъ надумалъ учительствовать; выдержалъ экзаменъ на народнаго учителя былъ года два-три помощникомъ; потомъ ему дали и мѣсто учителя, а такъ какъ онъ не студентъ духовной семинаріи и не воспитанникъ учительской семинаріи, то и получилъ училище плохонькое, здѣсь въ Лельковѣ, гдѣ и служить уже 5 лѣтъ, а всего 8-мъ лѣтъ.

Съ виду Большаковъ не представительнъ; небольшого роста, худощавый, съ крупными чертами лица, онъ однако становится тѣмъ симпатичнѣе, чѣмъ ближе знакомишься съ нимъ; по натурѣ онъ человѣкъ довольно живаго характера, впечатлительный, отзывчивый, но гнетъ нужды подавилъ въ немъ свободное проявленіе характера, и онъ кажется вначалѣ какимъ-то приниженнымъ, застѣнчивымъ. По счастью, какъ это случается нерѣдко, нужда и сиротство не извратили въ немъ юношеской честности и простодушія, а вмѣстѣ съ условіями одиночества придали его уму замѣтную склонность къ созерцательности, религіозности, къ наслажденію природою, откуда уже не далеко до любви къ дѣтямъ, а черезъ нее и къ учительству.

Пока я производилъ ревизію, Большаковъ молчалъ, но часто игравшая на его лицѣ улыбка выдавала его внутреннее волненіе отъ удовольствія, что гдѣ бы и чего бы я ни коснулся, все оказывалось очень хорошо, даже отлично. Дѣти... какія они милыя, право! Впрочемъ, и вездѣ почти крестьянскія дѣти нравятся мнѣ гораздо болѣе, нежели городскія или дѣти подгородныхъ селеній, а тѣмъ болѣе, нежели дѣти фабричнаго населенія. Но на дѣтяхъ Лельковского училища положительно замѣтенъ отпечатокъ самого учителя,—особенный оттѣнокъ непринужденности въ отвѣтахъ и манерахъ, наивность, прямота, веселость и наконецъ смысленность и развитость. Они не только учатся, но и читаютъ на дому много, для чего при училищѣ есть небольшая бібліотечка изъ книгъ для внѣкласснаго чтенія, разбираемыхъ на расхватъ не только дѣтьми, но и взрослыми. Классная молитва поставлена здѣсь очень хорошо. Успѣхи дѣтей всѣхъ 3-хъ отдѣленій и по всѣмъ отдѣламъ занятій отличныя.

Читаютъ дѣти по-русски прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ: свободно, правильно, выразительно и толково.

Вотъ отмѣтки въ моей ревизіонной записи:

Младшее отдѣленіе: 5. 4+ 5. 2. 4— 5. 2. 5+ 5. 5.

Среднее отдѣленіе: 5+ 5+ 5+ 5+ 5+ 5+

Старшее отдѣленіе: 5+ 5. 5+ 5. 5. 5+ +.

По церковно-славянской грамотѣ у меня въ записи значится: „механизмъ чтенія великолѣпнѣйшій“, и отмѣтки старшему отдѣленію: 5+ + 5+ + 5+ +.

Подобнаго чтенія я еще ни разу не встрѣчалъ.

Право, мнѣ кажется, я вовсе не преувеличу, если скажу, что ни учитель, ни я не прочли бы лучше этихъ дѣтей,—до того правильно, свободно и прелестно-благоговѣнно, выразительно они читали. Переводятъ и значеніе словъ знаютъ отлично. На память даже знаютъ, какіе именно псалмы входятъ въ составъ каждаго часа.

По ариметикѣ, этому камню преткновенія для многихъ и многихъ учителей, успѣхи почти отличныя, даже прямо отличныя для старшаго отдѣленія. Данную мною задачу рѣшили всѣ и очень хорошо объяснили; примѣръ на дѣленіе многозначныхъ чиселъ рѣшили всѣ вѣрно и быстро; бѣглый счетъ, устные вычисленія (и съ дробными числами) производятъ очень хорошо.

То-же почти можно сказать о среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ, хотя здѣсь пройдено менѣе того, чѣмъ было бы желательно.

Письмо во всѣхъ отдѣленіяхъ поставлено очень хорошо. Къ сожалѣнію, только въ младшемъ отдѣленіи пишутъ не на бумагѣ, а на доскахъ,—по недостатку бумаги, какъ объяснилъ учитель.

Въ среднемъ отдѣленіи есть одинъ ученикъ, у котораго на рукахъ пальцевъ почти вовсе нѣтъ, есть только одинъ мизинецъ, да одинъ суставъ безымяннаго пальца; но и этотъ ученикъ пишетъ недурно.

Правописаніе учениковъ старшаго отдѣленія отличное; средній выводъ изъ отдѣльныхъ отмѣтокъ за данный мною диктантъ получился $4\frac{3}{5}$.

Отдѣлъ самостоятельныхъ письменныхъ изложеній ведется тоже очень хорошо. Продѣлано свыше 50-ти работъ, главнымъ образомъ по руководству *Баранова*; но есть нѣсколько и особыхъ работъ, какъ напр. по составленію писемъ и нѣк. др.

И излагаютъ дѣти довольно хорошо для ихъ возраста и среды.

А какъ славно они усвоили всѣ рассказы изъ отечественной исторіи, помѣщенные въ „Книгѣ для чтенія“ *Баранова*. Отлично и бойко показывают по картѣ всѣ пункты, упоминаемые въ географическомъ отдѣлѣ того же руководства, и отвѣчаютъ о характерѣ мѣстности, природы и промышленности разныхъ частей Русскаго государства.

Словомъ, видимо, щеголяютъ бойкостью и основательностью знанія этихъ, хотя маленькихъ, но полезнѣйшихъ курсовъ родной исторіи и географіи. Лица дѣтей сіяютъ удовольствіемъ.

Вижу, что имъ замѣтно и мое удовольствіе, и они ужъ просто рвутся отвѣчать, мгновенно всѣ поднимая руки и отъ нетерпѣнія даже потрясая ими, какъ бы усиленно прося каждый: „меня спросите! меня! меня! Я знаю!“ и т. п.

Смотря на сіяющихъ дѣтей и учителя, я чувствовалъ, что неудержимо заражаюсь ихъ радостью, и наконецъ объявилъ имъ и учителю, что лучшей ревизіи еще не сдавалъ ни одинъ учитель въ 3-хъ вѣреннѣхъ мнѣ уѣздахъ.

— Вѣдь ужъ и ждалъ же я Васъ, В. А., говоритъ учитель: такъ ужъ боялся, что Вы не пріѣдете.

Что такъ? спрашиваю я его.

— А вотъ что: я еще въ прошломъ году поставилъ себѣ цѣлю: приложить наибольшее стараніе и все свое умѣнье, чтобы самому себѣ уяснить, гдѣ предѣлы, или что можетъ сдѣлать учитель въ начальномъ училищѣ по всѣмъ отдѣламъ занятій въ каждомъ изъ 3-хъ отдѣленій. Мнѣ стало казаться, что можно порядочно многое сдѣлать.

Но не пристрастенъ ли я къ себѣ, не ошибаюсь-ли? Кто, кромѣ васъ, скажетъ мнѣ это? правильно и внимательно оцѣнить мою работу, мой опытъ?

Вотъ я съ нетерпѣніемъ все и ждалъ васъ.

Но наступилъ и мартъ, распутица, а васъ нѣтъ. Такъ ужъ и думать, что не пріѣдете. А вотъ... какъ, право, я радъ, если бы знали?..

— Вѣрю вамъ, говорю я; самъ радуюсь съ вами за вашу блестящую работу и снова говорю: вы превзошли даже Новгородскаго, котораго я до

сихъ поръ считалъ первымъ изъ учителей уѣзда, да даже превзошли всѣхъ учителей 3-хъ моихъ уѣздовъ. Спасибо вамъ, спасибо за вашъ прекрасный и интересный опытъ. Но скажите, по долгу-ли вы ежедневно работали?

— Ну, ужъ скажу вамъ правду,—я и время поувеличилъ: я занимаюсь каждый день до 4 часовъ.

— До 4 часовъ! Это удивительно. Это даже напрасно, по моему, что я и замѣтилъ г. Большакову.

Напрасно потому, что во 1-хъ онъ, видимо, надорвался, похудѣлъ, истомился (припомнимъ кстати квартиру его); а во 2-хъ то-же самое успѣлъ бы сдѣлать и занимаясь до 3-хъ, потому что, какъ оказывается, теперь—къ началу Марта, уже совершенно все пройдено, хоть сейчасъ вести дѣтей на выпускной годичный экзаменъ.

Но таково благородное увлеченіе молодой, сангвинической натуры, что, въ настоящемъ случаѣ, оно дѣлаетъ только высокую честь славному труженнику, который работаетъ, явно жертвуя дѣлу своимъ здоровьемъ.

Я предложилъ Большакову отпускъ на недѣлю, чтобы онъ предался полному покою у себя на родинѣ, но онъ отказался, напомнивъ, что онъ сирота, что на родинѣ онъ не найдетъ отдохновенія, а лучше останется здѣсь, сокративъ только время ежедневныхъ занятій.

Какъ право жаль, что нѣтъ для учителей особыхъ почетныхъ наградъ, кромѣ маленькой серебряной медали, которую можно при томъ получить не ранѣе, какъ послѣ 10 лѣтней службы. А. Большаковъ служитъ 8 лѣтъ. Бываютъ случаи и бываютъ лица, которые требуютъ исключеній или же особыхъ отличій.

6. Луговское училище.

Помѣщеніе собственное; но, если можно такъ выразиться, идеально неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ: и ветхо, до того, что грозитъ паденіемъ, и тѣсно, съ какимъ-то невозможнымъ расположеніемъ партъ, и холодно до крайней степени; сыро, дымно; грязь... по истинѣ во многихъ конюшняхъ и полы чище и прочнѣе, и запахъ сноснѣе; стекла въ нѣсколькихъ мѣстахъ совсѣмъ повывбиты и замѣнены либо бумагою, либо комьями грязнаго тряпья, которые выпячиваются на улицу какъ какіе-то не то туго-набитые мѣшки, не то подушки, а внутрь свѣшиваются слишкомъ неживописными гирляндами лохмотьевъ. Въ полу провалы, надъ окнами и въ разныхъ мѣстахъ на потолкѣ какія-то заплаты изъ брусевъ, досокъ, чурокъ, чтобы онъ не рушился.

Квартира учителя... достаточно сказать, что это часть того же самого класснаго помѣщенія. Но до того миниатюрная, что вся длина ея равняется длинѣ кровати, а ширина допускаетъ поставить противъ кровати только узенькій столикъ. *) Я не преувеличу, если скажу, что такое помѣщеніе

*) Завѣдывая въ настоящее время Нижегородскимъ уездомъ, я считаю не лишнимъ еще разъ напомнить, что въ этомъ уездѣ, несмотря на очень значительное число училищъ (сидишкомъ 100),—нѣтъ ни одного подобнаго описываемому.

годно только для совершившаго тяжелое преступленіе, чтобы заключеніемъ въ такомъ помѣщеніи сколько возможно скорѣе отправить его въ могилу и тѣмъ избавить общество отъ вреднаго члена (учитель ужъ перенесъ не одну болѣзнь здѣсь.) Но какъ, безъ сомнѣнія, способъ такой не примѣняется къ заключеннымъ преступникамъ, то что-же подумать о причинахъ заключенія сюда учителя?

Бѣдность населенія? Нѣтъ. Безжалостное отношеніе? по чье-же?... Что касается меня, то я еще впервые знакомился съ этимъ ужаснымъ училищемъ, и, осмотрѣвъ его, немедленно обратился официальнымъ отношеніемъ надлежащаго содержанія какъ къ мѣстному обществу, такъ и въ училищный совѣтъ.

— Давно-ли принадлежитъ училищу такое помѣщеніе? спрашиваю я учителя.

— Вотъ ужъ годъ.

— Какъ! только?

— Да.

— А гдѣ-же прежде помѣщалось оно?

— При волостномъ правленіи.

— Развѣ тамъ еще хуже было?

— Нѣтъ, тамъ было лучше.

— Зачѣмъ-же купили это?

— Чтобы доставить больше удобства волостному правленію.

— И дорого заплатили за это зданіе?

— 160 рублей.

Училищное зданіе во сто шестьдесятъ рублей!...

7. Загаринское училище.

Первое впечатлѣніе, производимое училищемъ, говоритъ совѣмъ не въ его пользу: такъ оно непрigладно своими стѣнами, такъ все обветшало въ немъ, такъ холодно, что приходится сидѣть въ классѣ во всемъ дорожномъ одѣяніи. Учительница тоже въ валеной обуви и тепломъ пальто. Потолокъ провисъ; нѣкоторыя доски высунулись внутрь класса дугою; въ двухъ мѣстахъ прибиты планки для поддержанія потолка. Я справился у учительницы, какъ относится къ училищу попечитель дворянствъ М. П. Она объяснила, что потолокъ осматривали; призывали плотниковъ; плотники сказали, что „ничего“.

Какъбы то ни было, мнѣ снова пришлось обратить вниманіе училищнаго совѣта, попечителя и общества на опасное состояніе потолка.

— Какъ вы тутъ проводите все учебное время? спрашиваю я г-жу Неспѣлову, убѣждаясь, что мои озябшія въ пути ноги что-то слишкомъ долго не согрѣваются.

— Какъ-же быть-то? говоритъ: все-же теплѣе, чѣмъ у меня въ квартирѣ; у меня тамъ вода мерзнетъ въ самоварѣ, когда онъ остается на ночь на полу или близъ окна.

Прослушавъ одинъ урокъ, я зашелъ въ квартиру учительницы. Дѣйствительно, здѣсь еще холодитѣ и сырѣ и еще непригляднѣе, благодаря отставшимъ, обвисшимъ и оборваннымъ обоямъ.

— Хоть-бы немножко подклеить ихъ, говорю я.

— Пробовала не разъ, да толку нѣтъ: мышей много; такія щели и дыры вездѣ прогрызли; бѣгаютъ вездѣ даже днемъ; клейстеръ обойный привлекаетъ ихъ, и онѣ поѣдаютъ его вмѣстѣ съ обоями.

— Какъ-же вы здѣсь спите, если вода мерзнетъ?

— Да ужъ такъ... одѣваюсь всѣмъ, что есть у меня. Попривыкла; вѣдь ужъ 9-й годъ здѣсь.

Девятый годъ! удивляешься и недоумѣваешь, откуда берутся силы работать при такихъ условіяхъ. И какая-же славная, право, работница эта г-жа Неспѣлова. Она на столько, видимо, старалась всѣ 9 лѣтъ о совершенствованіи ввѣреннаго ей дѣла, что недостатокъ ея теоретической подготовки становится совершенно почти не замѣтнымъ, и она (учительница) является достойною конкуренткою лучшихъ учителей и учительницъ, вышедшихъ изъ учительскихъ семинарій. Всѣ стороны школьнаго дѣла, начиная напр., съ классной молитвы, носятъ у нея явные слѣды заботливости. Правда, здѣсь дѣти молятся нѣсколько небрежно, молитвы читаются спѣшно, но это уже, очевидно, потому только, что учительницѣ ни разу еще не пришло въ голову, что и тутъ возможно и должно имѣть мѣсто совершенствованіе. Въ остальномъ же молитва поставлена очень хорошо: читаютъ хотя и спѣшно, но правильно; сверхъ обыкновенныхъ молитвъ г-жа Неспѣлова ввела особыя молитвы за Государя, о здравіи и за упокой родныхъ, за отца духовнаго; читается также Символъ вѣры. Слушая преподаваніе, я болѣе и болѣе убѣждался въ ея отличныхъ способностяхъ; въ опытности, въ умѣннѣи вести классъ въ образцовомъ порядкѣ, поддерживать вниманіе и дѣятельность всѣхъ дѣтей.

Воспитательная часть также не оставляетъ, кажется, желать ничего лучшаго. Дѣти чисты, опрятны, держатъ себя и свободно и прилично: любить свою учительницу и ужъ, разумѣется, за то прежде всего, что она любить ихъ.

II. Училища съ лучшими помѣщеніями. Попечители училищъ.

8. Лиховское училище.

Лиховское училище есть, можно сказать, образцовое среди образцовыхъ. Здѣсь все очень хорошо или иное даже прекрасно. Бросается въ глаза виѣшнее устройство и тотчасъ-же вмѣстѣ съ этимъ повсюдный порядокъ, чистота, дисциплина, довольство. Надо сказать напередъ, что всѣ учащіеся здѣсь и живутъ. Училище содержится на средства попечителя г. Хонина. Цѣль г. Хонина состояла въ томъ, чтобы, по возможности, не нарушая простоты условій сельской жизни дѣтей, создать однако-же такія условія, которыя, смягчая, облагораживая грубоватыя стороны характеровъ и просвѣщая умы свѣтомъ Христова ученія и познанія грамоты, въ то же время содѣйствовали бы утвержденію въ дѣтяхъ любви и привычки къ деревенскому труду.

Попечителю хочется ввести въ число учебныхъ предметовъ ознакомленіе съ сельскимъ хозяйствомъ путемъ сообщенія элементарныхъ необходимыхъ свѣдѣній и практическихъ занятій. Въ этихъ-же цѣляхъ учителю дана земля, чтобы онъ самъ обрабатывалъ ее. Все это не приведено или почти не приведено въ исполненіе, но если г. Хонинъ не охладѣетъ къ начатому дѣлу, можетъ быть, все и исполнится. А пока это только просто училище безъ профессиональнаго характера. Во всякомъ случаѣ однако—училище прекрасное.

Съ виѣшной стороны это просторное, удобное деревянное зданіе, крытое желѣзомъ. Оно раздѣляется на шесть частей: центральная часть представляетъ общежитіе: большая комната, по срединѣ которой вдоль идетъ рядъ столбовъ, (стояковъ); на половинѣ высоты ихъ утверждены широкія нары, на которыя ведутъ особыя неподвижно утвержденныя лѣсенки; такимъ образомъ комната представляетъ два яруса; въ обоихъ, по правую и по лѣвую сторону стояковъ устроены дѣтскія кровати, которыя на день складываются и прикрѣпляются къ тѣмъ же стоякамъ такъ, что вся комната дѣлается свободною.

Сосѣдняя съ общежитіемъ комната весьма большая—квартира учителя. Затѣмъ сосѣдняя съ другой стороны—столовая и кухня, тоже большая просторная комната. Далѣе—сосѣдняя съ квартирою учителя—по другую сторону—классъ.

Это высокая (5 арш.), свѣтлая, прекрасно вентилируемая, просторная комната, съ необыкновенно чистымъ во всякое время поломъ, съ хорошею (однако нисколько не роскошною) классною мебелью, съ нѣсколькими висѣющими лампами для вечернихъ занятій и украшенная красивою иконою, портретомъ Государя, картинами изъ Священной исторіи и картами. Рядомъ съ классомъ еще комната; это, такъ сказать, запасная, на случай какой либо потребности въ лишней комнатѣ. Далѣе помещеніе для умыванья съ весьма практично устроеннымъ умывальникомъ, за которымъ могутъ разомъ умываться нѣсколько человѣкъ; тутъ же звонокъ, разъ навсегда прикрѣпленный къ опредѣленному мѣсту. Наконецъ,—корридоръ (гдѣ и раздѣваются ученики) и прочее.

Постели учениковъ—это весьма и весьма жесткопѣкіе коврики, съ чистыми простынками, небольшими подушками и теплыми одѣялами, теплыми однако, по спеціальному назначенію быть таковыми, а не по существу: мнѣ казалось, что подъ ними не очень тепло должно быть дѣтямъ, о чемъ я даже и спросилъ ихъ, когда они ложились спать. Но нѣтъ: „Тепло! говорятъ. Впрочемъ, и то сказать; въ самыхъ комнатахъ $+15^{\circ}\text{R}$. постоянно; и топятъ конечно, не сырымъ осинникомъ, какъ во многихъ безпризорныхъ училищахъ.

Ложатся дѣти въ 9 часовъ, сперва, конечно, поужинавъ и помолвившись. Ужинъ, какъ и обѣдъ, разумѣется, скромный: картофельная похлебка (либо щи) и каша гречневая,—больше ничего. Но не сомнѣнно, что дѣти дома и это не всегда имѣютъ, по собственному свидѣтельству ихъ. Кромѣ того, какъ я лично убѣдился, готовится все вкусно и чисто. Масла дается совершенно довольно. Хлѣбъ дѣти приносятъ свой на цѣлую недѣлю. Впрочемъ, и прочій съѣстной матеріалъ полу-свой, такъ сказать.

Поступая въ училище, каждый ученикъ обязанъ внести за себя за весь учебный годъ: во первыхъ—75 к. деньгами, затѣмъ мѣру пшена, 2 мѣры картофеля и 15 фунтовъ ржаной муки.

Такъ дѣлается не потому, чтобы попечитель пожалѣлъ своихъ средствъ, а изъ принципа: пусть, дескать, крестьяне хоть чѣмъ-нибудь да участвуютъ въ дѣлѣ, которое дѣлается для нихъ; а не прямо, безъ всякихъ усилій или жертвъ, получать все готовенькое.

Само собою, передъ ужиномъ бываетъ молитва: поется „Отче нашъ“. Молитвою ужинъ и кончается. Затѣмъ идутъ въ спальню; идутъ парами, чинно, неслышными шагами (почему, скажу далѣе) и становятся каждый на своемъ мѣстѣ: на какомъ кто стоялъ вчера, третьяго дня, недѣлю назадъ, на томъ же стоятъ и теперь. Молитва довольно продолжительная, чинная; ученики молятся благоговѣнно, перѣдко съ коленнопоклоненіемъ. „Вотъ это молитва!“ думалось мнѣ, когда я, присутствуя на ней, наблюдалъ за учениками и любовался ими; а не то что по нѣкоторымъ учили-

щамъ: тамъ одна форма, и форма-то уродливая; ни благолѣпія, ни благоговѣнія, ни чинности, ни осмысленности. Здѣсь все на-лицо. Но вотъ и молитва кончилась. Дѣти поклонились учителю, поклонились и мнѣ.

— Покойной ночи! говорю я имъ.

Благодаримъ покорно! отвѣчаютъ они: и Вамъ также. И это говорится такъ просто, свободно, что не можетъ быть и мысли, чтобы ихъ нарочно приучали или заставляли такъ отвѣчать. Такъ и видно, что это есть слѣдствіе общаго духа или направленія и системы воспитанія, а не результатъ отдѣльныхъ гувернерскихъ наставленій и приказаній. Къ слову: когда я вошелъ къ дѣтямъ во время обѣда и попривѣтствовалъ ихъ: „хлѣбъ да соль, ребятушки!“ они почти всѣ такъ же мило отвѣчали: одни — „благодаримъ покорно!“ другіе то же, но съ дополненіемъ: „милости просимъ!“ а нѣкоторые и къ этому добавили: „хлѣба съ нами кушать!“.

Возвращаюсь къ прерванному. Ученики поклонились, однако же стоятъ, не уходятъ. Но вотъ легкій ударъ палочкой или линейкой по окну и всѣ разомъ, но въ строгомъ порядкѣ, неслышно, безмолвно разсыпаются каждый къ своей постели и встаютъ тутъ, но на одно мгновеніе. Слышится легкій возгласъ учителя: „Разъ!“ Моментально всѣ руки протянулись къ крючкамъ, — отцѣпились и отогнулись кровати. — „Два!“ — разомъ развернуты коврики съ одѣялами: постели готовы. „Три!“ говоритъ учитель, и быстро снята обувь, положена на свое мѣсто; дѣти ужъ подъ одѣялами, но еще сидятъ: каждый вынимаетъ изъ подъ рубашки свой натѣльный крестъ, крестится и цѣлуетъ его. Сдѣлано наконецъ и это. Я еще разъ желаю имъ покойной ночи и снова сыплются съ разныхъ концовъ отвѣтныя пожеланія. Затѣмъ все стихаетъ и водаряется полное безмолвіе.

Встаютъ дѣти въ 6 часовъ. Уборка, молитва, завтракъ, повтореніе уроковъ, приготовленіе къ классу, и въ 9 часовъ начинаются занятія.

Дисциплина классная превосходная. Муха пролетитъ, слышно, какъ говорится. А между тѣмъ, какъ я сказалъ раньше, не слышно бываетъ ходьбы учениковъ, хотя бы всѣ разомъ повышли изъ-за партъ своихъ. И это не оттого, чтобы ихъ такъ вымуштровали и чтобы они ходили на цыпочкахъ; нѣтъ они ходятъ бойкой, скорой, свободной поступью; но имъ просто нельзя производить топота: они имѣютъ на ногахъ особо для того приспособленную шерстяную обувь, родъ толстыхъ вязаныхъ ботинокъ, которыя надѣваются на время уроковъ.

Вечеръ дѣти проводили въ классѣ, приготовляя уроки. А между обѣдомъ и вечерними занятіями гуляли на волѣ: играли, бѣгали, перебрасывались снѣгомъ, толкались, кричали, но все это въ предѣлахъ позволительнаго и свойственнаго дѣтямъ. Какихъ-либо безобразій, глупыхъ дурачествъ, бранныхъ словъ — нѣтъ и признака.

Не знаю, говорить ли мнѣ подробно объ учителѣ. Все вышеизложенное не достаточно ли уже свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ учителѣ прекрасномъ? Прибавятъ ли къ этой фактической оцѣнкѣ что нибудь мои отзывы, что г. Масловъ человѣкъ добрый, любящій, религіозный, умный, знающій и опытный? Лучше скажу, что тяжело ему работать тутъ безъ по-

мощника. Положимъ, есть еще тутъ дядька или что-то вродѣ того, изъ бывшихъ дворовыхъ покойнаго отца г. Хонина. Но вѣдь это не помощникъ въ надлежащемъ смыслѣ слова. Правда, онъ человѣкъ добрый же, честный, но много-ли онъ можетъ помочь учителю? И оказывается, что учитель, какъ маятникъ, съ ранняго утра до самой ночи, все съ дѣтьми и съ дѣтьми.

— „Тяжеленько!“ признается онъ. Да это и видно: блѣдное лицо, усталый взоръ ясно говорить, какой непосильный трудъ несетъ г. Масловъ. Одна школа съ 6-ти, 7, 8 часовыми занятіями, разомъ съ 3-мя отдѣленіями и та въ состояніи надломить энергію и силы народнаго учителя. А къ этому еще интернатъ и совокупность всѣхъ обязанностей, какія въ другихъ заведеніяхъ возлагаются на отдѣльныхъ лицъ: директора, инспектора, учителя, надзирателя,—это, по моему, невозможный трудъ.

И кто-бы могъ подумать—содержатель и попечитель училища не доволенъ учителемъ!

9. Бѣдновское училище.

Почетный блюститель-крестьянинъ А. А. Пономаревъ, одинъ изъ лучшихъ попечителей и блюстителей училищъ. Въ прежніе годы онъ приносилъ училищу матеріальную помощь (въ ней же теперь училище не нуждается пока). Главное-же достоинство его—сердечное, заботливое отношеніе къ училищу вообще. Въ то время, какъ иные, даже просвѣщенные попечители, не заглядываютъ въ училище по полугоду и болѣе, онъ—и въ той недѣли, чтобы не навѣдался въ свое.

Бываетъ даже на урокахъ. Въ праздники онъ изъ дома идетъ не прямо въ церковь, а всегда и непременно сначала въ училище; тамъ соберутся всѣ: и учителя, и ученики, и въ такомъ полномъ составѣ, въ порядкѣ (дѣти по-парно) идутъ уже въ церковь; здѣсь учителя на клирость, а А-й Ал-чѣ съ дѣтьми. И блюдетъ за ними, не вздумали бы шалить, вертѣться. Понадобилось кому выйти изъ церкви,—безъ спроса нельзя, надо подойти къ А-ю А-чу. Подойдетъ, шепнетъ на ухо и, получивъ разрѣшеніе, выходитъ; а бываетъ, что и разрѣшенія не получить. „Вижу, говоритъ попечитель, что баловство одно, и не пуцую“.

Говорю обо всемъ этомъ не со словъ его только, а вмѣстѣ какъ очевидецъ. Дѣтей онъ любитъ и обращается съ ними просто, съ тѣмъ милымъ не принужденнымъ умѣньемъ, какое, вѣроятно, случалось каждому встрѣчать въ семьѣ умнаго и обстоятельнаго крестьянина.

10. Адаевское училище.

Никто въ училищѣ не слышалъ и не видалъ, какъ я подѣлхалъ къ училищу и, раздѣвшись въ квартирѣ учительницы, зашелъ въ классъ, гдѣ засталъ такимъ образомъ работу во всей ея неподдѣльной обычности. Вотъ батюшка расхаживаетъ по классу, громко рассказывая какую-то прицпу

Христову, вотъ дѣтишки въ различныхъ позахъ, устремивъ взоры на священника, повидимому, внимательно слушаютъ его разсказъ. А вотъ у шкафа въ очень и очень плохонькомъ, ветхомъ платьѣ роется въ тетрадяхъ довольно уже не молодая особа,—конечно, учительница. Но это что за мужикъ сидитъ, развалился на стулѣ; и тоже, повидимому, слушая преподаваніе?

Входъ посторонняго лица мгновенно однако прервалъ теченіе урока. Стали здороваться, знакомиться. Тутъ оказалось, что мужикъ, сидѣвшій на стулѣ—попечитель училища. Вотъ какъ! подумалъ я: попечитель, простой мужичекъ, посѣщаетъ училище, слушаетъ занятія!

А вѣдь какъ рѣдко даже интеллигентные попечители заглядываютъ во вѣренныя имъ училища.

— Васъ, должно быть, интересуетъ преподаваніе, спросилъ я попечителя.

— Какже, очень даже, отвѣчалъ онъ.

— Никита Андреевичъ часто у насъ бываетъ, встала учительница.

— Вообще позволю себѣ замѣтить, началъ о. законоучитель: Никита Андреевичъ заботливо относится къ училищу. Вотъ вѣдь... вы изволите видѣть, тѣсненько у насъ, а было вдвое и того хуже. Это вотъ заботами Никиты Андреевича порасширили училище; аршина на три вотъ отодвинули эту стѣну“.

— Вотъ что! Это прекрасно! Будемъ благодарить Никиту Андреевича, сказалъ я, протягивая руку. Послужите, послужите добродѣлю, Никита Андреевичъ,—и Богу, и Царю, и обществу своему. Господь благословитъ Васъ. Спасибо, спасибо Вамъ!“

— Очень и Васъ благодаримъ, отвѣчалъ онъ: послужить надо. Да оно, вишь ты, дѣло-то наше не богатое; а то я бы съ моимъ удовольствіемъ: мы бы и просторнѣе хотѣли, да сила-то не беретъ.

— Ну что-же, говорю, дѣлать? Спасибо большое Вамъ и на этомъ.

— Нѣтъ ужъ, говоритъ о. Петръ, и не на этомъ только спасибо-то ему: онъ у насъ и пѣнію учитъ.

— Что Вы! Какъ такъ! Да развѣ вы орудуете по этой части? спросилъ я попечителя.

— Да,—маленько; я съизмалѣтства любилъ это. Тутъ былъ у насъ человѣкъ такой,—онъ знатно обучалъ; ну, и я отъ него научился. Ну, да вѣдь вотъ и батюшка помогаетъ.

— Какъ же вы занимаетесь,—въ какое время?

— Да какъ доведется; раза по четыре въ недѣлю все ужъ прихожу. Ну, только все по утрамъ, покуда еще учиться не начали. Да ничего, успѣваемъ; поемъ хоромъ, вотъ ребята съ десятокъ,—голоски ничего, хорошенькіе“.

— Да у васъ, кажется, всѣ ребятки славные, говорю я, поглядывая на дѣтей: всѣ такіе опрятные, да и вѣжливые какіе, какъ я замѣтилъ.

— Объ этомъ, говоритъ законоучитель, мы всѣ стараемся вмѣстѣ. Никита Андреевичъ намъ хорошо и въ этомъ помогаетъ; не то что здѣсь только, а чтобы и на улицѣ,—чтобы непременно кланялись, шапки снимали при встрѣчѣ со стариками...

— Да это ужъ послѣднее дѣло, говорить Никита Андреевичъ, коли почтенія не будутъ имѣть. А то чѣмъ же и отличится нашъ ученикъ отъ неученаго мальчишки.

— Правда, правда. А давно состоите попечителемъ?

— Годовъ восемь будетъ ужъ.

Я еще разъ при всѣхъ дѣтяхъ благодарилъ попечителя, общая довести о немъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

II. Щуринское училище.

Щуринское училище помѣщается въ собственномъ, каменномъ и во всѣхъ отношеніяхъ образцово-отличномъ домѣ, выстроенномъ на средства попечителя Э. Ф. Рингмана. По обилію воздуха, его непрерывному обновленію вентиляціею, по обилію свѣта, по простору, по необыкновенной чистотѣ всюду, по обстановкѣ мебелью и учебными пособіями это училище не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Попечитель училища Э. Ф. Рингманъ числится купцомъ, но ничуть не напоминаетъ собою типичныхъ русскихъ купцовъ, составляя съ ними почти противоположность. Человѣкъ образованный и гуманный, сангвиникъ по характеру, онъ, мнѣ кажется, не представляетъ собою и типичнаго нѣмца. Это скорѣе французъ, а, пожалуй, еще лучше, русская душа, облагороженная лучшими вѣяніями европейской культуры. Э. Ф. человѣкъ религіозный, но совершенно свободный фанатической нетерпимости; лютеранинъ по рожденію и воспитанію, вѣроятно и по убѣжденіямъ, онъ однако чрезвычайно внимательно относится къ духовнымъ потребностямъ православнаго русскаго крестьянина. У щуринцевъ церковь мала, деревянная и ветхая: онъ хочетъ имъ строить новую, каменную. Школы не было совсѣмъ: онъ далъ и ее, да еще какую! Вотъ только законоучитель слабоватъ; предметъ Закона Божія страдаетъ, но и тутъ лютеранинъ Э. Ф. искренне болитъ душой, пишетъ къ директору, ко мнѣ: пріѣзжайте, поправьте дѣло, законоучитель то-то и то-то. Училище онъ навѣщаетъ часто, о дѣтяхъ, объ учителяхъ заботится, точно каждому изъ нихъ приходится кровнымъ родственникомъ. На лѣто напр. даетъ учителямъ хорошій заработокъ, да заботится, чтобы они его сберегали.

— Я вѣдь, говоритъ онъ, не отдамъ вамъ этого лѣтняго заработка, т. е., отдать-то отдамъ, но при одномъ условіи: положите его въ банкъ, а иначе и работы вамъ на лѣто отъ меня не будетъ. Для дѣтей создаетъ ремесло,—плетенье корзинъ, мебели, дорожныхъ чемодановъ и т. п. вещей.

Какая бы ни явилась въ училищѣ дѣльная потребность, она удовлетворяется немедленно. Мы съ директоромъ какъ-то замолвили, что хорошо бы училище раздѣлить перегородкою на двое, для удобства занятій двухъ учителей. Въ слѣдующій разъ пріѣзжаю: „Ну, вотъ вамъ и перегородка, говоритъ Э. Ф.: довольны Вы?“

Еще бы! да это капитальная стѣна: черезъ нее никакой шумъ не слышенъ.

— Нѣтъ, говорить, не то, что капитальная, это: не возможно ужъ; а я сдѣлалъ такъ: двѣ перегородки изъ толстыхъ досокъ, а между ними забилъ торфомъ, потомъ оштукатурилъ съ обѣихъ сторонъ“. На экзаменахъ, на ревизіяхъ Э. Ф. присутствуетъ постоянно отъ начала до конца. Мало того: устраиваю вечернюю бесѣду съ учителями,—онъ и на ней присутствуетъ все время, да еще съ супругою.

На училище онъ затрачиваетъ ежегодно отъ 700 до 1000 руб. слишкомъ, принимая на себя жалованье второму учителю, учителю ремесла, расходы на всякаго рода учебныя пособія, на ремонтъ и на страхованіе училищнаго дома, даже на праздничные подарки законоучителю, довольно крупные, лишь бы работалъ, не лѣнился; и наконецъ на обувь дѣтямъ во время классныхъ занятій. Обувь эта особая, вязаная изъ шерсти, съ войлочными подошвами, чтобы не было шума отъ ходьбы и не портился бы полъ ни гвоздями сапоговъ, ни грязью съ улицы.

Однимъ словомъ, лучше такого попечителя невозможно и представить, кажется.

12. Курловское училище.

Попечителемъ училища состоитъ Петръ Васильевичъ Сучковъ. Это одинъ изъ тѣхъ не часто встрѣчающихся людей, которые, пройдя долгую и суровую школу нужды и всевозможныхъ лишеній и получивъ затѣмъ неожиданно состояніе, не забываютъ Бога и черпаютъ изъ прошлаго опыта правила высокой мудрости и гуманнаго отношенія къ ближнимъ.

— „Тридцать восемь лѣтъ прожилъ я бѣднымъ землебромъ, получая 16 руб. 32 коп., да помощникъ былъ у меня безъ табаку и безъ сапогъ“, непрестанно вспоминаетъ вслухъ почтенный Петръ Васильевичъ: „знаю, какъ болитъ человѣческое сердце, вѣчно терзаемое нуждою..... а теперь... Господь послалъ мнѣ обильный достатокъ (П. В. получилъ большое наслѣдство); надо откликнуться на стоны труждающихся и обремененныхъ; въ этомъ я вижу волю Божию“.

И онъ откликается. Путемъ не малыхъ хлопотъ и непріятностей онъ обратилъ деревню, гдѣ поселился, въ село; создалъ всецѣло на свои средства Храмъ Божій, а въ дополненіе къ нему, или лучше, какъ преддверіе, построилъ школу. До сего времени она была маленькая; я указалъ на это, и теперь она уже расширена вдвое; не было пособій, географическихъ картъ и картинъ по Закону Божию; а какъ только заявили ему,—были приобретены немедленно. Не было ученической библіотеки: онъ и на это выдалъ мнѣ 50 рублей, обѣщавъ въ будущемъ и еще дать, сколько понадобится. Училище посѣщаетъ то и дѣло; наставляетъ, какъ умѣетъ, учащихся, „чтобы не лѣнились, трудились“, журить ихъ отечески за какіе-либо недостатки; журить и родителей и дѣтей въ случаѣ, если замѣтитъ невнимательное отношеніе къ училищу; постоянно ходить съ дѣтьми въ храмъ

Божій, и ужъ избави Богъ, если кто изъ дѣтей не пришелъ..... Н-н-нѣ-е-тъ! отъ меня вѣдь не укроешься“, говоритъ онъ самодовольно: „я старикъ, а все, все вижу. Я это смотрю: что это, какъ будто не всѣ? Такъ и есть: Политова Митрошки нѣтъ.

Прислать, говорю, ко мнѣ отца. Почему твой сынъ не былъ въ церкви? Ну, такъ и такъ говоритъ: лаптей не было,—не досужно было. А чего „лаптей не было“,—просто стыдно сознаться, что сынъ въ бабки проша-больничалъ. Ну, смотри говорю: если да еще замѣчу—и не ходи ко мнѣ; ни сѣмьянъ, ни денегъ, ничего не проси; мои двери будутъ закрыты для тебя. Ишь ты—лаптей не было! Знаемъ мы васъ—„лаптей нѣтъ“. Я 38 лѣтъ бѣднымъ землемѣромъ прослужилъ; 16 р. 32 к.... помощникъ безъ табаку и безъ сапогъ..... да служить же... А вы!.. церковь-то для кого я строилъ?“... Хотя все это ворчанье—добродушнѣйшее, но столь утомительно долгое, что онъ проймае имъ изрядно мужика—отца, а завтра придетъ въ школу также пилить „Митрошку“. Ни дѣти, ни ихъ родители не боятся угрозъ Петра Васильевича; они любятъ его и уважаютъ, но избѣгаютъ попасть подъ его длиннѣйшія нравоученія, а потому, по возможности, подчиняются его требованіямъ.

Нечего и говорить, что на ревизіяхъ, на экзаменахъ онъ присутствуетъ всенепремѣнно и только пошептываетъ: „вы построже, построже ихъ проберите, учителей-то самихъ, а то избалуются... имъ дай потачку... построже, построже“.

Словомъ, Петръ Васильевичъ—одинъ изъ наилучшихъ, благороднѣйшихъ и добрѣйшихъ училищныхъ попечителей.

Училище—это родное дѣтище его, и онъ для него истинный отецъ. Учащіе любятъ его; онъ ихъ тоже; говоритъ имъ на ты и хвалитъ ихъ, но только за глаза, а въ глаза все что нибудь ворчитъ, не умѣя, впрочемъ, скрыть улыбки, слишкомъ выдающей его добродушіе. Да это и къ лучшему.

13. Усовское училище.

Г. Чулковъ—баринъ съ очень большимъ состояніемъ, но къ училищу относится не то что не щедро, но прямо таки скупо и даже хуже того: въ качествѣ попечителя онъ не прочь вмѣшиваться въ распоряженія и учебною частью и самимъ учителемъ, котораго при томъ третируетъ не лучше, чѣмъ лакея. Съ учениковъ, приходящихъ изъ другихъ селеній, этотъ богатый помѣщикъ собираетъ плату за ученіе: по 50 коп. съ младшихъ, по 75 коп. съ среднихъ и по 1 рублю съ старшихъ.

Зачѣмъ-то распорядился, чтобы ученіе производилось въ два приѣма: съ 8¹/₂ до 12-ти утра и потомъ съ 2 до 5-ти. Законоучитель, учитель и родители не довольны такими порядками. Я разрѣшилъ имъ вести дѣло по прежнему, т. е. какъ и всюду—съ 9-ти утра до 2-хъ или 3-хъ пополудни. Тогда онъ сталъ грозить, что отниметъ помѣщеніе у училища, которое онъ даетъ въ заброшенной, грязной и холодной подвальной части стараго барскаго дома. Пришелъ разъ этотъ попечитель на урокъ къ законоучителю,

посидѣлъ и, уходя, при ученикахъ ни съ того, ни съ сего сказать ему: „прошу Васъ заниматься лучше!“ чѣмъ, разумѣется, крайне озадачилъ и обидѣлъ священника. Учителю приказываетъ смазывать рамы, кричитъ на него. Вообще, являетъ типъ попечителя совсѣмъ уже не желательный.

14. Раменское училище.

Наибольшій интересъ Раменское училище представляетъ съ внѣшней стороны, а одновременно и въ связи съ этимъ, и со стороны личности попечителя этого училища. Всякаго, кто знакомъ съ внѣшней стороной большей части сельскихъ училищъ, пріятно поразить внѣшній видъ Раменскаго училища.

На обширной зеленѣющей площади села, противъ красиваго сельскаго храма стоитъ поодаль отъ всѣхъ прочихъ сельскихъ построекъ зданіе народнаго училища, рѣзко выдѣляясь своею красотою и размѣрами. Новенькое, чистенькое, съ мезониномъ, окрашенное въ темно-коричневый цвѣтъ, съ желѣзною зеленою кровлею, обнесенное красивою, тоже окрашенною, рѣшеткою, оно, при первой мысли о спеціальному назначеніи его,—возбуждало во мнѣ самое отрадное чувство, какъ второй храмъ или какъ прекрасное дополненіе къ главному—храму Божію.

Мезонинъ—это квартира учителя; будь эта послѣдняя не въ видѣ мезонина, зданіе много потеряло бы въ своей внѣшности, имѣя всего одинъ этажъ въ 30 аршинъ длиною съ 10 окнами по лицу. Основной этажъ дѣлится внутри на три части: средняя, это просторная прихожая, на право по входѣ въ нее большая комната, въ которой помѣщаются старшее и среднее отдѣленія учениковъ; налѣво такая же комната для одного младшаго отдѣленія; здѣсь же небольшая, но чистая уютная комната для учительницы.

Въ первой изъ классныхъ комнатъ въ переднемъ углу большой образъ Александра Невскаго съ красивою предъ нимъ лампадою; на одной изъ стѣнъ—портретъ Государа Императора, на другихъ—картины изъ священной исторіи, карта Палестины и картины для нагляднаго ознакомленія дѣтей съ предметами изъ животнаго и растительнаго царствъ. Обѣ комнаты высокія, очень свѣтлыя, съ новою классною мебелью. Рядомъ съ главнымъ корпусомъ—флигель. Въ одной части его живетъ сторожъ, а въ другой—составляющей спеціальное назначеніе флигеля—живутъ по зимамъ дѣти, приходящія изъ дальнихъ деревень.

Зная достаточное количество училищъ въ разныхъ губерніяхъ, я могу сказать, что лучшаго начальнаго **земскаго** училища я не видывалъ. Въ немъ отнюдь нѣтъ ничего, что можно было бы назвать роскошью или излишествомъ, а только всего довольно: воздуха, свѣта, простора и прочихъ необходимыхъ удобствъ. Конечно, оно не дешево и стало: оно обошлось подъ 4000 рублей.

И вотъ здѣсь особенно убѣдительно видно, что можетъ сдѣлать любовь и преданность дѣлу даже тогда, когда, повидимому, сдѣлать почти ничего нельзя. Общество здѣшнее небогато. Училище прежде помѣщалось въ домѣ

бывшаго волостного старшины, съ платою ему ежегодно по 100 рублей и терпѣло невозможную тѣсноту. Очевидно, въ личныхъ своихъ интересахъ этотъ старшина вовсе и не думалъ заботиться о постройкѣ собственнаго училищнаго зданія, и, когда заходила о томъ рѣчь, онъ отзывался неимѣніемъ средствъ, бѣдностью общества, указывалъ на недоимки.

И все это было такъ убѣдительно, казалось несомнѣнно справедливо, что приходилось покоряться роковой силѣ обстоятельствъ. Но вотъ избирается новый старшина, человѣкъ умный, добрый, честный и набожный; его же избираютъ и попечителемъ училища. Видя крайнюю надобность въ помѣщеніи, онъ немедленно же замышляетъ строить для училища новое зданіе. Вопросъ однако за тѣмъ, откуда взять средства. У земства можно, вѣроятно, позаимствовать рублей 200, а можетъ быть и 300; но этого мало, очевидно. Обложить общество сборомъ? Но едва-ли согласятся: тяжелые годы переживаютъ, да и много-ли соберешь съ общества, которому и податей платить почти печѣмъ? Но по пословицѣ: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“, честный ревнитель просвѣщенія рѣшается не откладывать дѣла въ дальній ящикъ и съ согласія „лучшихъ стариковъ“ волости прямо приступаетъ къ обложенію по 50 коп. съ души.

Дѣло идетъ туго и медленно; но энергія почтеннаго крестьянина Тимофея Ильича и терпѣніе его преодолеваютъ препятствія: собрано до 500 рублей, земство ссудило 300; но затѣмъ и только. Тѣмъ не менѣе, Тимофей Ильичъ закупаетъ лѣсъ, ставитъ срубы; а въ то же время бывший старшина сѣетъ подозрѣнія въ обществѣ, чрезвычайно логично доказывая, что эти срубы десять разъ сгниютъ, прежде нежели послужатъ помѣщеніемъ для училища, ибо безъ денегъ и меньшаго не выстроишь; развѣ не думаетъ-ли новый старшина обременять общество новымъ налогомъ? Понятно, общество рошдетъ, недовольство растетъ. Но вдругъ эти самые срубы, простоявъ одну лишь зиму, слѣдующею же весною преобразуются въ прекрасное, какъ мы уже видѣли, училищное зданіе. „Картинка“, а не училище, говорятъ крестьяне, глядя на него и недоумѣвая первое время, какъ же это такъ все сдѣлалось!

И не буду рассказывать всѣхъ перипетій, пережитыхъ этимъ дѣломъ, всѣхъ многочисленныхъ заботъ, опасеній, волненій, хлопотъ, клеветъ и разныхъ непріятностей, которыя перенесъ достойный всякаго почтенія неутомимый новый старшина и попечитель.

Скажу кратко; ѣздилъ онъ въ Москву, ѣздилъ въ Петербургъ, выпрашивалъ у живущихъ тамъ на заработкахъ или у служащихъ на заводахъ и по магазинамъ своихъ односельцевъ пожертвованія на школу; занималъ у зажиточныхъ, у церкви, пожертвовалъ своихъ до 200 рублей и воздвигъ задуманное зданіе, оставшись въ долгу въ свой счетъ рублей на 700.

Нечего и говорить, что говоръ удивленія и горячей признательности общества съ той поры не смолкаетъ, и всѣ только спрашиваютъ меня: „а что, Ваше Благородіе, неужели за такое дѣло ему никакого награжденія отъ начальства не будетъ? Ужъ Вы, пожалуйста донесите кому тамъ слѣдуетъ!“ Кстати здѣсь прибавлю, что болѣе пожилые и опытные крестьяне высказывали мнѣ опасеніе,

какъ бы все не ограничилось одною благодарностью, которая могла бы, пожалуй, погасить энергію Тимофея Ильича и даже обидѣть самихъ ихъ т. е. общество; теперь оно, очевидно, не только цѣнитъ огромную заслугу новаго старшины и попечителя, но и всякую стороннюю оцѣнку его дѣла переносятъ уже и на себя.

Вопросы: „дадутъ, или не дадутъ медаль? какую? нельзя-ли такую, чтобы не въ примѣръ прочимъ, сразу повыше“, — очень интересуютъ общество. Наградить Т. И. Хлопотина — значитъ наградить и самое общество.

15. Алферовское училище.

Въ Алферовскомъ училищѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность попечителя. Это простой мужичекъ, имѣющій кое какой достатокъ, благодаря занятіямъ лѣснымъ промысломъ; но не кулакъ-міроѣдъ, а одинъ изъ тѣхъ немногихъ благодушныхъ, умныхъ и богобоязненныхъ людей, которые, приобрѣтая блага вещественныя, не менѣе (а можетъ быть, еще болѣе) озабочены мыслями о благахъ духовныхъ, о спасеніи души, о дѣлахъ Божіихъ. Сознывая необходимость и благодѣтельность просвѣщенія народнаго, Афанасій Федоровичъ сталъ проводить между односельчанами мысль объ устройствѣ училища, но видя бѣдность ихъ, рѣшилъ единолично построить зданіе, заручившись только согласіемъ земства на ассигнованіе суммы для жалованья учащимъ. И построилъ. Отмѣчу еще прекрасную черту этого человѣка. Когда я пріѣхалъ для осмотра училища, явился и онъ. Я не зналъ еще кто это такой, не зналъ и того, что училище построено однимъ лицомъ и, на вопросъ его, правится-ли мнѣ зданіе, отвѣчалъ похвалою, направляя ее однако по адресу всего сельскаго общества; а относительно квартиры учительницы выразился совершенно не одобрительно. „Ну, что-же, мы это какъ нибудь устроимъ по времени, будетъ сдѣлано, какъ укажете“. Поговорили еще съ $\frac{1}{4}$ часа о кое какихъ недостаткахъ, и — простились. Учительницы въ это время не было (она была у себя на квартирѣ, а мы бесѣдовали въ классѣ), и я былъ увѣренъ, что бесѣдовалъ просто съ случайно зашедшимъ мужичкомъ, какъ, къ крайнему моему удивленію, прислужница, по выходѣ его, обратилась ко мнѣ со словами: „благодѣтель онъ нашъ, благодѣтель... кабы не онъ — гдѣ бы у насъ училищу быть! николи бы самимъ-то не справиться!“ — Да это кто? спросилъ я. — „Это онъ самый и есть — попечитель нашъ; онъ вѣдь это выстроилъ: на свои на чистыя.... онъ, онъ, кормилецъ!“.

Такъ какъ это было сказано тотчасъ по уходѣ скромнаго „благодѣтеля“, то я велѣлъ вернуть его. Тогда, понятно, разговоры пошли въ иномъ нѣсколько тонѣ. Я попенялъ ему шутя, что онъ ничего не сказалъ о себѣ, какъ о попечителѣ и строителѣ, на что онъ съ извиненіемъ скромно отвѣчалъ, что „дѣлалъ не для похвалы“.

Отмѣчая дѣятельность подобныхъ людей, я признаю настоящую надобность щедрѣе, нежели теперь принято, поощрять такихъ благотворителей почетными наградами.

III. На урокахъ законоучителей.

* Спасское училище.

Спасское училище съ давняго времени считается однимъ изъ лучшихъ или, точнѣе, прямо даже первымъ въ уѣздѣ по предмету Закона Божія.

Объ этомъ я зналъ по слухамъ и мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось скорѣе познакомиться лично съ такимъ законоучителемъ въ уѣздѣ, что изъ всѣхъ законоучителей, съ которыми я уже познакомился въ новыхъ для меня уѣздахъ, я не встрѣтилъ ни одного вполне отличнаго преподавателя—педагога.

Къ удовольствію моему, когда я прибылъ въ с. Спасское и вошелъ въ училище, какъ разъ шелъ урокъ Закона Божія. На время онъ былъ однако прерванъ. О. Димитрій встрѣтилъ меня очень радушно. Это чловѣкъ почтенныхъ уже лѣтъ, благодушнаго вида, брюнетъ съ сильною просѣдою на головѣ и въ бородѣ. Въ голосѣ его, въ добрыхъ глазахъ и приветливой улыбкѣ чувствовалась какая то особая, сразу располагающая къ нему мягкость или ласковость характера, сродная женственности. Тотчасъ же послѣ взаимныхъ привѣтствій обнаружилось и еще одно благороднѣйшее свойство его души,—скромность, переходящая даже въ застѣнчивость. Онъ—лучшій законоучитель въ уѣздѣ (а можетъ быть и въ цѣлой губерніи), онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ членъ училищнаго совѣта—сталъ стѣсняться продолжать при мнѣ урокъ.

— Нѣтъ, я при васъ не могу, право, говорилъ онъ: не угодно-ли вамъ лучше просто поспросить самимъ что-нибудь. Я, знаете, только когда одинъ вотъ съ ними (онъ указалъ на дѣтей), тогда веду дѣло свободно; а теперь... извините пожалуйста, я буду стѣсняться, я не могу“.

Вѣря искренности его и въ то же время не желая отказаться отъ надежды послушать его преподаваніе, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ пѣкоторой уловкѣ и, подъ предлогомъ осмотрѣть все помѣщеніе и увидаться съ учителемъ, прервалъ занятія, войдя съ о. законоучителемъ въ другую половину дома,—церковную караулку. Только здѣсь уже послѣ убѣдительною моею просьбою о. Димитрій согласился продолжать только что начатый и прерванный урокъ. Мы опять вошли въ классъ.

Довольно значительную часть времени законоучитель посвятилъ въспрашиванію предыдущаго урока, предметомъ котораго была литургія оглашенныхъ. Ученики отвѣчали чрезвычайно обстоятельно весь ходъ литур-

гін, притомъ не на дробные вопросы законоучителя, а въ видѣ непрерывнаго изложенія всего порядка литургіи, не исключая ектеній и возгласовъ.

Если бы эти отвѣты были результатомъ заучиванья задаваемыхъ уроковъ, ихъ достоинство было бы почти ничтожно въ моихъ глазахъ. Но свободный, увѣренный тонъ ихъ, толковость отвѣтовъ на мои уже дробные вопросы, постоянная готовность къ отвѣту **всѣхъ** учениковъ—не оставляли никакого сомнѣнія, что процессъ усвоенія совершался не напряженіемъ памяти въ заучиваніи „заданнаго“ урока, а частымъ упражненіемъ въ отвѣтахъ во время самаго преподаванія въ связи съ тою наглядностью, какая имѣетъ мѣсто при частомъ посѣщеніи храма.

Что усвоеніе здѣсь не книжное, въ этомъ убѣдило меня наконецъ и то, что у дѣтей не оказалось **никакого руководства** по Богослуженію, хотя, правда, имѣлись тетрадки, въ которыя ученики самостоятельно записывали конспектъ урока.

Такъ было и теперь. Повыспросивъ дѣтей о литургіи оглашенныхъ, законоучитель сталъ рассказывать о литургіи вѣрныхъ. Вниманіемъ дѣтей онъ владѣетъ прекрасно и въ дидактическихъ приемахъ безупреченъ. Говоритъ плавно, отчетливо, просто и не по многу за разъ; потомъ вызываетъ желающихъ повторить, при чемъ большею частію всѣ дѣти поднимаютъ руки.

Когда зашла рѣчь о Херувимской пѣснѣ, о. Димитрій не ограничился однимъ переводомъ ея, какъ дѣлаютъ другіе законоучители, а тщательно обратилъ вниманіе дѣтей на главную мысль этой пѣснѣ по тѣсной логической связи съ совершаемымъ въ это время перенесеніемъ приготовленнаго Агнца на престолъ; и, наконецъ, не забылъ, какъ забываютъ иногда, указать дѣтямъ, гдѣ же это самая-то Херувимская пѣснь, которую поютъ херувимы и о которой говорится, что мы будемъ воспѣвать ее животворящей Троицѣ.

И переводъ и всѣ объясненія были усвоены легко, скоро и очень хорошо всѣми учениками. Между тѣмъ, не прерывая живой бесѣды, законоучитель записывалъ на классной доскѣ конспектъ литургіи вѣрныхъ, по которому въ концѣ урока два три ученика воспроизвели вѣрѣ все преподанное.

Потомъ я самъ поспросилъ учениковъ молитвы и изъ Священной Исторіи. Молитвы читали очень отчетливо и неспѣшно, какъ нигдѣ, хотя, къ сожалѣнію, не выразительно; *) объясненія содержанія молитвъ, отдѣльных словъ и выраженій давали свободно какъ старшіе, такъ и средніе; многое знали даже и младшіе. Это опять такое достоинство занятій, какого надо непременно достигать вездѣ и какого однако я не встрѣтилъ нигдѣ или только еще въ 3—4 училищахъ, но все же не въ такой степени совершенства.

Изъ Священной Исторіи, нечего и говорить, дѣти рассказывали очень хорошо и очень толково.

Урокъ закончился пѣніемъ молитвы подъ руководствомъ самого законоучителя, который самъ далъ и тонъ на три голоса. Пѣли очень стройно и молились благоговѣнно, творя крестное знаменіе не спѣшно, истово.

*) Разумѣю выразительность благоговѣнно-молитвенную, а не свѣтскую, конечно.

И такъ я съ удовольствіемъ готовъ признать, что о. Димитрій Шершневъ дѣйствительно лучший законоучитель въ уѣздѣ и по способностямъ, и по опытности, и по результатамъ занятій.

Пожалуй, и этого мало сказать. Надо прибавить, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые простираютъ свое усердіе за формальные предѣлы своего предмета и своихъ учебныхъ часовъ. О. Димитрій интересуется всѣмъ ходомъ учебныхъ занятій въ училищѣ, что было, очевидно, не только потому, что онъ во все время ревизіи по предметамъ учителя неотлучно находился тутъ же, но и потому участію, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ удачнымъ или неудачнымъ отвѣтамъ дѣтей и къ тому впечатлѣнію, какое оставляли на мнѣ тетради учениковъ, чтеніе ихъ и все прочее.

* 17. К сное.

Въ К...скомъ училищѣ Законъ Божій преподааетъ учительница Лебедева съ разрѣшенія Преосвященнаго, по болѣзненности мѣстнаго священника. Урокъ Закона Божія, данный учительницею всѣмъ тремъ отдѣленіямъ училища, я прослушалъ съ большимъ удовольствіемъ. Рассказывали дѣти очень хорошо, съ тѣмъ спокойствіемъ и, пожалуй, достоинствомъ, какія, очевидно, являлись отраженіемъ свойствъ самой учительницы; ни малѣйшаго признака неосмысленнаго заучиванія я не подмѣтилъ въ отвѣтахъ учениковъ; желая лучше удостовѣриться, что дѣти отвѣчаютъ не нарочно заранее намѣченное, я сталъ спрашивать и самъ. Спросилъ, между прочимъ, старшихъ, понимаютъ ли они, для чего Господь Іисусъ Христосъ разсказалъ притчу о талантахъ.

На мой вопросъ всѣ подняли руки, и вызванный началъ свой отвѣтъ такъ:

— Мы вѣдь дадимъ Богу отчетъ въ томъ, какъ мы употребили свои душевныя способности, которыя Онъ далъ намъ....

— То есть, какія? спросилъ я.

— Да вотъ... умъ, память, волю... это и есть таланты.

Можно объѣхать тридцать училищъ кряду и не получить такихъ отвѣтовъ свободныхъ, увѣренныхъ, въ которыхъ отчетливо слышится сознательность, пониманіе.

Вотъ это значитъ знать притчи. А то, обыкновенно, все дѣло сводится только къ тому, что оканчивающіе курсъ разскажутъ притчу (да и то не всегда) и **далѣе фабулы** уже не идутъ. Или бываетъ такъ, что, пытаясь дать объясненіе, скажутъ какуюнибудь нелѣпицу вроде того, что „таланты—это наши грѣхи“.

По отдѣлу вѣроученія отвѣты дѣтей были столь же **высоко удовлетворительны**. Да и вопросы учительницы не носили на себѣ отпечатка избитой шаблонности. Она не говоритъ наприм.: „Что есть символъ вѣры?“ а ведетъ рѣчь такъ:

— Ты знаешь символъ вѣры?

Учен.—Знаю.

— А что это такое?

— Это ученіе, во что намъ надо вѣровать.

— Ты во что же вѣруешь? расскажи.

Ученикъ сталъ излагать содержаніе перваго члена.

— Если Богъ Отецъ—творецъ міра, то, значитъ, Сынъ не творецъ? спросила учительница, обращаясь ко всѣмъ.

Руки всѣхъ были подняты и вызванный отвѣчалъ:

— Богъ Отецъ сотворилъ міръ Словомъ Своимъ. Иисусъ Христосъ и есть Богъ Слово.

— И ты знаешь, гдѣ-нибудь Онъ называется такъ?

— Вотъ въ молитвѣ „Достойно есть“: Бога Слова рождшую“...

— А въ символѣ-то вѣры говорится ли, что міръ сотворенъ Сыномъ Божиимъ?

— Говорится во 2-мъ членѣ: „Иже вся быша“, значитъ, Имъ все было сотворено.

И т. д. Весь урокъ имѣлъ характеръ дѣйствительно бесѣды, въ которой дѣти показали себя вполне свободно настроенными и мыслящими.

Замѣтивъ, между прочимъ, что на партахъ нѣтъ книжекъ и мысленно одобряя такой порядокъ, я всетаки спросилъ своего сосѣда мальчика, гдѣ у него книжка.

— Какая? спросилъ онъ въ свою очередь.

— По закону Божию.

Учительница, услышавъ мой вопросъ, объяснила, что она ведетъ преподаваніе Закона Божія **безъ книгъ весь годъ.**

Маленькое прибавленіе. Та же учительница преподаетъ дѣвочкамъ рукодѣліе и до послѣдняго времени обучала всѣхъ дѣтей и пѣнію, но вынуждена была прекратить уроки послѣдняго, въ виду сильно пошатнувшегося здоровья... Наконецъ, она же ведетъ еще воскресно-повторительныя занятія съ прежде окончившими курсъ подростками. Я, однако, посоветовалъ ей оставить и эти занятія.

* 18. Бусаковское.

Законъ Божій въ Бусаковскомъ училищѣ поставленъ прекрасно. Законоучитель и умный, и способный, и душою преданный своему дѣлу педагогъ. Это одинъ изъ очень немногихъ лучшихъ законоучителей въ уѣздѣ. Манера и способъ его преподаванія очень сродны съ тѣми, съ которыми я нѣсколько познакомилъ, говоря объ учительницѣ предыдущаго училища. Рассказываютъ дѣти изъ Священной Исторіи прекрасно и толково; также толково знаютъ молитвы и произносятъ ихъ благоговѣнно, неспѣшно. Съ Богослуженіемъ ознакомлены тоже очень хорошо, благодаря тому, между прочимъ, что почтенный законоучитель въ нѣкоторые будничные дни служитъ обѣдни нарочно для дѣтей-учениковъ, побуждаетъ ихъ наблюдать за всѣмъ порядкомъ, въ какомъ совершается литургія; а потомъ въ училищѣ выспрашиваетъ ихъ, объясняетъ и заставляетъ повторять.

19. Владимірское.

По постановкѣ предмета Закона Божія Владимірское училище по справедливости должно занять первое мѣсто въ Л. уѣздѣ. Достойнымъ преподавателемъ этого предмета является священникъ Константинъ Починковский. Это человѣкъ пожилыхъ уже лѣтъ, но еще полный силъ физическихъ и духовныхъ, представительной наружности, съ открытымъ, умнымъ и добрымъ взоромъ. Его величавая фигура сразу внушаетъ къ нему почтеніе; а степенность въ движеніяхъ и важный тонъ рѣчи при этомъ придаютъ ему какъ бы магическую силу, передъ которой дѣтской натурѣ приходится преклоняться и безропотно смирять всякое поползновеніе къ нарушенію классныхъ порядковъ.

Но во взорѣ о. Константина столько доброты, а въ обращеніи столько мягкости и дружелюбія, что дѣти отнюдь его не боятся, а лишь очень любятъ его.

Я былъ у о. Константина на урокахъ. Преподавалъ онъ прекрасно. Говорилъ не громко, но очень отчетливо, плавно и выразительно. Говорилъ по немногу за разъ и тотчасъ выспрашивалъ рассказанное или объясненное имъ. Спросивъ двоихъ или троихъ и сдѣлавъ маленькую паузу, какъ бы настраивая тѣмъ дѣтей на ожиданіе, онъ приступилъ къ дальнѣйшему изложенію урока, вперея взоръ по направленію той или другой группы учащихся; временами онъ внушительно поднималъ указательный перстъ,—то какъ будто для вящей выразительности, то какъ бы указуя на поучительность или особую важность излагаемаго момента, или, наконецъ, будя вниманіе того или другого изъ дѣтей, къ которому онъ подходилъ какъ бы готовясь напомнить, что не надо быть разсѣяннымъ. Онъ этого не сказалъ, однако, а такъ и прошелъ мимо, но ученикъ всетаки понялъ въ чемъ дѣло, скромно улыбнулся въ отвѣтъ на безмолвное замѣчаніе, потомъ присерьезился и, видимо, сталъ слушать внимательно. Немного спустя, именно его-то о. Константинъ и спрашиваетъ:

„Кто можетъ повторить?“ спрашиваетъ онъ весь классъ; но вдругъ обращается къ этому мальчугану: „да вотъ ты, напимѣрь,—можешь?“

— Могу, батюшка! съ улыбкой удовольствія говоритъ мальчикъ и отвѣчаетъ.

На вопросъ, обращенный ко всѣмъ, поднимаютъ руки не только старшіе, но и средніе, и о. Константинъ спрашиваетъ тѣхъ и другихъ безразлично, вслѣдствіе чего дѣло чрезвычайно выигрываетъ въ успѣхѣ.

Простой передачей рассказа, замѣтно, о. Константинъ не довольствуется: онъ идетъ далѣе. Такъ напр., по окончаніи рассказа о Рождествѣ Христовѣ,—рассказа, переданнаго дѣтми весьма подробно и прекраснымъ языкомъ,—онъ предлагаетъ вопросъ, не чувствуютъ-ли они, что въ самыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ родился Господь Іисусъ Христосъ, есть нѣчто поучительное для насъ, и затѣмъ наводитъ дѣтей на заключеніе, что и намъ въ жизни надо довольствоваться скромною долею, быть скромными или смиренными, ничѣмъ не гордиться.

Разсказывали ученики и отвѣчали на вопросы (не только законоучителя, но и мои) очень хорошо. Здѣсь впервые (для Л—скаго уѣзда) я встрѣтилъ наконецъ и настоящее знаніе молитвъ, т. е. не только текста, но и смысла молитвъ, отдѣльных словъ и выраженій. И не только знаютъ старшіе ученики, но и средніе. Болѣе того: даже младшіе разумѣютъ молитвы очень хорошо.

Усердіе о. Константина къ училищному дѣлу соотвѣтствуетъ его талантливости. Онъ посвящаетъ училищу 7 часовъ въ недѣлю, тогда какъ прочіе всѣ 4 часа. *) Семь часовъ—это только собственно на Законъ Божій. А кромѣ того, онъ же еще удѣляетъ особое время на пѣніе съ дѣтьми, что является крайне рѣдкимъ примѣромъ среди оо. законоучителей.

Побывавъ я у него и на пѣніи. Занятія имъ носятъ на столько своеобразный характеръ, что ихъ не хочется и называть „уроками“, въ смыслѣ болѣе или менѣе подневольныхъ упражненій и свойственнаго урокамъ особаго класснаго порядка, натянутости и настроенія духа.

— Ну что же: будемъ пѣть? Хотите? спрашиваетъ о. Константинъ.

— Давайте, давайте, батюшка! оживленно и дружно отзываются дѣти.

— Съ чего же начнемъ? Ну, вотъ что: будемъ пѣть 103 псаломъ.

— „Благослови, душе моя, Господа“, батюшка?

— Да, да... Ну слушайте.

Законоучитель далъ тонъ на три голоса, и пѣніе началось. Поютъ всѣ, т. е. именно старшіе и средніе; поетъ и самъ о. Константинъ.

У многихъ раскрыты часословы; многіе поютъ, зная псаломъ уже на память.

Не смотря на множество участниковъ, пѣніе получается очень и очень стройное и не слишкомъ громкое.

— А о чемъ говорить намъ этотъ псаломъ? спросилъ потомъ о. Константинъ.

— О сотвореніи міра, отвѣчаютъ дружно дѣти.

— Теперь что пѣть?

— А теперь, батюшка, давайте „Блаженъ мужъ“.

Во время минутнаго перерыва, когда мы съ о. К. что-то говорили, многіе изъ дѣтей по-одиночкѣ, а иные по-двое сами стали напѣвать, кто „Господи воззвахъ“, кто „Свѣте тихій“.

Вскорѣ возобновилось общее пѣніе, и такимъ образомъ пропѣли почти всю всенощницу.

Отлично! думалъ я про-себя, глядя на бодро-радостное настроеніе дѣтей и слушая ихъ стройное пѣніе. То же самое сказалъ потомъ и имъ вслухъ.

Оставалось пропѣть только „Слава въ вышнихъ Богу“, но—

— Этого мы еще не съумѣемъ, заявилъ о. Константинъ: только начинаемъ.

Но не такъ думали дѣти. „Съумѣемъ, споемъ“! заговорили десятки голосовъ: „давайте, батюшка“!

*) Такъ было до 1893 года, а съ этого года вездѣ на Законъ Божій удѣлено 6 часовъ въ недѣлю,—по 2 часа въ каждомъ изъ 3-хъ отдѣленій.

— Да нѣтъ же, говорю вамъ, возражалъ законоучитель: не съумѣмъ; вѣдь только прошлый разъ попробовали. Осраимся. Все пѣли хорошо, а тутъ—Богъ знаетъ какъ... Нѣтъ, не надо!

— Нѣтъ, батюшка, не осраимся. Батюшка, а батюшка! Батюшка! Споемте! Нууу, споемте, батюшка!! шумѣли дѣти и наконецъ все слилось въ одну громкую, дружную просьбу 50-ти голосовъ: „Споемте! Споемте! Споемте!!

О. К. сталъ колебаться. Дѣти это замѣтили. Ну, и тогда ужъ ему оставалось только скорѣе сдаться, чтобы уговорить расхотѣвшихъ ребятъ.

Снова данъ тонъ, и весело торжественно раздалось: „Слава въ вышнихъ Богу“!

И такъ красиво, сильно и стройно спѣли, что я недоумѣвалъ, почему батюшка опасался за дѣтей.

Въ заключеніе выражусь кратко, что, благодаря душевнымъ свойствамъ законоучителя, прекрасной постановкѣ имъ же Закона Божія и пѣнія, влияние о. Константина на дѣтей въ истинномъ смыслѣ слова благотное.

20. Бураковское.

Когда я подѣхалъ къ дому священника, гдѣ помѣщается училище, я не засталъ учительницы; была перемѣна, и учительница вышла къ себѣ на квартиру, которую она нанимала въ сосѣднемъ домѣ. Несмотря однако на отсутствіе учительницы, среди дѣтей не было почти никакого шума, хотя, видимо, они располагали собою вполне свободно. Такое поведение дѣтей производило въ высшей степени отрадное впечатлѣніе и много говорило въ пользу учащихся.

Сначала я подумалъ было, что тутъ гдѣ-либо присутствуетъ бдительное око домохозяина-законоучителя. Но нѣтъ, его не видно. На вопросъ,—гдѣ онъ,—дѣти отвѣчали, указывая на дверь: „вотъ тутъ, лежитъ; да, вѣдь, онъ у насъ слѣпой“.

— Какъ слѣпой? Какъ же онъ учить васъ.

— Такъ и учить. Придетъ и спрашиваетъ урокъ, или расскажетъ. А то по картинкамъ велитъ читать“.

И странно что-то и любопытно. Я вошелъ въ помѣщеніе священника. Въ довольно просторной, почти пустой (безъ мебели) комнатѣ, на какихъ-то подмосткахъ одиноко лежалъ, закрывъ глаза, старый престарелый, исхудалый священникъ. Казалось, онъ спалъ. Однако услышалъ скрипъ отворяемой двери и спросилъ: „кто это“?

Я объяснилъ, отрекомендовался, прося его не беспокоиться и лежать, такъ какъ я вошелъ только раздѣться.

„Нѣтъ, помилюте, какъ же! возразилъ онъ вставая: я сейчасъ съ вами пойду въ училище“.

Онъ казался мнѣ такимъ дряхлымъ, немощнымъ, что я снова пытался уговорить его лежать. Но онъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

*Да
настал
небы
только
учил
лей.*

— Н-нда, говорилъ онъ смѣясь: „плоть-то немощна моя, а вѣдь духомъ-то я еще бодрѣ... бодрѣ. Вотъ только, извините, не вижу васъ... ослѣпъ... ослѣпъ... Свѣтъ-то еще маленько различаю... вонъ окошки, какъ бѣлыя пятна, а ужъ больше-то ничего и не вижу... Извините, чаю съ дорожки-то не угодно ли? Вотъ сейчасъ придетъ учительница; она все это устроить. А пока, можетъ, позвольте,—такъ я съ вами въ классъ пройду, займусь“.

— Батюшка! Вамъ вѣдь, я думаю, ужъ не удобно безъ зрѣнія-то, да и не по силамъ?

— Ну, да вѣдь... Нѣтъ, ничего; вотъ только не вижу-то; а про силы что говорить! я еще могу. Я люблю ребятишекъ-то.

— Лѣтъ-то ужъ много вамъ, батюшка!

— Много, много... За 80 пошло... „И множае ихъ трудъ и болѣзнь“, говоритъ псалмопѣвецъ. Вотъ оно и мое такое же дѣло. Только я еще ничего... Пожилъ; благодареніе Господу“!

Въ это время вошла учительница. Поздоровались. Она стала спрашивать, чѣмъ ей сейчасъ заниматься. Но престарѣлый батюшка шуточно-досадливымъ тономъ замѣтилъ ей: „ты не командуй. Я самъ сначала пойду съ г. инспекторомъ. А ты вотъ лучше тѣмъ временемъ чаемъ-то распорядись“.

Быть тому такъ; пошли.

— На молитву! возгласилъ почтенный о. Константинъ и тотчасъ самъ сталъ читать внятнымъ, хотя и дребезжащимъ, конечно, голосомъ: „Преблагій Господи!... ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго“... А потомъ самъ же запѣлъ: „Царю небесный“!... Дѣти подхватили и пропѣли дружно, не громко и довольно стройно.

Въ концѣ молитвы опять вошла учительница; подошла къ шкафу, вынула папку съ маленькими картинками по Священной Исторіи и стала возлѣ законоучителя.

— Ну, раздай имъ карточки (т. е. картинки), сказалъ ей батюшка.

Она стала раздавать ихъ каждому изъ учащихся въ старшемъ отдѣленіи.

Ну, у тебя что, Аверьяновъ?... да гдѣ ты, который?

— Вотъ я, батюшка, говоритъ Аверьяновъ, влагая въ руку законоучителю свою „карточку“: у меня „Входъ Господень въ Іерусалимъ“.

— Аа! Входъ Господень? Ну вотъ и рассказывай, что знаешь о немъ.

Ученикъ рассказалъ хорошо, бойко. Раза два-три законоучитель останавливалъ его, требуя объясненій, которые и давались удовлетворительно.

По громкимъ вопросамъ, по ихъ краткой категоричности, по энергическимъ жестамъ о. Константина я убѣждался, что онъ дѣйствительно еще бодръ духомъ.

Отвѣчали ученики и по „карточкамъ“—картинкамъ изъ Священной Исторіи, и по вѣроученію на вопросы законоучителя хорошо, а главное—очень бойко, весело. Старецъ священникъ, видимо, услаждался отвѣтами дѣтей; улыбка удовольствія не сходила съ его благодушнаго лица.

Попробовать было и я самъ кое-что спросить по молитвознанию, но тутъ оказалось, что дѣти, кромѣ текста молитвъ, почти ничего не знаютъ.

Ну, ужъ если эта сторона дѣла страдаетъ почти у всѣхъ прочихъ законоучителей, то было бы странно претендовать на лучшіе успѣхи у этого 80-ти лѣтняго старца.

Поэтому я поспѣшилъ прекратить свои вопросы дѣтямъ, тѣмъ болѣе охотно мирясь съ обычнымъ пробѣломъ, что за о. Константиномъ есть чрезвычайно важное достоинство, какимъ обладаютъ, къ сожалѣнію, немногіе изъ законоучителей; это—искренняя, глубокая любовь къ дѣтямъ. Само собою и дѣти платятъ ему тѣмъ-же. Да и весь приходъ любить его. Онъ священствуетъ уже 54-й годъ, и все время безсмѣнно въ излюбленномъ селѣ Бураковѣ.

Здѣсь не только отцы, но отцы отцовъ его паствы,—все бывшіе его ученики и крестники.

— Я люблю дѣтишекъ, говоритъ о. Константинъ: я все съ ними... все съ ними. Отъ заутрени въ классъ, и они за мной. Евангеліе почитаю имъ; потомъ поюемъ; а тамъ опять въ церковь. А постѣ обѣда выйду посидѣть на завалинку, а они опять около меня“.

Отсюда, да и вообще, видно было, что между почтеннымъ старцемъ священникомъ и дѣтьми существуетъ глубокая драгоцѣннѣйшая духовно-нравственная связь, воспитательное значеніе которой болѣе могуче, нежели одно обычное классное преподаваніе.

21. Вишневское.

Вишневское училище, бѣдное своею виѣшностью принадлежитъ, однако, къ числу лучшихъ внутреннимъ богатствомъ своимъ—качествами учащихся, а отсюда и учащихся.

И законоучитель, и учитель здѣсь—люди очень способные, душевно преданные училищному дѣлу.

О. Іосифъ—личность съ независимымъ характеромъ, твердо установившимся взглядомъ на вещи и на людей, обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельно выработаннымъ здравымъ взглядомъ на учебно-воспитательное дѣло и ведетъ его съ непринужденною свободою опытнаго и любящаго педагога, проникнутаго невозмутимымъ благодушіемъ, подчасъ съ отбѣнками юмора (по поводу не впаздъ даннаго отвѣта или своей же собственной обмолвки и т. п.).

Предметъ у него знаютъ отлично. Даже дѣло молитвознанія поставлено съ очень хорошимъ успѣхомъ: молитвы произносятъ разстановочно, достаточно выразительно и знаютъ общій ихъ смыслъ и значеніе отдѣльных словъ и выраженій. Мало того: что рѣдко встрѣчается,—имѣютъ даже понятіе о картѣ Палестины. Исторію, нечего и говорить, знаютъ прекрасно; рассказываютъ совершенно свободно, бойко, своими словами. Если попытаешься остановить ученика среди рассказа какимъ нибудь вопросомъ, онъ, не смущаясь, и какъ-бы, между прочимъ, даетъ отвѣтъ на него и тотчасъ

обращается къ своему разсказу, не затрудняясь продолженіемъ его; развѣ только въ полголоса самъ себѣ скажетъ: „что бишь я“? (т. е. на чемъ я остановился).

Эта свобода рѣчи, эта сознательность отвѣтовъ при полномъ спокойствіи духа есть, по моему мнѣнію, высшее свидѣтельство истиннаго, глубокаго усвоенія преподаннаго и успѣшнѣйшаго достиженія высокой цѣли предмета Закона Божія.

Методъ преподаванія о. Іосифа преимущественно катихизическій, и притомъ совершенно натуральный, не дѣланый. Его преподаваніе скорѣе просто бесѣда, чѣмъ урокъ. Онъ не смущается маленькими отступленіями въ области, не относящіяся къ Закону Божію, или не подобающія на урокъ съ точки зрѣнія ригориста или педанта-педагога. Нерѣдко онъ обращается къ сравненіямъ, уподобленіямъ и щедрою рукою разсыпаетъ вопросы туда и сюда по всему классу.

— Да ты знаешь-ли, когда первый-то часъ читается?... „Охъ Господи! да вѣдь у меня же не всегда“, говоритъ онъ шепотомъ, съ благодушной улыбкою обращаясь ко мнѣ. А для кого?... Ну да,—для стоящихъ въ храмѣ („коли они есть“, мимолетной скороговоркой вполголоса вставляетъ онъ).

— Тааакъ... „Миромъ Господу помолимся“ вѣрно ты объяснилъ... Вѣдь вѣрно? обращается онъ быстро ко всему классу.—Да. Такъ-то такъ; ну, а если мы съ кѣмъ-нибудь не примирились (бываетъ вѣдь?).

Ученикъ: Ну, такъ и Господь не приметъ нашей молитвы.

Законоуч.—И это вы знаете. Вотъ только не знаете, какъ училъ объ этомъ Іисусъ Христосъ...

Многіе: Нѣтъ, знаемъ.

Закон. Оо? А въ какой притчѣ?

Многіе. О немилосердномъ должникѣ.

Закон. И разскажешь? (обращается онъ къ одному изъ учениковъ. Ученикъ начинаетъ разсказывать). Нѣтъ, погоди. Вижу, что знаешь. А я вотъ что спрошу: одною ли только этою притчею училъ насъ Господь примиряться съ имѣющими что-либо противъ насъ?

Одинъ изъ учен. „Нѣтъ; еще Онъ говорилъ, что прежде, чѣмъ принесешь даръ твой къ алтарю, поди помирись съ братомъ твоимъ.“

Закон. А еще? (Ученики молчатъ). Да ну-же, подумайте.

Одинъ изъ учениковъ. Еще въ молитвѣ Господней: остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Закон. Вѣрно! молодецъ. Ну, а дальше какъ читается великая ектенія?

Учен. „О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся“.

Зак. Это о какомъ „свышнемъ мирѣ“? (Ученикъ отвѣчаетъ) Такъ. Дальше,—ты! (обращается онъ къ другому ученику).

Учен. „О мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся“.

Закон. „Да какъ-же это церквей? вѣдь она одна у насъ церковь-то? (Учен. молчатъ). Ну, что же молчите? Да вѣдь и общество наше напр. русское, православное, одно, а вѣдь подраздѣляется же: въ каждомъ городѣ, селѣ—свое общество, какъ часть единого, частичное, частное общество. А? Такъ что-ли? Ну, такъ вотъ вѣдь и церковь-то тоже: тоже общество единое, но состоящее изъ многихъ малыхъ частей, частныхъ церквей?... Какъ я говорю? (Одинъ изъ учениковъ отвѣчаетъ). Ну, да. Такъ вотъ и молитесь, чтобы и всѣ церкви были въ мирѣ и благостояніи. А то вѣдь бываетъ—вотъ мы Вишневскіе христіане, нѣтъ-нѣтъ, да что нибудь и повздоримъ съ Крутовскими. Ну какой-же тутъ миръ и благостояніе церквей. А?... Да ты не слушаешь? (Учен. „нѣтъ, я слышалъ, что вы говорите“) Ну, докажи же, что слушалъ. Что я говорилъ“?.

Прослушавъ занятія о. Іосифа, я самъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, чтобы убѣдиться въ сознательности усвоенія пройденнаго. „Скажи мнѣ“, спросилъ я одного мальчика въ старшемъ отдѣленіи, „какъ ты вѣруешь въ Бога“?

Въ виду примѣра многихъ другихъ училищъ я не надѣялся, чтобы ученикъ былъ въ состояніи безъ наведенія отвѣтить на такой вопросъ, но совершенно ошибся.

„Какъ мнѣ вѣровать—о томъ учить насъ символъ вѣры. Вѣрую въ Бога Отца, что Онъ одинъ, и Онъ Творецъ міра и видимаго и невидимаго,—значить, „ангеловъ“... И т. д., и т. д.“

Еще я замѣчалъ, что въ большей части училищъ дѣти знаютъ заповѣди наизусть, но затрудняются отвѣтить на вопросъ, чему учить та, или другая заповѣдь, если предварительно не спросить, какъ она читается. Въ желаніи еще попытать силы учениковъ о. Іосифа, я спросилъ дѣвочку: „чему насъ научаетъ 4-я заповѣдь“?

— Она научаетъ насъ работать, не лѣниться, по праздникамъ ходить въ церковь.

— А работать въ праздники нельзя?

— „Нѣтъ, можно“, увѣренно-бойко отвѣтила ученица: „вотъ бы съѣздить за дровами кому, или дровъ наколоть для кого, если онъ боленъ или бѣдный“.

Обыкновенно же на подобный вопросъ дѣти другихъ училищъ категорически отвѣчаютъ, что работать въ праздники грѣхъ, или—при нѣкоторомъ оспариваніи ихъ отвѣта—высказываются формально, что можно дѣлать **добрыя дѣла**. А если спросишь,—какія же добрыя дѣла, то отвѣчаютъ опять: ходить въ церковь, читать божественныя книги, молиться; и уже самъ законоучитель добавляетъ: „навѣщать больныхъ, подавать милостыню“... т. е., во 1-хъ, отвѣчаютъ не вполнѣ прямо на вопросъ, а во 2-хъ, въ такой формѣ, которая отъ частаго употребленія довольно притупилась, чтобы проникнуть въ умы и сердца дѣтей.

О. Іосифъ, видимо, увѣренъ въ своихъ питомцахъ, доволенъ ими и любить ихъ.

Въ прошломъ году, (не знаю, ужъ не съ умысломъ-ли) онъ отпустилъ своихъ учениковъ на экзаменъ въ другое село однихъ, безъ себя, ото-

звавшись болѣзнію. Надо при этомъ сказать, что я, инспекторъ, былъ для него лицомъ совершенно новымъ, а другой экзаменаторъ, о. Свѣтляковъ, хотя не новымъ, но слишкомъ неблагоклоннымъ, почти не скрывавшимъ и отъ меня своего нерасположенія къ о. Іосифу. Такъ ученики и явились одни. Учитель явился нѣсколько позже. Но надо было видѣть, какими орлами являлись эти мальчуганы къ экзаменаціонному столу, чуть не съ вызывающимъ видомъ, какъ бы говоря: „Ну-съ, вотъ и я! Что вамъ угодно, спрашивайте!“ И ужъ какъ мы ни спрашивали съ о. Свѣтляковымъ, но ни разу, помнится, не привели въ замѣшательство ни одного изъ этихъ быстроглазыхъ знатоковъ Закона Божія. Съ понятнымъ любопытствомъ посматривалъ я, какія отмѣтки ставитъ о. Свѣтляковъ: ни одной 4-ки, всѣ 5. Мнѣ же казалось мало и этого: я всѣмъ ставилъ 5+

Таковъ-то здѣсь законоучитель, почтенный о. Іосифъ. И вѣдь не изъ молодыхъ, прибавлю. Ему ужъ 60-й идетъ.

22. Больше-Омутское.

Въ окончательномъ или среднемъ выводѣ Б.-Омутское училище приходится отнести къ числу хорошихъ училищъ. Но есть одинъ отдѣлъ, и притомъ главнѣйшій, по которому это училище стоитъ выше всѣхъ прочихъ. Я разумѣю, конечно, Законъ Божій. Правда, есть и еще не мало училищъ, гдѣ этотъ предметъ поставленъ хорошо или даже очень хорошо,—но здѣсь, думаю, онъ ведется еще лучше. Тамъ я вижу очень большое усердіе законоучителей, правильное веденіе дѣла, отличные успѣхи; не отрину и любви къ дѣлу со стороны учащихся и любви къ этимъ послѣднимъ со стороны дѣтей. Но это все-таки не совсѣмъ то, что я нашелъ здѣсь. Все хорошее, что есть тамъ, есть и здѣсь; но любовь здѣсь преобладаетъ. И это преобладаніе отражается на результатахъ самымъ благотворнымъ образомъ въ томъ именно смыслѣ, что здѣсь наилучше достигается самая высшая, самая существенная цѣль предмета: религіозно нравственное вліяніе на душу ребенка.

Я уже имѣлъ случаи высказывать, что знаніе молитвъ,—это камень преткновенія въ значительномъ большинствѣ училищъ. Хотя о.о. законоучители теоретически и знаютъ, конечно, что слѣдуетъ называть надлежащимъ знаніемъ молитвы, но на практикѣ всѣ почти слѣдуютъ ограниченному пониманію этого знанія: прочиталъ молитву—значитъ знаетъ. А что ученикъ читаетъ крайне небрежно, проглатываетъ окончанія однихъ словъ, искажаетъ другія, не понимаетъ значенія третьихъ и въ заключеніе не знаетъ, о чемъ въ данной молитвѣ молить, или за что благодарить, или за что славословить Бога,—все это, какъ будто, дѣло второстепенное: вырастетъ-де, узнаетъ. Но увы—этого не будетъ, конечно! А кромѣ того, гдѣ же тутъ нравственное воздѣйствіе на душу ребенка? гдѣ развивающее и просвѣщающее разумъ вліяніе? гдѣ благодатное, молитвенное настроеніе души? И чѣмъ же, наконецъ, отличается такое наученіе молитвы отъ наученія домашняго?

Вотъ этотъ то камень преткновенія и обойденъ благополучно въ нѣкоторыхъ немногихъ училищахъ, въ числѣ которыхъ и то, о которомъ говорю.

Спрашиваю дѣвочку, знаетъ ли она какую либо молитву Божіей Матери. Она называетъ: „Богородице Дѣво“, а на вопросъ, не знаетъ ли она другой,—„Достойно есть“, и затѣмъ читаетъ эту молитву такъ плавно, такъ отчетливо, съ такою интонаціею благоговѣнія, что я былъ просто удивленъ ея отвѣтомъ и по невольному влеченію въ похвалу ей сказалъ нѣсколько разъ сразу: „прекрасно“!

Законоучитель съ своей стороны спросилъ о раздѣленіи этой молитвы и о томъ, какъ составлены были обѣ части. Послѣ отвѣта по поводу одной части, законоучитель обратился къ мальчику, чтобы тотъ докончилъ отвѣтъ дѣвочки. Мнѣ показалось, что, можетъ быть, мальчикъ не совсѣмъ ясно понимаетъ, что требуется отъ него, почему и спросилъ его, знаетъ ли онъ, о чемъ его спрашиваютъ. Вотъ отвѣтъ его:

— Какъ-же? Я хочу рассказать о томъ, какъ составлена вторая половина молитвы „Достойно есть яко воистину“.

Это ученикъ изъ средняго отдѣленія. И такъ это онъ мило, свободно и увѣренно отвѣтилъ, что вызвалъ во мнѣ улыбку удивленія и умиленія, вмѣстѣ, конечно, съ новымъ выраженіемъ похвалы какъ за этотъ отвѣтъ, такъ и за дальнѣйшій.

Прибавлю еще, что ни одинъ ученикъ (или ученица) не начинаетъ читать молитву, не перекрестясь предварительно.

Разказы дѣтей изъ Священной Исторіи отличаются свободою, сознательностью и простотою изложенія. Затѣмъ: въ то время, какъ въ другихъ училищахъ и въ Февралѣ, даже въ Мартѣ, еще не начинаютъ знакомиться съ Богослуженіемъ, здѣсь съ ними знакомы уже въ Декабрѣ. А это, по моему, очень высокой цѣны обстоятельство.

Преподаваніе предмета тоже представляетъ свои прекрасныя черты. Законоучитель пользуется всѣми случаями, въ которыхъ можно навести дѣтей на нравственный выводъ путемъ примѣровъ, взятыхъ изъ жизни.

Рѣчь заходитъ о милостынѣ—и какъ-то ловко, какъ будто между словъ (не выставляя рѣзко на показъ цѣли) вводится рассказъ о мальчикѣ Вонифатіи, наказанномъ матерью за раздачу милостыни. Чуткое сердце дѣтей питается этимъ примѣромъ безъ формальнаго вывода морали, которая могла бы только испортить дѣло. Или какъ-то по ходу урока возникаетъ вопросъ: какъ быть, если плохо успѣваешь въ ученіи? Прямого отвѣта опять-таки нѣтъ,—а батюшка говоритъ: „Вотъ что я расскажу вамъ про одного мальчика. Звали этого мальчика Сережей“... и пошелъ рассказъ, какъ этотъ Сережа плохо учился, какъ его наказывали родители, какъ онъ ушелъ въ дѣсь и плакалъ тамъ; увидалъ—стоитъ у березы монахъ; подошелъ къ нему... и т. д., и т. д. до конца; а конецъ тотъ, что Сережа сталъ лучше всѣхъ учениковъ. Пожалуй, тутъ же и второй конецъ—что мальчикъ этотъ былъ не иной кто, какъ Сергій Преподобный. А третій конецъ—онъ остается не выраженнымъ словесно, но едва ли не тѣмъ

болѣе благодатнымъ отзвукомъ отдается въ сокровенныхъ глубинахъ впечатлительныхъ дѣтскихъ душъ.

Наконецъ вотъ выходитъ мальчуганъ и показываетъ мнѣ, какъ онъ читаетъ въ церкви за дьячка. Читаетъ славно. Еще особенность: здѣсь даже дѣвочки читаютъ въ церкви, что весьма умилительно отзывается какъ въ сердцахъ отцовъ, такъ особенно матерей.

Въ пользу высокаго достоинства преподаванія о. Алексѣя много говоритъ и то любопытное обстоятельство, что къ нему въ классъ забираются и совсѣмъ крошки—дѣти, 5—6 лѣтнія; разсаживаются по-просту на полу и въ дѣтской простотѣ, съ дѣтскимъ интересомъ внимаютъ слову законоучителя. Поймутъ ли они что, усвоятъ ли—съ точки зрѣнія формальнаго усвоенія—невѣдомо; но присутствіе ихъ и живой интересъ достаточно свидѣтельствуютъ, что они усваиваютъ нѣчто иное, но высокое, благодатное, навѣкъ неизгладимыми чертами врѣзывающееся въ душу и питающее ее всю жизнь потомъ.

23. Корешковское.

Законоучитель о. П. Чтецовъ—человѣкъ среднихъ еще лѣтъ, умный, способный, усердный и, мнѣ кажется, могъ бы быть очень хорошимъ преподавателемъ, еслибъ нашелъ въ себѣ силы строго критически отнестись къ своему методу и ознакомиться съ общезвѣстными положеніями дидактики. Но излишняя самоувѣренность и самолюбіе мѣшаютъ ему, наряду со многими другими, признать за собою недостатки или хотя бы просто интересоваться тѣмъ, какъ ставится дѣло въ другихъ училищахъ, что о томъ пишется въ педагогической литературѣ, какъ цѣнить его занятія сотоварищи, инспекторъ и т. п. Можетъ быть даже, это не только самоувѣренность: можетъ быть, сюда въ очень значительной степени примѣшивается нѣкоторая косность.

Выносишь какое-то странное впечатлѣніе, когда познакомишься съ работою подобныхъ людей. Послушайте, какъ хорошо отвѣчаютъ ученики, только не мѣшайте ни имъ, ни руководителю ихъ,—очень хорошо выходить. Вы замѣтите, можетъ быть, что дѣти отвѣчаютъ немножко книжно; но это бы не бѣда: можетъ быть, это только результатъ ихъ усердія готовить уроки; пусть ихъ ухо привыкаетъ и языкъ научается литературнымъ оборотамъ рѣчи. Но вамъ начинаетъ бросаться въ глаза, что законоучитель ужъ что-то слишкомъ предупредителенъ къ возможнымъ ошибкамъ учениковъ: чуть отвѣчающій замялся, батюшка спѣшитъ договаривать или продолжать за него самъ. Это ужъ неодобрительно. Наконецъ, вы слышите, что ученики нѣтъ-нѣтъ да и скажутъ несообразность. Это поселяетъ уже подозрѣніе, что дѣти знаютъ предметъ не толково. Вы пробуете принять участіе въ вопросахъ, и все чаще и чаще получаете нелѣпые отвѣты. Если бъ это были обмолвки, о томъ не стоило бы, конечно, и упоминать. Но „обмолвокъ“ этихъ такое обиліе, и дѣти такъ далеки отъ того, чтобы вникать въ свои отвѣты, и такъ мало способны сообразить нелѣпость отвѣ-

та, что ихъ неразвитость становится несомнѣнною, какъ несомнѣннымъ представляется и важный недостатокъ преподаванія—не придавать значенія толковости отвѣтовъ и либо пропускать мимо ушей безсмысленность ихъ, либо самому равнодушно поправлять ихъ.

Законоучитель говорить, а учительница подтверждаетъ, что здѣшніе ученики по Закону Божію всегда считались лучшими на экзаменѣ.

Вѣрю имъ, ибо знаю какъ производятся экзамены. Но это только усугубляетъ трудность моей задачи—убѣдить, что отвѣты безъ запинки еще не ручательство толковаго знанія.

Впрочемъ, какъ знать: можетъ быть мои замѣчанія, бесѣда, проведенная вечеромъ, споры, оставляютъ слѣдъ въ душѣ законоучителя. Примѣровъ тому нѣтъ. Тогда, я охотно вѣрю тому,—о. П. Чтецовъ будетъ очень хорошимъ законоучителемъ.

24. Бакинское.

По старому, но съ большимъ воодушевленіемъ и любовью ведетъ дѣло о. Петръ Вороновъ, законоучитель Бакинскаго училища. Знанія его учениковъ можно назвать превосходными, если примѣнять къ нимъ старое же мѣрило. Дѣти отвѣчаютъ на вопросы бойко, очень твердо, но мало сознательно. Они быстро перечтутъ всѣхъ царей іудейскихъ, а на вопросъ, кто изъ нихъ былъ знаменитѣйшій, отвѣтитъ уже совсѣмъ не могутъ. Могутъ рассказать о Симеонѣ Богопріимцѣ, но не знаютъ, кто изъ 70 толковниковъ дожилъ до Рождества Христова, или же отвѣчаютъ не смущаясь: „Лука и Клеопа“. На вопросъ: что самое важное было сдѣлано Моисеемъ для Евреевъ? не отвѣчаетъ никто, кромѣ одного, который говоритъ: „онъ рознялъ ихъ, какъ они дрались“. Спросилъ о литургіи:—ни слова. Оказывается, и не начинали еще (19 марта! скоро экзамены). Коснулся молитвознанія—не знаютъ, о чемъ мы молимся въ молитвѣ „Отче нашъ“. Читаютъ молитвы небрежною скороговоркой. О картѣ Палестины и понятія не имѣютъ.

Достопочтенный о. Петръ заявляетъ, что онъ держится „своего метода“. И вотъ плоды его.

Но въ такомъ случаѣ какъ же я сказалъ, что успѣхи можно назвать превосходными? Да, можно; именно въ духѣ и требованіяхъ стараго преподаванія; а въ одномъ отношеніи даже и съ точки зрѣнія всякаго преподаванія. Вотъ послушаемъ.

Законоучитель. „Какъ читается молитва Сыну Божію?“ („Вопросъ“).

Ученикъ. (Даетъ „отвѣтъ“ безъ запинки, не переводя духа, скороговоркою) „Госп.-Исусе Христе.. Сын-Бож-молитв.... ади пречист-Твое Мат.-и всѣхъ святыхъ Твоихъ помил-насъ аминь“.

Закон. „Въ какомъ членѣ І. Христосъ называется Сыномъ Божіимъ?“

Учен. „Во второмъ“. „И во един-Госп-наш-Исус-Хста-Сына-Бож-единор...“

Закон. „Стой! а чѣмъ доказать предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Бога Отца?“

Учен. „Во 2-мъ псалмѣ говорится: „Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя.“

Закон. „А кто прочтетъ весь 2-й псаломъ?“ (Поднимаются нѣсколько рукъ и раздаются голоса: я, я, я, батюшка, я, батюшка, я!) Ну, читай ты (дѣвочки).

Дѣв. „Вскую шаташася языцы и людѣ поучишася тщетнымъ... (читаетъ болѣе половины псалма).

Закон. А третій? (опять: я, я, я, батюшка! я, я). Ну.

Другая дѣвочка читаетъ какъ бы захлебываясь: „Господи, что ся умножиша стужающіи ми...“

Закон. Стой. Чѣмъ доказать, что Духъ Святый исходитъ отъ одного Отца? Ты...

Учен. Въ Евангеліи читаемъ: „Егда же придетъ Утѣшитель, Его же Азъ пошлю отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуеть о Мнѣ“.

Закон. Ну, а вотъ вы (обращаясь къ младшему отдѣленію). Что такое Богъ?... Ты....

Учен.—не переводя духа, бойко, громко:

„Богъ есть Духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, правосудный, всемогущій, вседѣйствующій, неизмѣняемый, вседозволенный, всеблаженный“.

Закон. (къ старшимъ). Чѣмъ доказать что Богъ вѣченъ?... Ты...

Учен. Въ Священномъ Писаніи говорится: „Прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселеннѣй, и отъ вѣка и до вѣка Ты еси“.

Закон. (какъ бы въ раздумьи)... Богъ... Кто знаетъ оду Державина „Богъ“? („Я, батюшка, я знаю, я! я! я скажу!) Ну, ты говори.

Учен. „О ты въ пространствѣ“...

И т. д. съ новыми вопросами о членахъ Символа вѣры, о доказательствахъ, текстахъ и съ отвѣтами безъ запинки.

Законоучитель, видимо, до того доволенъ блестящими успѣхами своихъ питомцевъ, которыхъ любитъ всей душой, что у меня не достало духа говорить съ нимъ о какихъ-либо недостаткахъ. Зачѣмъ вносить какое-либо разочарованіе въ душу этого глубоко-почтеннаго и усерднаго труженика. Такой добротой и вѣрой вѣетъ отъ него, что эти качества сами собою, безъ помощи даже текстовъ, перелились бы, да и переливаются въ души дѣтей. А не въ этомъ ли и суть дѣла? Такъ пусть его! подумалъ я; и на вопросъ батюшки отозвался объ успѣхахъ его учениковъ самымъ лестнымъ образомъ, прибавивъ, что его дѣти—„просто богословы“.

Словомъ—здѣсь предметъ Закона Божія представляетъ собою явленіе совершенно исключительное, вызывающее и исключительную оцѣнку. Самъ же законоучитель—лицо безспорно достойное глубокаго уваженія и полной признательности за его хотя бы и своеобразное, но сердечно-любимое, мастерское веденіе дѣла.

25. Стрѣлецкое.

О. Павелъ Инсаровъ, законоучитель Стрѣлецкаго училища, представляетъ собою довольно рѣдкій примѣръ превращенія изъ хорошаго законоучителя въ посредственнаго. Миѣ кажется, онъ съ каждымъ годомъ дѣлается слабѣе и слабѣе. Нынѣ онъ дошелъ уже до того, что сталъ высказывать просто несообразности. Такъ, по поводу высказаннаго мною сожалѣнія, что до сихъ поръ онъ не знакомилъ дѣтей съ богослуженіемъ, онъ завелъ вечеромъ, въ присутствіи еще одного священника, разговоръ, въ которомъ дошелъ до заключенія, что съ богослуженіемъ, какъ подумать хорошенько, — впору, пожалуй, и вовсе бы не знакомить дѣтей. Почему? спрашивается. „Да потому, что чѣмъ больше дѣти узнаютъ въ этой области, тѣмъ болѣе будутъ впослѣдствіи склонны впасть въ ереси, въ маловѣріе, въ сектантство; утратятъ чувство благоговѣнія къ тайнѣ священнодѣйствій, ибо благоговѣніе именно и поддерживается простодушнымъ невѣдѣніемъ“!!

26. Егоровское.

По предмету Закона Божія Егоровское училище одно изъ лучшихъ въ городѣ N. Законоучитель — человѣкъ не старый, умный и любящій учебное дѣло, хотя, тѣмъ не менѣе, не вполне опытный.

Чтобы показать, въ чемъ заключается его неопытность, приведу отрывокъ изъ урока въ младшемъ отдѣленіи.

Предметомъ урока служила молитва: „Достойно есть яко во истину“. Законоучитель велъ объясненіе молитвы и объяснялъ по порядку каждое слово молитвы. Такое объясненіе заняло $\frac{1}{2}$ часа времени, при чемъ почти все время говоритъ только самъ законоучитель. Ближе чѣмъ на половинѣ этихъ объясненій чувствовалось уже утомленіе, во 1-хъ, однообразіемъ хода урока, во 2-хъ, отвлеченностью языка, въ 3-хъ отсутствіемъ центрального пункта, къ которому тяготѣли бы всѣ толкованія, уясняя общее содержаніе молитвы. Ко всему этому: какъ только покончили съ молитвою „Достойно есть“, тотчасъ же приступили къ молитвѣ: „Благого Царя благая Мати“, и урокъ пошелъ тѣмъ же утомительно однообразнымъ порядкомъ. Законоучитель, повидимому, смутно испытывать потребность внести въ урокъ какой либо элементъ разнообразія и сталъ предлагать вопросы, но какіе? Будящіе мысль ребенка, наводящіе на желаемое заключеніе? Нѣтъ. А просто говорить — говорить что-нибудь и, нѣтъ-нѣтъ, да и спросить: „такъ ли?“

Само-собою, дѣти отвѣчаютъ: „такъ“.

Или — законоучитель говоритъ: „вотъ Божія Матерь и будетъ просить за насъ Сына Своего. Исполнить ли Онъ Ея просьбу?“

— „Исполнить, батюшка!“

— Да исполнить. Исполнить, потому что...

И пойдутъ разъясненія, пока батюшка снова не спроситъ: „такъ ли?“ и снова дѣти отвѣтятъ: „такъ“.

Или, напримѣръ, урокъ шелъ въ среднемъ отдѣленіи. Рѣчь шла о пророкахъ. Сначала законоучитель далъ общее понятіе о нихъ; и, по моему, это ему удалось хорошо: и кратко, и просто. Надо бы только переспросить кого-нибудь. Это онъ и дѣлаетъ, но не часто; не сдѣлалъ этого и теперь. Далѣе послѣдовалъ разсказъ о Самуилѣ; законоучитель разсказалъ хорошо, частями и съ переспросомъ. Но, между прочимъ, когда явился поводъ коснуться карты Палестины и мною былъ предложенъ дѣтямъ старшаго отдѣленія вопросъ, оказалось, что они совсѣмъ незнакомы съ картою, хотя она и виситъ въ классѣ.

27. Ольгинское.

Я прослушалъ урокъ Закона Божія въ младшемъ отдѣленіи. Всѣ дѣти въ одинъ голосъ читали молитву: „Царю Небесный“. Законоучитель выспрашивалъ значеніе словъ и общее содержаніе молитвы, при чемъ опять дѣти отвѣчали хоромъ, всѣ вмѣстѣ. Приѣмъ преподаванія—неудобный и несостоятельный. Предлагались, правда, вопросы и отдѣльно нѣкоторымъ, но тутъ законоучитель дѣлалъ другіе промахи, вродѣ того напр., что, сдѣлавъ замѣчаніе о неправильности въ отвѣтѣ, не переспрашивалъ, какъ же именно слѣдовало отвѣтить; или, сдѣлавъ исправленіе, не убѣждался, усвоено ли оно. Одна дѣвочка стала читать:

„Богородице дѣворадуйся“.

— Вотъ и не такъ! замѣтилъ батюшка и заставилъ другую.

Та сказала правильно, и урокъ пошелъ далѣе. А между тѣмъ я увѣренъ былъ, что первая дѣвочка не усвоила исправленія, и, когда снова спросилъ ее, она опять читала „дѣворадуйся“. Даже когда законоучитель сказалъ ей: „ты сначала скажи только: Богородице Дѣво! а потомъ ужъ дальше—„радуйся, благодатная Маріе“ и пр., дѣвочка стала читать такъ: „Богородице Дѣво! дѣворадуйся, благодатная Маріе“...

Затѣмъ прослушалъ я еще урокъ въ старшемъ отдѣленіи—объ устройствѣ храма. Этотъ урокъ былъ проведенъ гораздо лучше и даже, прямо можно сказать, очень хорошо. Столь же хорошо отвѣчали и дѣти на вопросы по поводу вновь преподаннаго урока.

* 28. Вознесенское женское училище.

Здѣсь о состояніи Закона Божія я долженъ отозваться такъ: законоучитель о. Іоаннъ—очень хорошій человѣкъ, но успѣхи у него положительно слабы. Послѣднее заявленіе дѣлаю неохотно, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, что вынужденъ произнести отзывъ нелестный для почтеннаго законоучителя, которому, хотѣлось бы думать, не много не достаесть для того, чтобы подняться значительно выше посредственности. Человѣкъ онъ еще непреклонныхъ лѣтъ, весьма симпатичной наружности, очень скромный, ласковый съ дѣтьми и, наконецъ, примѣрно усердный въ своей преподавательской дѣятельности. Одна бѣда: онъ очень и очень неопы-

тенъ въ веденіи дѣла и не знакомъ съ основными положеніями дидактики. Подобно многимъ другимъ законоучителямъ, онъ, ведя урокъ, говоритъ больше все самъ; говоритъ по-долгу, не останавливаясь; видимо, что онъ далекъ отъ мысли **слѣдить за собою** и живо представлять себѣ состояніе своихъ маленькихъ слушательницъ, которыя положительно не въ силахъ долго напрягать свое вниманіе. Затѣмъ, также заурядъ съ другими неопытными преподавателями, онъ ведетъ свои разговоры, обращаясь все къ одной и той же избранной имъ ученицѣ, или много-что къ двумъ, совсѣмъ забывая о массѣ прочихъ. Онъ не знаетъ даже такихъ азбучныхъ вещей, что при спрашиваніи слѣдуетъ ставить вопросъ, а потомъ уже называть фамилію, или даже вовсе не называть, а слѣдить за количествомъ поднятыхъ и неподнятыхъ рукъ, вызывать одну изъ поднявшихъ и тотчасъ затѣмъ кого либо изъ неподнявшихъ. Неправильные отвѣты законоучитель исправляетъ не посредствомъ ученицъ, которыя могли и желали бы исправить ошибку подружки, а самъ, и притомъ какъ-то мимолетно или мимоходомъ, нисколько не заботясь о томъ, усвоено-ли его исправленіе.

Ко всему этому онъ, наряду съ прочими законоучителями, сосредоточиваетъ свое вниманіе на самомъ легкомъ отдѣлѣ предмета Закона Божія—Священной Исторіи; а капитальной важности вопросы: **какъ молиться** дома и въ церкви, или, другими словами, отдѣлы молитвознания и Богослуженія отодвинуты куда-то далеко, на задній планъ.

Вслѣдствіе всего этого дѣло кончается тѣмъ, что дѣвочки плохо понимаютъ молитвы, дурно даже читаютъ ихъ; мало того: многія даже и совсѣмъ забыли ихъ. Еще менѣе знакомы онѣ съ литургіею и, сколько я могъ убѣдиться изъ вопросовъ своихъ, совсѣмъ не знаютъ, когда и какъ надо молиться за обѣдню.

Думаю, что если о. Іоаннъ пожелаетъ обратить серьезное вниманіе на несовершенства своего преподаванія, онъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ законоучителей. Въ противномъ случаѣ усердная, но крайне неумѣлая работа его обречена на безплодіе и въ будущіе годы.

29. ское двухклассное городское училище.

Самымъ больнымъ мѣстомъ въ этомъ училищѣ оказывается предметъ Закона Божія. Законоучителемъ здѣсь состоитъ священникъ, который уже очень устарѣлъ для того, чтобы съ успѣхомъ вести преподаваніе; къ физической немощи его присоединяется и полное незнаніе современныхъ требованій методики и дидактики.

Для несвѣдущаго можетъ однако показаться, что все обстоитъ благополучно. Достопочтенный батюшка аккуратно посѣщаетъ уроки и занимается усердно. Вотъ онъ вошелъ въ классъ; старческою походкой медленно-степенно подошелъ къ учительскому столу, затѣмъ возсѣлъ на стулѣ; оправился; и довольно долго смотрѣлъ въ классный журналъ.

— Что нынче задано? **протяжно спрашиваетъ онъ.**

— „Отпаденіе западной церкви отъ восточной“, отвѣчаютъ ему.

— А еще что? (послѣ замѣтной паузы).

— Еще о литургіи,—проскомидію, говорятъ ученики.

Слѣдуетъ опять пауза. Батюшка смотритъ въ журналъ и, видимо, соображаетъ, кого бы ему спросить.

— Соколовъ! наконецъ возглашаетъ онъ.

Соколовъ, какъ бы отвѣчая общему настроенію, неспѣшно встаетъ, выходитъ изъ-за парты, направляется къ срединѣ класса и становится у стола противъ законоучителя. И опять пауза. Батюшка какъ будто собирается съ силами и наконецъ вопрошаетъ:

Н-ну, отвѣчай „Отпаденіе западной церкви отъ восточной“.

Ученикъ отвѣчаетъ; а батюшка слѣдитъ за отвѣтомъ по учебнику, поправляя ученика или вставляя пропущенное.

„Однако ученикъ-то отвѣчаетъ хорошо“, думается вамъ. Вотъ онъ кончилъ.—Садись, говоритъ батюшка, и затѣмъ неспѣшно протягиваетъ руку къ перу, погружаетъ его въ чернилицу, вынимаетъ и направляетъ перо къ журналу, согнувшись надъ которымъ, отыскиваетъ фамилію спрошеннаго ученика. Въ классѣ тишина. Взоры учениковъ устремлены на руку батюшки, по движенію которой не трудно заключить, что ставится отмѣтка 4. И все это совершается такъ степенно, такъ важно и такъ медленно.

Тѣмъ же порядкомъ вызывается другой ученикъ, который, однако, послѣ двухъ-трехъ фразъ требуемаго отвѣта заявляетъ, что онъ урокъ знаетъ не твердо. Послѣ краткаго вопроса „почему?“ и болѣе или менѣе неудовлетворительнаго объясненія ученикъ идетъ на мѣсто съ худо сдерживаемой улыбкой, которую мгновенно мѣняетъ на скорбное выраженіе, когда взоръ его встрѣтился съ моимъ.

Третій ученикъ отвѣчаетъ порядочно. Также и четвертый.

Словомъ, говорю, для неопытнаго посѣтителя можетъ казаться, что лучшаго и желать, пожалуй, нечего. Да и самъ почтенный батюшка, повидимому, доволенъ. Ему, очевидно, никогда не приходило въ голову задаться вопросомъ напр. о томъ: не слишкомъ ли ужъ поздно начинаетъ онъ знакомить съ литургіей, приступая къ ней въ V группѣ? Неужели же 4-го года ученики ходили въ церковь, не знакомясь **совсѣмъ** съ богослуженіемъ?

Но пусть такъ. А знаютъ ли литургію ученики, хотя VI группы? этимъ вопросомъ тоже, повидимому, никогда не задавался о. законоучитель, потому что когда я попробовалъ спросить учениковъ, они обнаружили почти полное незнаніе. Послѣ, когда я спросилъ законоучителя о причинѣ столь грустнаго факта, онъ благодушно отвѣтилъ, что „вѣдь и не мудрено: забыли; учили-то въ прошломъ году еще, а нынѣ не повторяли“.

Тогда, чего добраго, и самыя молитвы нуждаются въ урочномъ повтореніи? подумалось мнѣ, судя по нѣкоторымъ опытамъ прошлаго. Я спросилъ учениковъ VI группы молитву Ангелу-хранителю. И отвѣтить не могъ ни одинъ ученикъ! Я обратился къ V-й группѣ,—тоже! Спросилъ вечернюю молитву. Изъ 5 учениковъ VI группы только одинъ помнилъ; а въ V помнили 5-ро изъ 15-ти; а десятеро отозвались забвеніемъ.

30. Луковское женское.

Законоучителя священника Н. я нахожу малоспособнымъ и устарѣвшимъ для преподаванія Закона Божія. Недостатки нѣкоторыхъ престарѣлыхъ священниковъ иногда хотя нѣсколько сглаживаются ихъ степенностью, а также внушающею почтеніе и расположеніе наружностью и характеромъ; а здѣсь и этого нѣтъ. Преподаваніе его еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ напр. преподаваніе въ предыдущемъ училищѣ. Успѣхи, конечно, тоже крайне слабы. Дѣвочки отвѣчаютъ вяло, сбивчиво и нерѣдко просто бессмысленно. О литургіи совсѣмъ ничего не знаютъ. Содержаніе Символа вѣры объяснила порядочно только одна дѣвочка, а остальные говорятъ какой-то вздоръ, вродѣ того напр., что въ молитвѣ Св. Духу мы просимъ о хлѣбѣ; въ вечерней молитвѣ читаютъ: „прости ми миренъ сонъ“, при чемъ даже мои наведенія не помогали дѣвочкамъ уразумѣть, что это бессмыслица; послѣдняя сдѣлалась даже сугубою, когда и самъ законоучитель (вѣроятно, по недостаточной трезвости) выразилъ недоумѣніе, почему бы и не читать такъ, т. е. „прости ми миренъ сонъ“. Словомъ сказать, молитвознаніе здѣсь поставлено изъ рукъ вонъ плохо; а нѣкоторыхъ молитвъ многія дѣвочки и совсѣмъ не знаютъ.

31. Комлевское.

„У насъ почти все Комлево раскольникѣ“, говоритъ почтенный отецъ В., „даже православные-то заражаются расколомъ“.

Что же отсюда слѣдуетъ? Надо по возможности лучше поставить училище, казалось бы. А что хорошее училище или, по крайней мѣрѣ, преданные дѣлу учащіе могутъ имѣть въ этомъ случаѣ значеніе болѣе даже, нежели церковныя проповѣди и пренія съ раскольниками, примѣры тому есть и притомъ далеко не единичные.

Здѣсь же, оказывается, и учащіяся-то дѣти мало ходятъ въ церковь, и пѣніе не преподается въ училищѣ. Это, конечно, потому, что здѣсь состоитъ не учитель, а учительница. Но почему же учительница?... Не понятно.

Успѣхи по предмету Закона Божія здѣсь слабы, какъ и въ болѣе части училищъ... скаго уѣзда, но только не вслѣдствіе недостатка усердія со стороны законоучителя.

Законоучитель о В.—старикъ, но еще очень добрый, энергичный, благодушнаго характера и очень усердный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень неопытный. Видимо, онъ это и чувствуетъ. Со свойственнымъ ему прямодушіемъ онъ самъ говоритъ:

— Вы ужъ того... понаставьте насъ, мы вѣдь... взять меня самого: ну, что я? Нужды нѣтъ, что старикъ, а вѣдь что грѣха таить, самъ не увѣренъ, хорошо я преподаю или нѣтъ. Вотъ вы пожалуйста въ училище, я тамъ при васъ займусь урокомъ, а вы послушайте; а послѣ и покритикуйте, да хорошенько наставьте, что и какъ надо. А то вѣдь знаете? право

же ни я, ни другой кто изъ насъ, изъ здѣшнихъ,—мы не слыхивали никогда ни отъ кого, что преподавать, какъ преподавать“...

Такія чистосердечныя рѣчи не часто услышишь; нѣкоторые изъ о. о. законоучителей полагають, что разъ ими получено богословское образованіе, тѣмъ самымъ за ними обезпечено не только право, но и самая успѣшность и методическая безошибочность преподаванія Закона Божія.

Понятно, что желаніе о. Василия я исполнилъ съ полнымъ удовольствіемъ.

Дѣло повелъ онъ такъ: сначала, какъ-бы въ скобкахъ, замѣтилъ, что у него средніе и старшіе идутъ вмѣстѣ.

— „Ну, читайте 1-ю заповѣдь“, распорядился онъ затѣмъ, обратившись къ дѣтямъ.

И вотъ оба отдѣленія, повторяя за батюшкою, стали читать. Плавню, съ разстановкою словъ, громкимъ басомъ батюшка зачитываетъ: „Азъ есмь Господь Богъ твой“.

„Азъ есмь Господь Богъ твой“, вторять ему 29 голосовъ.

— „Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене“, заканчиваетъ о. Василій.

— Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене!! шумно, громогласно повторяють дѣти.

Мнѣ ясно слышится, что въ среднемъ отдѣленіи нѣкоторые изъ дѣтей говорятъ: „бозиніи“, вмѣсто „бози иніи“ и „рази миня“ вмѣсто „развѣ Мене“.

— Ну, теперь вторую“, предлагаетъ о. Василій.

Тѣмъ же способомъ прошла и вторая заповѣдь.

— Ну, третью, приглашаетъ далѣе о. законоучитель.

И третью прочитали такъ же. Только гдѣ то мѣстами случались маленькіе перерывы, когда о. Василій считалъ нужнымъ кое что пояснить, но очень кратко, безъ повторенія самими учениками.

Порою встрѣчались и вопросы со стороны законоучителя, на которые дѣти отвѣчали всѣ вдругъ. А кто изъ нихъ дѣйствительно отвѣчалъ самостоятельно и кто только тянулся за отвѣтомъ товарищей или даже просто только голосилъ, вставляя случайно пойманное слово,—это совершенно ускользало отъ вниманія законоучителя.

— Ну, а четвертая вотъ какъ читается, говоритъ онъ: „Помни день субботній, еже святити его“ и пр. и пр.; тѣмъ-же порядкомъ. И такимъ-то способомъ онъ провелъ всѣ десять заповѣдей! Потомъ послѣдовалъ неожиданный переходъ:

— А какія горы упоминаются въ Священной Исторіи?

Слышатся шумно перебивающіе другъ друга и сливающимся отвѣты: „Морія“! „Кармилъ“! „Хоривъ“! „Синай“! „Ѧаворъ“! „Елеонская“!

Видимо, законоучитель весьма доволенъ: вотъ-де какъ отвѣчаютъ!

— А рѣки какія?

— „Иорданъ, Иорданъ, Иорданъ, Иорданъ“! закричали ребята.

— Ну, да что-жъ, все только Иорданъ всѣ! Чай, еще знаете?

— Ерихонъ, батюшка, Ерихонъ! раздался чей то голосъ.

— Ну, ты:—„Ерихонъ“! Какой „Ерихонъ“?! Иерихонъ—городъ. А Тигръ-то и Евфратъ забыли? Ну, да ладно. А вы вотъ скажите-ка, чѣмъ Иорданъ-то памятенъ вамъ?

— Въ немъ Иисусъ Христосъ крестился. Тамъ Іоаннъ Креститель...

— Ну, да. А вотъ горы-то... Кармилъ-то о какомъ событіи напоминаетъ?

Двое отвѣтили очень хорошо; прочіе молчали. На вопросъ о Фаворѣ опять дружно всѣ зашумѣли. Кто то, однако, сказалъ было: „вознесся“ вмѣсто преобразился; но другіе тотчасъ доложили: онъ вретъ, батюшка!—преобразился, а вознесся-то на Елеонской.

— А скажите мнѣ, кого да кого воскресилъ Иисусъ Христосъ?

Отвѣчали вѣрно. Потомъ вдругъ вопросъ:

— Какъ читается 3-й членъ Символа вѣры?

Отвѣтъ и краткое объясненіе даны вѣрно.

— А 7-й?—11-й?

И снова внезапный переходъ:

— Кому молитва „Царю Небесный“?

— Царю! бойко крикнулъ прежде всѣхъ однихъ изъ среднихъ.

— Экъ ты!—„Царю!“ Да оно, пожалуй, и Царю, только какому?

Тутъ ужъ другіе поправили отвѣтъ. Послѣ этого батюшка перешелъ было къ какому то совсѣмъ другому вопросу; но мнѣ захотѣлось спросить старшихъ, о чемъ же мы молимся-то въ молитвѣ Св. Духу; при этомъ я предварилъ, чтобы не отвѣчали всѣ разомъ, а только подняли бы руки, кто знаетъ. Но таковыхъ, увы, изъ 14 оказалось только 4. Далѣе выяснилось, что въ среднемъ отдѣленіи почти никто не знаетъ утренней молитвы; даже двое не знали „Отче нашъ“, и наконецъ—что все училище совсѣмъ не знаетъ молитвы послѣ ученія. Спросилъ было старшихъ о притчахъ. Двое могли передать содержаніе нѣкоторыхъ притчей,—объясненія же ихъ—никто.

— Ну, что, какъ? спросилъ меня достопочтенный о. В. по окончаніи урока.

Вотъ что, батюшка, сказалъ я: вы, какъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ это въ теченіи урока, любите ребятъ, любятъ и они васъ, любите вы и заниматься. А это чрезвычайно важное обстоятельство.

— Благодарю васъ. Да, это вѣрно: я и ребятъ люблю и занимаюсь охотно. Да только все-таки, хорошо ли занимаюсь-то, преподаю-то? Вижу, что должно быть многое неладно что-нибудь. Ну,—вотъ вы теперь и наставляйте. Я съ большимъ удовольствіемъ послушаю.

— У васъ, говорю я ему, здѣсь по сосѣдству еще два села; значить, еще два законоучителя: нельзя ли бы намъ всѣмъ вмѣстѣ собраться уже вечеромъ. Вотъ мы и побесѣдовали бы. Конечно, не безъ промаховъ или недостатковъ и ваше преподаваніе, какъ вѣдь и у сосѣдей вашихъ. Вы съ ними хорошо знакомы? Они бываютъ у васъ?

— Помилуйте, нерѣдко. Это я съ удовольствіемъ. Да вотъ еще и Олсуфьево недалеко; тамъ тоже вѣдь земское училище; я, пожалуй, спосылаю, и за отцомъ Иваномъ.

Такъ и было сдѣлано. Вечеромъ собралось даже болѣе, чѣмъ я предполагалъ: прибылъ одинъ священникъ законоучитель церковно-приходской школы и одинъ молодой человѣкъ, готовящійся посвятится во священники.

Бесѣда продлилась за полночь. Не задѣвая ничьего самолюбія, почти не касаясь именно тѣхъ уроковъ, какіе я слышалъ у здѣшнихъ оо. законоучителей, но приводя примѣры, которые мнѣ часто встрѣчаются почти всюду, я при участіи самихъ же о.о. законоучителей разобралъ важнѣйшіе и общіе всѣмъ дидактическіе промахи и затѣмъ весьма подробно изложилъ, поясняя и доказывая фактами, при какой постановкѣ дѣла достигаются наилучшіе результаты, **особенно въ отдѣлахъ милитвознанія и Богослуженія.**

Бесѣда прошла весьма оживленно и въ очень пріятномъ взаимно дружественномъ настроеніи. Почтенные отцы законоучители чуть ли уже не съ избыткомъ благодарили за нее, щедро наградивъ меня лестными отзывами, и я простился съ ними, вынося искреннюю увѣренность, что дѣло у насъ непременно пойдетъ впередъ хорошимъ ходомъ.

IV. На урокахъ учителей и учительницъ.

* 32. Б.....ское училище.

Счастливое сочетаніе ума, способностей, доброты, усердія, живости и энергіи ставятъ учительницу Татьяну Васильевну Далину внѣ конкуренціи прочихъ учительницъ.

Работа въ классѣ у нея просто кипитъ. Но она не суетлива, а просто быстра, опытна, находчива. Все она видитъ, вездѣ поспѣваетъ, ни надъ чѣмъ не задумывается; а своимъ проникательнымъ взоромъ, улыбкою и веселымъ настроеніемъ поддерживаетъ непрестанное бодрое настроеніе во всѣхъ дѣтяхъ.

— Теперь у васъ ариѳметика? спрашиваетъ она среднихъ. Хорошо. Старшіе! вы знаете, что вамъ нужно будетъ сдѣлать?

— Притчу о богатомъ и Лазарѣ написать, Вы давеча сказали.

— Да. Письменно изложить. Помните, какъ надо?

— Помнимъ, помнимъ.

— Маленькіе, готовы? Хорошо, начинайте же. Ты, Назаровъ, къ доскѣ. Пишите!.. „мои... пріятели“. Какъ надо написать „пріятели“? (Ученики поднимаютъ руки, вызванный отвѣчаетъ).

Средніе! а вамъ вотъ задача:

„У меня было рубль денегъ. Четверть ихъ ушла на покупку книги, пятая часть остальныхъ на бумагу; а что потомъ осталось—на это купила апельсиновъ по 6 коп. за каждый“...

— Что надо узнать въ задачѣ?“

Пока одни поднимаютъ руки, желая отвѣтить, а другіе соображали, учительница, идя къ старшимъ, а обращаясь къ младшимъ, продолжала диктовать: „хорошіе мальчики“; и спросила, какую ошибку можно сдѣлать въ словѣ **хорошіе**. Говоря это, она справилась уже, такъ ли пишутъ старшіе, и потративъ на все не болѣе 15 секундъ, вызвала одного изъ среднихъ, который отвѣтилъ, что въ задачѣ надо узнать, сколько было куплено апельсиновъ.

Анализъ задачи шелъ легко, быстро и кратко (кратко потому, что, видимо, дѣти освоились съ анализами и даже менѣе способные поднимали руки на вопросы учительницы); и пока одинъ отвѣчалъ, другой на доскѣ изображалъ планъ рѣшенія.

За первую задачею слѣдовала вторая тѣмъ же порядкомъ съ мимолетными паузами для продолженія диктанта въ младшемъ отдѣленіи.

Но послѣ второй задачи не послѣдовала третья, четвертая, пятая, какъ это бываетъ у многихъ другихъ менѣе опытныхъ учителей и учительницъ. Нѣтъ; но въ цѣляхъ разнообразія урока, возбужденія дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣляхъ самаго предмета былъ сдѣланъ какъ бы внезапный переходъ къ быстрому устному счисленію.

— „Кто скорѣе скажетъ, 600 да 600 сколько будетъ?“

— „А сколько будетъ, если 50 помножить на 40?“

Поди-ка, Земновъ, напиши: два милліона. Что стоитъ на 3-мъ мѣстѣ? На 5-мъ, Соловьевъ?“

И, говоря это, учительница въ то же время пишетъ на доскѣ сама: 10601001.

Кто готовъ **сейчасъ-же** прочесть это число? 240 возьмите 2 раза и полученное уменьшите вчетверо.

$\frac{1}{3}$ сажени—что это? а $\frac{2}{3}$? Сколько въ сажени дюймовъ? футовъ?

Семью 12? 84 взять 3 раза! 71 безъ 43? $\frac{1}{8}$ сутокъ сколько часовъ?

И т. д. и т. д.

Дѣтямъ, видимо, нравятся эти быстрые умственные перелеты въ области разнообразныхъ случаевъ счислять то такъ, то этакъ, то одно, то со всѣмъ другое.

А диктантъ младшихъ въ тоже время подвигается да подвигается. Порою учительница, предупреждая возможность ошибки, спроситъ мимолетомъ слабенькаго ученика, помнить ли онъ правило, почему именно надо писать такъ, а не иначе.

Старшіе между тѣмъ сидятъ солидно, углубившись въ стилистическія соображенія и продолжая излагать притчу о богатомъ и Лазарѣ.

Вотъ уже близокъ и конецъ урока. Нужно провѣрить написанное младшими, **не оставляя среднихъ безъ дѣла**. Для этого послѣднимъ дается № задачи, которую они должны сами прочесть, усвоить, рѣшить и записать весь планъ рѣшенія на грифельныхъ доскахъ.

Диктантъ провѣренъ. Новая работа готова уже младшимъ; на доскѣ написаны отдѣльные слова: Вода. Топоръ. Василекъ. Корова. Каша. Волкъ. Пароходъ. Хомутъ.

Кто-же и когда писать ихъ? Да сама учительница въ то время, когда предлагала среднимъ бѣглые вопросы по счисленію. Отдѣльнаго времени на записъ ихъ не потребовалось ни секунды, а между тѣмъ обильный матеріалъ для новой работы уже и есть. По провѣркѣ диктанта дѣтямъ предложено было списать эти слова и къ каждому изъ нихъ приставить опредѣленіе на вопросъ—что это такое? (Вода—жидкость. Топоръ—орудіе, и т. д.).

Урокъ конченъ. Дежурные ученики собираютъ у прочихъ тетради, грифельныя доски. Все совершается быстро, въ порядкѣ.

Вторымъ урокомъ было церковно-славянское чтеніе, соединенное въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ. Предметомъ чтенія была II-я глава Евангелія отъ Матѳея, часть которой была задана ранѣе среднему отдѣле-

нію для упражненія въ механизмѣ чтенія. Порядокъ урока построенъ былъ такъ, что начиналъ читать кто-либо изъ среднихъ, при чемъ старшіе слѣдили; по прочтеніи стиха, одинъ изъ старшихъ переводилъ по книгѣ безъ русскаго текста.

Видно было, что старшіе отлично уже навыкли въ переводѣ и по прочтеніи перваго стиха:

„Исусу же рождшуся въ Вилеємѣ
Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя, се
волсви отъ востокъ придоша“....

всѣ до одного подняли руки въ готовности или увѣренности дать вѣрный переводъ знакомаго по прежнимъ урокамъ оборота „дательнаго самостоятельнаго“. А когда учительница спросила, какъ бы они перевели, если бы стояло не „придоша“, а „придохомъ“, то не только всѣ старшіе, но болѣе половины и среднихъ подняли руки къ отвѣту! И дѣйствительно, оказалось, что даже средніе умѣютъ уже различать въ глаголахъ 1-е лицо отъ 3-го и единственное число отъ множественнаго.

По переводѣ двухъ-трехъ стиховъ, учительница по поводу какого то славянскаго слова стала предлагать бѣглые вопросы вообще о значеніи различныхъ прежде усвоенныхъ словъ и формъ.

— Что значитъ „всуге“? А „вскую“? „Бо“? А какимъ другимъ славянскимъ словомъ можно замѣнить „бо“? (яко). Что значитъ „воеже“? Гдѣ напр. встрѣчается это слово? (Въ молитвѣ послѣ ученія „воеже внимати ученію“). Какъ по славянски сказать: очень? который? А „которое“? Что значитъ: „рѣхомъ“ А „рѣхъ“? „рѣша“? По-русски—„вы согрѣшили“, а какъ это сказать по-славянски?

Далѣе снова продолжался переводъ. А пока кто нибудь читалъ, учительница обходила младшихъ, просматривая, на сколько успѣшно и правильно ли исполняется данная имъ самостоятельная работа. Имъ надлежало списать съ классной доски и рѣшить рядъ ариметическихъ формулъ:

$$53+16+?=100.$$

$$64:4\times2-32=?$$

и т. п.

Въ самомъ концѣ урока средніе пересказали вѣрлѣ содержаніе всего переведеннаго изъ Евангелія; а затѣмъ трое—четверо младшихъ въ цѣляхъ провѣрки и упражненія читали и вычисляли вслухъ свои ариметическія формулы.

По живости, разнообразію и плодотворности второй урочный часъ не уступалъ первому; и урокъ ц.-славянскаго чтенія, нерѣдко скучно-однообразный у другихъ, прошелъ скоро, интересно; на дѣтяхъ не было замѣтно и слѣда утомленія. Особенно довольны были средніе, замѣтивъ мое пріятное удивленіе, что они почти не уступаютъ старшимъ въ знакомствѣ съ строемъ славянской рѣчи.

Не могу не обратить вниманія, что эти же уроки обнаружили, на сколько здѣсь сдѣлано болѣе сравнительно съ другими училищами.

Тамъ, придерживаясь исключительно метода Евтушевскаго или Гольденберга (даже многія городскія училища), къ январю мѣсяцу едва-едва успѣвають выбраться съ младшимъ отдѣленіемъ изъ области упражненій надъ числами **перваго десятка**. Здѣсь же, безъ особыхъ затрудненій, оперируютъ надъ числами всей сотни на сложеніе, вычитаніе и отчасти даже на умноженіе съ дѣленіемъ.

Въ среднемъ же отдѣленіи пройдена, какъ мы видѣли, нумерація; затѣмъ изучены сложеніе и вычитаніе надъ числами любой величины и, могу свидѣтельствовать, исполнѣ хорошо.

Читать по-русски,—тоже мастера всѣ дѣти, не исключая младшихъ, которые читаютъ, соблюдая даже интонацію и уже ни одинъ не прочитаетъ: **его** или **своего** и т. п., а прямо, не задумываясь: **ево**, **своево** и пр.

Во время чтенія среднихъ г-жа Далина не разъ предлагала имъ такіе вопросы: зачѣмъ это тутъ двоеточіе поставлено? (между предложеніями, не соединенными причиннымъ союзомъ).

— „А если-бы тутъ было слово „потому что“?

Слѣдуетъ отвѣтъ, что тогда надо бы только запятую. Это ученикъ средняго-то отдѣленія!

Вотъ мои отмѣтки среднимъ за чтеніе:

5. 5. 4. 4+ 5+ 5. 5+

а старшимъ:

5. 5. 5+ 5 5+

Раздѣлка механизма чтенія прекрасна. Читаютъ совсѣмъ не спѣша и въ то же время совершенно свободно и съ очень хорошей интонаціею. Разсказываютъ старшіе хорошо и хорошо помнятъ все прочитанное вообще, а особенно изъ отдѣловъ историческаго и географическаго.

Исправно и усердно ведется и отдѣлъ **самостоятельныхъ письменныхъ изложеній**. Всѣхъ изложеній было болѣе 15-ти, не считая еще арифметическихъ письменныхъ работъ.

Пишутъ въ старшемъ отдѣленіи хорошо (но можно бы писать лучше); младшіе очень хорошо, а средніе даже отлично.

Заключу замѣчаніемъ, что учительница не довольствуется одними урочными занятіями; нерѣдко вечерами къ ней приходятъ дѣти, и она съ ними читаетъ изъ имѣющагося при училищѣ маленькаго запаса дѣтскихъ книжекъ, которыя она раздаетъ и на домъ. Упомяну, пожалуй, еще и о томъ, что она привлекла къ себѣ симпатію мѣстнаго общества не однимъ только усердіемъ къ школѣ и любовью къ дѣтямъ, но и помощью самимъ родителямъ въ обыкновеннѣйшихъ болѣзняхъ, для чего у нея есть лечебникъ и цѣлая полка, уставленная лекарственными снадобьями, какими впервые она была снабжена отъ земской управы въ холерный 1891-й годъ, и съ тѣхъ поръ пополняетъ ихъ сама на свой счетъ.

* 33. Бурковское училище.

Бурковское училище свободно можетъ быть поставлено наравнѣ съ только что описаннымъ Б.....скимъ училищемъ.

Учитель А. И. Второспаскій служитъ уже давно,—слишкомъ двадцать лѣтъ, но время и трудъ не могли сломить его мощной комплекціи и не отразились на духѣ и на работѣ его ни апатіею, ни утомленіемъ, ни отсталостію. Многое множество сверстниковъ его, учителей и учительницъ, сошло со сцены совсѣмъ; а тѣ немногіе, которые продолжаютъ еще служить, замѣтно ослабѣли или надломились. Одинъ только благодушный, почтенный Александръ Ивановичъ, какъ старый крѣпкій дубъ въ молодомъ лѣсу, стоитъ себѣ, съ улыбкою поглядывая на окружающую молодежь товарищей.

Онъ знаетъ, что изъ среды ихъ у него есть достойные соперники и соперницы, иногда отбивающіе у него пальму первенства. Но это ничего; это не смутитъ его. Лишь только онъ узнаетъ, въ чемъ дѣло, онъ ужъ не замедлитъ примѣнить и у себя новинку, если она несомнѣнно полезна, и—снова стоитъ наравнѣ съ болѣе молодыми и сильными претендентами на достоинство одного изъ самыхъ лучшихъ учителей.

Въ веденіи уроковъ онъ уступить г-жѣ Далиной очень не много. У него нѣтъ столь же кипучей дѣятельности и разнообразія, какъ у нея, но все же работа ведется энергично, очень плодотворно и, конечно, безъ траты времени на бесполезные разговоры или пустые вопросы.

Видимо, что онъ обладаетъ большимъ опытомъ. А дальнѣйшее знакомство съ нимъ обнаруживаетъ, что онъ не полагается на одну свою опытность, но и готовится къ занятіямъ и такимъ образомъ является въ классъ съ заранѣе продуманнымъ планомъ и выясненными деталями того или другого урока. У него есть на запасъ и свои, имъ самимъ составленныя задачи или отдѣльные вопросы; у него цѣлыя тетради съ конспектами уроковъ по объяснительному чтенію.

Поэтому на урокѣ его чувствуется, что онъ ведетъ дѣло съ твердою увѣренностію въ себѣ и въ успѣхѣхъ: онъ покоенъ, ровенъ, но отнюдь не сухъ; благодушенъ, не прочь подпустить и ласковую шуточку по поводу какого-нибудь промаха того или другого изъ дѣтей, (а это имъ очень нравится). Почти не сходящая съ его добраго лица благосклонная улыбка является какъ бы магическимъ ключемъ, которымъ легко раскрывается пугливое сердце дѣтей; они не боятся его нисколько; но и не позволяютъ себѣ выходить за предѣлы достаточно строгаго приличія, потому что это вѣдь не съ кѣмъ другимъ; это—Александръ Ивановичъ.... вонъ онъ какой важный да почтенный; его и старики-то уважаютъ; его другіе-то учителя слушаютъ, какъ ученики.

Кстати: теперь есть пятеро учителей—все бывшіе ученики г. Второспасскаго; ученики въ двойномъ смыслѣ: дѣтьми они учились и кончили курсъ въ Бурковскомъ училищѣ; взрослыми, когда сами стали учителями, служили у него помощниками и выработались въ хорошихъ учителей.

Теперь у г. Второспасскаго нѣтъ помощника.

Я предлагалъ ему однако; но онъ самъ отказывается.

— „Одному лучше“, говоритъ онъ: „помощникъ поступитъ,—его самого-то надо еще учить долго; онъ не столько помогаетъ, сколько мѣшаетъ

а понавыкъ,—уходить въ настоящіе учителя; является новый помощникъ, и опять та же исторія“.

Такъ и остается онъ одинъ. Многочисленность учащихся (90 чел.) его не пугаетъ. Порядокъ у него отличный; дѣти послушны и умны,—дѣло и идетъ полнымъ ходомъ, правильно и отлично—успѣшно.

Успѣхи всѣхъ отдѣленій и по всѣмъ отдѣламъ занятій очень хорошіе или даже отличные. Въ особенности же образцово ставится усвоеніе прочитаннаго; а успѣхи по чистописанію можно назвать даже блестящими. Такого свободного, установившагося почерка я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ сельскихъ и городскихъ училищъ.

* 34. Березовское училище.

Урокъ чтенія и ариометики въ младшемъ отдѣленіи былъ проведенъ образцово. Ни суеты, ни шумливости, или иныхъ какихъ-либо замѣшательствъ и перерывовъ въ ходѣ урока не было; а между тѣмъ можно было сказать, что работа кипитъ въ рукахъ энергичной и умной учительницы М. Н. Дашневой.

Прочли двѣ статейки изъ „Баранова“: „Левъ и мышь“, „Отецъ и сыновья“. Вопросы, отвѣты и пересказъ текли свободно, скоро, безъ того пустословія, которымъ нерѣдко страдаютъ уроки неопытныхъ или малоспособныхъ преподавателей. Въ то же время учительница отъ времени до времени прохаживалась мимо учениковъ средняго отдѣленія, слѣдя за ихъ самостоятельной работою, и одновременно съ этимъ вела диктантъ въ старшемъ отдѣленіи, успѣвая пользоваться паузами въ урокъ младшихъ для того, чтобы мимолетно наметнуть старшимъ на возможность ошибки въ диктуемомъ словѣ, спросить правило, или прямо предупредить ошибку.

Такъ дѣло шло около получаса. Послѣ того былъ сдѣланъ быстрый поворотъ занятій съ младшими. „Ну, будетъ, **почитали**. Первую статью дома читайте, чтобы послѣ мнѣ прочесть безъ запинокъ, по знакамъ. А теперь **посчитаемъ**, ариометикой займемся“, сказала учительница.

„Слушайте. Отецъ купилъ дѣтямъ гостинцевъ къ „Николѣ“.... А у насъ когда „Никола“-то будетъ? (Большая часть дѣтей подняли руки). Такъ вотъ, я говорю, отецъ гостинцевъ купилъ и истратилъ на нихъ гривенникъ: два пряника заплатилъ по копѣйкѣ, да купилъ изюму $\frac{1}{2}$ ф. за пятачекъ, да большую конфету съ картинкой. Вотъ вы и узнайте, многоли онъ заплатилъ за конфету“.

Нѣсколько ребятъ тотчасъ же подняли руки. Но учительница предложила неподнявшимъ руки рассказать задачку. Одинъ рассказалъ, послѣ чего самъ же крикнулъ: „три копѣйки, Марья Николаевна!“

— Можетъ, и такъ: только я тебя не хвалю: порядка не знаешь. Тебѣ велѣно только рассказать. Да и отвѣтъ-то ты далъ не полный. Скажи-ка ты, Катя, обратилась она къ одной дѣвчкѣ.

— „Отецъ заплатилъ за конфету съ картинкой три копѣйки“.

— „Почему же выходить 3 коп.?“

Дѣвочка объяснила.

„А кто догадается, что стоит фунтъ изюму?“ Болѣе половины учениковъ подняли руки, другіе недоумѣвали; но послѣ перваго же наводящаго вопроса—смекнули.

(А диктантъ старшихъ, между тѣмъ, продолжался своимъ чередомъ).

— „Если бы фунтъ-то изюма раздать поровну пятерымъ дѣтямъ, на сколько копѣекъ пришлось бы каждому? Сколько будетъ 4 раза 2? Восемь безъ 4? Половина 8-ми? 4-жды 2? 8 да 2? 10-ть безъ 1-й? 9 безъ 6? 3-жды 3? 9 безъ 5? и т. д. и т. д. Потомъ слѣдовали еще двѣ задачки; при чемъ одинъ изъ учениковъ изобразилъ на доскѣ и рѣшеніе.

Дѣти считали и отвѣчали очень хорошо. Урокъ прошелъ оживленно и скоро. Видимо было, что ученики приучены къ отличному порядку, къ полнымъ отвѣтамъ и къ вниманію, которое тѣмъ легче поддерживать, что на урокахъ нѣтъ повода скучать или утомляться однообразіемъ.

Замѣтно также, что здѣсь обращается особенно тщательное вниманіе на чистоту и опрятность дѣтей. Послѣднія вообще произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе—дѣтей аккуратныхъ, смысленныхъ, живыхъ и привязанныхъ къ своей учительницѣ.

* 35 П е училище.

Это одно изъ лучшихъ училищъ въ городѣ N какъ по успѣхамъ, такъ и по составу учащихся.

Старшая учительница г-жа Меркалова обладаетъ сильнымъ умомъ, очень хорошими педагогическими способностями и опытомъ.

Объяснительное чтеніе въ старшемъ отдѣленіи—самый серьезный и трудный отдѣлъ занятій въ начальномъ училищѣ, по признанію самихъ учителей и учительницъ и по свидѣтельству опыта. Немногіе изъ учительскаго персонала съ полнымъ успѣхомъ овладѣваютъ методомъ его. Къ числу таковыхъ относится и г-жа Меркалова.

Въ подтвержденіи этого приведу вкратцѣ содержаніе даннаго ею урока.

Въ порядкѣ принятой постепенности читалась изъ книги для чтенія „Баранова“ статья „Кормилица Волга“. Послѣ того, какъ ученикъ прочелъ первый пунктъ строкъ въ 7-мъ, учительница предложила сказать **вкратцѣ**, о чемъ было прочитано, провѣрила, какъ понимаютъ дѣти, что называется рѣкою, а также и то, какъ надо понимать, что рѣка можетъ быть кормилицею. Въ то же самое время, какъ предлагались вопросы и давались отвѣты, учительница записала на доскѣ отвѣты учениковъ о главнѣйшемъ содержаніи прочитаннаго:

I. Начало Волги. Теченіе ея; длина и пр. Затѣмъ слѣдовало тѣмъ же порядкомъ дальѣйшее чтеніе и, конечно, другимъ уже ученикомъ.

Попутно и въ связи съ пересказомъ прочитаннаго предлагались нѣкоторые другіе вопросы, касавшіеся прочитаннаго на прежнихъ урокахъ,—вопросы преимущественно изъ области географическихъ и историческихъ свѣ-

дѣній объ отечествѣ и притомъ въ связи съ указаніемъ по географической картѣ. Вопросы и отвѣты этого рода дѣлались кратко, сжато и какъ бы мимоходомъ, почти не нарушая главнаго занятія. Въ то же время на классной доскѣ постепенно, безъ всякой траты времени, выросталъ планъ читаемой статьи, который дѣти составляли сами, а учительница молча или, точнѣе, продолжая ходъ урока, но ни слова не говоря о томъ, что дѣлала сама на классной доскѣ, записывала этотъ планъ.

Во время пересказа вѣлѣ главнаго содержанія всей статьи рѣчь коснулась какъ-то сѣвернаго края Россіи и Ломоносова, причемъ дѣти обнаружили основательное, толковое усвоеніе прежде прочитаннаго матеріала. Было замѣтно, что дѣти здѣсь гораздо развитѣе, чѣмъ въ другихъ училищахъ, а это слѣдуетъ объяснить прежде всего умѣлою постановкою чтенія.

Заканчивая урокъ, богатый содержательностью и давшій много мѣста самостоятельности дѣтей, учительница, какъ бы шутя, предложила имъ въ наступающую переменъ или вообще въ досужія минуты проштудировать по картѣ всѣ упоминавшіяся на урокѣ географическія имена, а кромѣ того посоветовала быть готовыми къ тому, чтобы сдѣлать письменное изложеніе о Волгѣ. И наконецъ общала почитать съ ними (не урочнымъ способомъ) изъ книжки: „По Русской землѣ“.

Не менѣе опытною рукою, оживленно и содержательно былъ проведенъ и урокъ ариметики. Рѣшалась довольно сложная задача на обмѣнъ двумя лицами двухъ предметовъ, изъ которыхъ однимъ было поле, поверхность и урожай котораго надлежало вычислить. Вопросъ задачи былъ: кто изъ мѣнявшихся и сколько долженъ былъ доплатить деньгами.

Конечно, была сдѣлана провѣрка, всѣ-ли поняли задачу и дѣйствительно-ли поняли. „Какой первый вопросъ надо будетъ рѣшить?“ спрашивала учительница.

„Почему же именно этотъ вопросъ? Можно-ли рѣшить задачу, начавъ съ другаго вопроса?“ „Съ какаго?“ „Почему?“ „Какъ?“ Вопросы эти, равно какъ и всѣ дальнѣйшіе, которыхъ однако было не много, разсыпались по всему классу. Руки поднимались дружно; при чемъ учительница обращала вниманіе на неподнявшихъ и, послѣ чьего-нибудь отвѣта, спрашивала ихъ.

Детальныя вычисленія производились очень быстро всѣми учениками на особыхъ тетрадяхъ, причемъ предварительно на особомъ мѣстѣ велось изображеніе плана рѣшенія („въ строкахъ“).

Отвѣты учениковъ, — выражусь словами своей черновой записи, „великолѣпны, полны, точны, отчетливы, бойки“.

Тѣми же качествами оживленности, содержательности и умнаго веденія дѣла отличался урокъ **славянскаго языка**, предметомъ котораго былъ псаломъ XXXVII, — его чтеніе и переводъ.

Читають дѣти очень хорошо и настолько дружно и внимательно слѣдятъ за чтеніемъ другъ друга, что на вопросъ учительницы: „кто замѣтилъ ошибку?“ — всѣ или почти всѣ поднимають руки. Переводятъ очень бойко и правильно съ знаніемъ точнаго значенія словъ и даже главнѣй-

шихъ грамматическихъ формъ, хотя съ послѣдними начали знакомиться только въ нынѣшнемъ году. Видимо, что псаломъ этотъ отчасти уже былъ разработанъ на предшествовавшемъ урокѣ, потому что нѣкоторыя изъ трудныхъ выражений, вродѣ: „зане гоняхъ благостыню“, были правильно переведены самими учениками.

Къ слову отмѣчу одну особенность; передъ чтеніемъ псалма каждый ученикъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Но засимъ можно упомянуть, что даже и у г-жи Меркаловой нашлся слабоватый пунктъ; по-русски дѣти читаютъ нерѣдко съ буквальнымъ произношеніемъ, по-печатному.

Что касается **чистописанія**, оно поставлено очень хорошо.

Сердечная давняя дружба, связывающая здѣсь всѣхъ трехъ учительницъ, сказалась тѣмъ благотѣльнымъ послѣдствіемъ, что другія двѣ учительницы П. . . . аго училища прекрасно усвоили характеръ веденія дѣла г-жею Меркуловою. Послѣдняя, конечно, отъ этого не только ничего не теряетъ, но очень много выигрываетъ, какъ во мнѣніи подругъ, такъ и во мнѣніи начальства.

* Вознесенское городское начальное училище.

Я не скажу, чтобы учительницы Вознесенскаго училища какъ нибудь особенно выдавались своею талантливостію, но ставлю ихъ выше многихъ другихъ за ихъ вдумчивое, серьезное отношеніе къ дѣлу. Большинство прочихъ учительницъ берутъ преимущественно усердіемъ и, такъ сказать, слѣпою исполнительностію программъ, инструкцій, распоряженій и т. п.; не внося ничего лично отъ себя по своей инициативѣ въ постановку дѣла. Такая работа всегда носить на себѣ характеръ работы машинной, подражательной, страдаетъ однообразіемъ; а самъ работникъ вѣчно пребываетъ въ какой то неувѣренности въ себѣ или же рискуетъ впасть въ рутину и формализмъ.

Г-жи Елютина и Мидова, по счастію, почти свободны отъ такого недостатка личной инициативы. Обѣ онѣ много читаютъ, взаимно дѣлятся мыслями о прочитанномъ; а плодомъ этого постоянного въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обмѣна мыслей является болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу, большая опытность и лучшіе успѣхи.

Урокъ объяснительнаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи „О народахъ и государствахъ“ по книжкѣ „Баранова“ Л. И. Елютина провела почти безукоризненно правильно. Работа велась серьезно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оживленно.

Пустыхъ, праздныхъ вопросовъ не встрѣчалось. Географическая карта не была забыта; прочитанное усвоено основательно; въ дидактическихъ деталяхъ не было замѣтно никакихъ промаховъ. Дѣвочки отвѣчали хорошо, обстоятельно, полными отвѣтами. Правда, тонъ отвѣтовъ мнѣ нѣсколько не понравился: это тонъ однообразный, съ оттѣнкомъ пѣвучести, тонъ, ко-

торый царилъ въ старой школѣ, да и теперь встрѣчается нерѣдко,—тотъ казенный тонъ, которымъ учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отвѣчаютъ заданные имъ уроки.

Тотъ же тонъ замѣтенъ и въ **русскомъ чтеніи**. Но, тѣмъ не менѣе, читаютъ дѣти вполне свободно и правильно.

Прослушалъ я у г. Елютиной и урокъ **ариѳметики**. Она ведетъ дѣло по методу Гольденберга и ведетъ, пожалуй можно сказать, хорошо; но не достаточно опытною рукою. Урокъ страдалъ двумя недостатками: во 1-хъ, во время рѣшенія задачи одною ученицею у доски всѣ остальные все время сидѣли почти только слушая, мало принимая участія въ рѣшеніи; а во 2-хъ,—весь урокъ только и занятъ былъ рѣшеніемъ крупныхъ задачъ; не было задачекъ летучихъ, мелкихъ, но требующихъ сообразительности или быстрого вычисленія; не было и примѣровъ на устное счисленіе, требующее также быстроты, твердаго знанія нѣкоторыхъ свойствъ чиселъ и нумераціи, знакомства съ элементарными дробями, съ процентомъ и т. п. А между тѣмъ, все это, внося разнообразіе, оживляетъ урокъ и поднимаетъ энергію дѣтей, не говоря о непосредственной полезности такихъ ариѳметическихъ упражненій.

Чистописаніе дѣтей—очень хорошо; но **ореографія** страдаетъ, какъ и въ большинствѣ училищъ, впрочемъ. За данный мною пробный диктантъ дѣвочки получили въ среднемъ выводѣ только $2\frac{1}{2}$. Обстоятельство это повергло учительницу почти въ отчаяніе, пока я не успокоилъ ее объяснивъ ей, что постигнувъ еѣ неудачу по этому отдѣлу раздѣляютъ и многіе другіе учителя и учительницы, среди которыхъ есть и очень хорошіе педагоги; и что, не зная нѣкоторыхъ очень плодотворныхъ пріемовъ, которые выработаны живою практикою, но которыхъ не найти въ существующихъ методическихъ руководствахъ,—нельзя достигъ очень хорошаго правописанія иначе, какъ пожертвовавъ успѣхами по какому-либо другимъ отдѣламъ. Дать ей затѣмъ свои записки о преподаваніи ореографіи, которыя, какъ я потомъ узналъ, она списала для себя и своихъ сослуживицъ.

Прослушалъ я уроки и Ю. Д. Мидовой, которая вела въ этотъ годъ младшее отдѣленіе. Г-жа Мидова, хотя значительно моложе Елютиной, но къ дѣлу относится, кажется, еще серьезнѣе; она очень строга къ самой себѣ и съ какою то особенной, усиленною аккуратностью ведетъ всѣ отдѣлы занятій. Я не замѣтилъ на ея урокахъ особеннаго оживленія; но, тѣмъ не менѣе, уроки эти нельзя назвать сухими или скучными. Успѣхи же я готовъ признать отличными и притомъ одинаково по всѣмъ отдѣламъ. Дѣти, напр., читали очень свободно и, что особенно достойно вниманія,—съ хорошою интонаціею. **Пишутъ** отлично; только не по сезону крупно; къ апрѣлю мѣсяцу пора бы писать помельче.

По **ариѳметикѣ** пройдена, и весьма основательно, почти вся сотня, что для N-скихъ училищъ является успѣхомъ почти исключительнымъ.

Третьей учительницѣ г-жѣ Земповской—будь она не въ этомъ училищѣ—грозила участь остаться на уровнѣ заурядной посредственности.

До 189* года она служила въ другомъ училищѣ, гдѣ старшая учительница была не чужда тенденціи держать подальше отъ себя вторую учительницу. Переводомъ Земновской въ Вознесенское училище я надѣялся доставить ей возможность свободнѣе развернуть свои способности подъ влияніемъ новыхъ подругъ сослуживцевъ.

Надежда моя не только не обманула моихъ ожиданій, но и превзошла ихъ. Когда я присутствовалъ за работой Земновской въ прежнемъ училищѣ, я видѣлъ въ ней только очень усердную, но крайне неопытную труженицу; ей даже большого труда стоило поддерживать необходимый порядокъ въ классѣ во время урока.

Прошло 8 мѣсяцевъ, и я, придя къ ней въ Вознесенское училище, просто былъ пораженъ происшедшею переменою: передъ мною была совсѣмъ какъ будто другая учительница!

Она уже не рветъ, не мечетъ, какъ бывало въ Мишинскомъ училищѣ, не кипятится изъ-за того, что дѣти невнимательны, не перебрасывается внезапными скачками отъ однихъ вопросовъ къ другимъ, не имѣющимъ логической связи съ предыдущими.

Серьезность и степенность Елютиной, вдумчивость Мидовой, очевидно, отразились на г-жѣ Земновской, сдѣлавъ ее гораздо болѣе спокойною, ровною, а вечернія бесѣды съ ними, совмѣстные чтенія методическихъ руководствъ и педагогическихъ журналовъ, живой обмѣнъ мыслей и классная практика,—придали ей столь значительную долю плодотворной опытности, что я затрудняюсь теперь сказать, уступаетъ ли она въ этомъ отношеніи своимъ славнымъ подругамъ.

Жаль,—мнѣ не довелось прослушать ея урока объяснительнаго чтенія (она вела въ ту пору среднее отдѣленіе); но урокъ ариметики она провела, скажу не преувеличивая, лучше своихъ подругъ; онъ былъ оживленъ и разнообразенъ, чѣмъ у тѣхъ.

Что касается метода, то по моему совѣту она рѣшилась отказаться какъ отъ Евтушевскаго, такъ и отъ Гольденберга и испытать другую, по моему убѣжденію, болѣе практичную постановку дѣла.

Чтеніе какъ русское, такъ и славянское, я нашелъ отличнымъ. Дѣти читаютъ очень свободно, но не торопливо, и правильно интонируютъ. Самихъ слабыхъ учениковъ я отмѣтилъ баллами: 3+ 4. 3+, а прочихъ изъ читавшихъ 5. 5. 5+ 5 5+ 5+ 5.

Въ **чистописаніи** дѣти среднего отдѣленія, мнѣ кажется, превзошли среднія же отдѣленія почти всѣхъ прочихъ городскихъ училищъ.

Согласно желанію г-жи Земновской я разрѣшилъ ей опытъ введенія прямого почерка и этотъ опытъ нахожу теперь вполне удачнымъ.

36. Ипановское училище.

Здѣсь законоучитель о. Алексѣй Малининъ совсѣмъ заслоняетъ собою личность и дѣятельность своей воспитанницы учительницы В. М. Пригожевой. Пригожева—барышня очень симпатичная: воспитанная въ строгихъ началахъ религіозной нравственности въ благочестивой семьѣ о. Алексѣя, она

производить впечатлѣніе 12-ти лѣтней дѣвочки своею конфузливою скромностью, которой не утратила и послѣ 6 лѣтъ жизни среди многочисленныхъ подругъ епархіальнаго училища. Она умна и способна, но еще мало опытна. Впрочемъ, несмотря на это, не смотря на необыкновенную скромность, дѣло ведетъ она очень не дурно и притомъ оживленно. Но „папаша“ (о. Алексѣй) немножко мѣшаетъ ей своимъ вмѣшательствомъ и претензіями на руководство. Она и видитъ, что онъ что нибудь не такъ говоритъ или совѣтуетъ, но при дѣтяхъ не рѣшается спорить съ нимъ и тѣмъ умалять его высокій авторитетъ. Послѣ же, дома, она возражаетъ ему очень мило и даже смѣло, видя его благодушное настроеніе, которое, кажется, никогда не покидаетъ его; теперь ужъ онъ въ свою очередь не особенно „перечитъ“ ей, чувствуя, что въ дидактикѣ или методикѣ она едва ли слабѣе его.

Такъ и ведутъ они рука объ руку общее дѣло съ искреннѣйшей любовью и примѣрнымъ усердіемъ. Только знакомства съ современными методами нѣсколько маловато у обоихъ; иначе и успѣхи у нихъ были бы, несомнѣнно, превосходные; да и теперь въ младшемъ отдѣленіи они именно таковы; а въ старшемъ и среднемъ—частію порядочные, частію хорошие, какъ напримѣръ, хороши по ариѳметикѣ въ старшемъ отдѣленіи.

Съ образцовой аккуратностью ведутся тетради для письменнаго рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, какъ и всѣ вообще, впрочемъ, тетради. А пройдено по ариѳметикѣ необычайно много: еще Декабръ мѣсяцъ, а дѣти ужъ рѣшаютъ задачи на всѣ 4-ре дѣйствія съ составными именованными числами! Это будетъ отчасти понятно, если скажу, что и въ среднемъ уже пройдено сложеніе и вычитаніе на **многозначныя** числа; а въ младшемъ упражняются въ предѣлахъ чиселъ отъ 20 до 24! т. е., какъ ни въ одномъ почти училищѣ скаго уѣзда. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ обыкновенно нигдѣ еще не покончили безконечныхъ упражненій въ счисленіи **до десяти**. Какъ же это здѣсь о. Алексѣй ушелъ такъ далеко?

Я не успѣлъ еще сказать, что младшее отдѣленіе по всѣмъ предметамъ ведетъ исключительно о. Алексѣй. Это меня тоже удивило сначала. Но еще болѣе удивили безпримѣрные успѣхи.

Когда я спросилъ достопочтеннаго батюшку, прошли ли они весь алфавитъ, онъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ.

— То есть это какъ? Мы вѣдь ужъ давно **читаемъ все**. Ну-ка, Вася, почитай г-ну Инспектору, говоритъ онъ, обращаясь къ одному мальчику. Тотъ весьма бойко началъ читать по Евангелію.

— Это второгодникъ? спросилъ я.

— Помилуйте. Да у меня второгодниковъ-то и совсѣмъ нѣтъ. Извольте спросить сами любого.

Я сталъ вызывать то одного, то другого; всѣ читали замѣчательно хорошо для этой поры учебнаго года; даже титла почти не затрудняли.

— Но что же, спрашивалъ я о. Алексѣя: вы только по Евангелію читаете съ ними? А не пробовали по какой нибудь свѣтской книжкѣ, напр. по **Баранову**—„Наше Родное“?

— „Баранова“? Да Баранова-то мы ужъ всего прочли.

Теперь я, въ свою очередь, смотрѣлъ недоумѣнно на о. Алексѣя. Какъ? къ половинѣ декабря прочли всю книжку Баранова?! Это не возможно! Разумѣется, о. Алексѣй ясно видѣлъ мое изумленіе и добродушно-самодовольно улыбался.

„Да чтожъ вы удивляетесь“, говорилъ онъ: вѣдь мнѣ что дома-то дѣлать? Совсѣмъ безъ-мала нечего. Я все вотъ съ ними и вожусь. Начинаемъ то мы въ 8 утра; до полдень поучимся,—да на часокъ домой сходимъ, а съ часу до 3-хъ или до 4-хъ опять здѣсь.

— Неужели, говорю, такъ по-долгу учите? дѣтямъ-то ужъ тяжело очень.

— Дѣтямъ?... А вы спросите-ка ихъ... вотъ они всѣ тутъ теперь передъ вами... какъ они устаютъ-то. Смеркается ужъ; я имъ говорю: ну, будетъ, домой! Такъ вѣдь нѣтъ: „еще, батюшка, почитаемъ, давай еще“. Такъ-ли я, ребятушки, говорю?“

— „Такъ, такъ, такъ, батюшка! кричатъ дружно и весело дѣти.

Что на это сказать? Не по правиламъ гигіены и не по росписанію учатся. „Исполать вамъ“, говорю батюшка! Учитесь, какъ знаете. Полюбопытствовалъ я все-таки поспросить дѣтей, какъ они читаютъ по Баранову и понимаютъ-ли, что читаютъ. Читаютъ, оказалось, такъ же хорошо, какъ и по Евангелію, и понимаютъ хорошо.

Положительно удивляюсь и восхищаюсь могуществомъ любви, двигающей горы.

Я забылъ еще сказать, что вѣдь и учатся-то у батюшки на кухнѣ! То есть собственно только младшее отдѣленіе. Оказывается, что это любопытное училище не имѣетъ собственнаго помѣщенія; а когда и наемной подходящей избы не нашлось для него, тогда батюшка рѣшилъ помѣстить младшихъ къ себѣ на кухню, а старшихъ и среднихъ—странно сказать—на колокольню!

Церковь здѣсь бѣдная, небольшая и долгое время оставалась безъ настоящей колокольни. Когда то мѣстный землевладѣлецъ надумалъ выстроить и ее; вывелъ уже три этажа, но вдругъ захворалъ и померъ. Шли годы; колокольня не достроивалась. И вздумалось о. Алексѣю: что ей оставаться въ такомъ видѣ безъ всякой пользы? Сломалъ онъ 3-й этажъ, во второмъ пробилъ окна, устроилъ печь, покрылъ его кровлею, поставилъ парты и послалъ туда свою воспитанницу Пригожеву со старшимъ и среднимъ отдѣленіями. Не особенно удобное помѣщеніе получилось, но все же лучше, чѣмъ никакого.

Впрочемъ, въ настоящее время строится уже особое зданіе для училища; съ осени, вѣроятно, въ него и перейдутъ. А колокольня останется для подроставшихъ и грядущихъ поколѣній нагляднымъ памятникомъ того, какими способами въ былое время приходилось иногда пионерамъ народнаго просвѣщенія полагать первыя основанія народныхъ училищъ. *)

Остается сказать еще объ успѣхѣхъ дѣтей по Закону Божію. По этому предмету сдѣлано не менѣе, нежели по прочимъ,—или даже болѣе. Я былъ

*) Теперь училищное зданіе выстроено, и притомъ отличное.

очень удивленъ, что теперь, въ Декабрѣ, старшее и среднее отдѣленія ознакомлены уже со всею литургіею.

Оказалось, что о. Алексѣй еще въ прошломъ году **слышалъ отъ кого-то** о монахъ бесѣдахъ съ о.о. законоучителями и, принявъ къ сердцу нѣкоторые практическіе совѣты, немедленно примѣнилъ ихъ на практикѣ, очень довольный полученными результатами. Самое преподаваніе Закона Божія ведетъ онъ со свойственною ему простотою и теплотою изложенія и безъ крупныхъ дидактическихъ промаховъ. Дѣти тѣмъ охотнѣе слушаютъ его, что онъ, подобно другимъ лучшимъ законоучителямъ, не налегаетъ на задаваніе, а тѣмъ болѣе на заучиваніе уроковъ; усвоеніе обеспечивается почти исключительно только классною работою и отчасти подробностью изложенія, если таковая почему-либо представляетъ для дѣтей интересъ. Въ этомъ случаѣ о. Алексѣй беретъ прямо Библію и по ней читаетъ дѣтямъ то или другое мѣсто.

Разсказываютъ дѣти изъ Св. Исторіи очень хорошо и толково отвѣчаютъ на дробные вопросы; притомъ,—что знаютъ старшіе, то же знаютъ и средніе; только, конечно, не столь еще отчетливо.

37. Мордвинцевское училище.

Въ Мордвинцевскомъ училищѣ преподается и пѣніе. Преподаетъ его учитель Ермоловъ. Хора церковнаго онъ еще не успѣлъ сформировать, но начало ему уже положено. Дѣти поютъ частію съ нотъ, частію съ голоса. Теперь вести пѣніе учителю даже и трудно: онъ долгое время былъ очень боленъ. Впрочемъ, несмотря на это, онъ трудится неустанно и находитъ время обучать дѣтей еще **пчеловодству**, для занятій которымъ отводитъ вечерніе часы.

Я съ большимъ удовольствіемъ присутствовалъ на одномъ изъ этихъ вечернихъ уроковъ пчеловодства. Урокъ этотъ со стороны внѣшней, формальной обстановки не имѣлъ подобія настоящаго урока съ сидѣньемъ за партами и соблюденіемъ всѣхъ требованій классной дисциплины. Дѣти—ихъ было человекъ семь—расположились, кому гдѣ удобнѣе, вокругъ учителя близъ топившейся печки, въ которой тѣмъ же временемъ варилась и „картошка“ на ужинъ почующимъ въ училищѣ дѣтямъ. Они здѣсь почуютъ не потому, что имъ далеко идти домой; нѣтъ они здѣшніе всѣ; а просто, потому:—„намъ“, говорятъ „здѣсь лучше: вотъ мы чево нибудь подѣлаемъ, или почитаемъ; а не то Иванъ Митричъ чево нибудь разскажетъ; не то—попоемъ“.

— „Гдѣ-же вы спите“? спросилъ я.

— „ Тутъ и спимъ вотъ на полу.“

— Да на чемъ же, на полу-то?

— „ Ну вотъ, „на-чемъ!“ Постелемъ полущубки, шапки подъ головы—и спимъ.“

Иванъ Дмитріевичъ, между тѣмъ, плель соломенный улей и за работою обращался къ дѣтямъ съ различными вопросами, касательно устройства

ульевъ, вывода матокъ и. т. п. Дѣти непринужденно отвѣчали, что знали, порою перебывая другъ друга, споря или дружно смѣясь надъ какимъ либо до смѣшного не впопадъ отвѣтомъ товарища. Кромѣ пчеловодства имѣется въ виду и **садоводство**. Учитель съ дѣтьми посѣяли уже яблочныя сѣмена; придетъ весна,—начнутъ разводить питомникъ.

Проживъ въ училищѣ почти два дня, я вынесъ о немъ самое отрадное впечатлѣніе, какъ объ училищѣ, которое дѣйствительно можетъ претендовать на названіе „образцоваго“ и „министерскаго“, какъ въ отношеніи успѣшности занятій, такъ еще болѣе со стороны самаго глубокаго и здороваго нравственнаго вліянія учителя, съ увлеченіемъ отдающагося своему дѣлу, которымъ онъ занятъ въ полномъ смыслѣ слова съ утра до ночи.

38. Малиновское училище.

Учитель Малиновскаго училища Я. С. Вилиновъ преподаетъ прекрасно, правильно, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ и несомнѣнною симпатіею къ дѣтямъ. Его урокъ объяснительнаго чтенія въ младшемъ отдѣленіи я почитаю верхомъ совершенства; онъ проведенъ былъ чисто артистически.

Позволяю себѣ не вдаваться въ подробное описаніе хода урока въ цѣляхъ доказательства правильности веденія его; правильно вести урокъ въ младшемъ отдѣленіи еще не особенно трудно; но вложить душу въ него—дѣло крайне не легкое, и доступное далеко не многимъ. Я бы охотно передалъ здѣсь подробно эту сторону дѣла, но это является едвали не столь же труднымъ дѣломъ, не поддаваясь описанію. Ибо какъ передать эту милую безыскусственную полуулыбку, которая играетъ на устахъ учителя, когда онъ самъ читаетъ и говоритъ дѣтямъ:

„Гдѣ сладкій шопоть
Густыхъ лѣсовъ?..
Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?... Да... гдѣ все это?

„Нѣтъ; ничего не стало; вонъ что надѣлала зима!
Цвѣты луговъ?... ихъ нѣтъ ужъ, нѣтъ...

„Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и доли“.

И гдѣ я найду средство передать этотъ задушевно-грустный тонъ, который даже мнѣ взрослому проясился въ душу. Я смотрѣлъ то на дѣтей, то на учителя и любовался. Кажется, я еще не видывалъ дѣтей столь глубоко-тронутыхъ, наэлектризованныхъ. По-истинѣ они впились взорами въ учителя, а это усугубляло всныхнувшій въ немъ огонекъ лиризма и энергію, давая въ общемъ такое впечатлѣніе отъ урока, передать котораго я не умѣю.

Учитель читалъ въ перемежку съ учениками. И надо сказать, они отлично усвоивали его интонацію. Но до чего хорошо было учителемъ прочитано стихотвореніе послѣдній заключительный разъ, можно судить потому отчасти, что дѣти по прочтеніи тотчасъ запросили: „Еще, еще, Яковъ Сергѣичъ“!

39. Бѣловодское училище.

Г. Назаровъ, учитель Бѣловодскаго училища, ставитъ учебное дѣло отлично. Успѣхи по всѣмъ отдѣламъ его занятій очень хороши; а по славянскому чтенію и самостоятельнымъ письменнымъ изложеніямъ прямо, можно сказать, блестящи. На этихъ двухъ отдѣлахъ я остановлюсь по болѣе.

Славянская грамата у г. Назарова не ограничивается однимъ механизмомъ чтенія или много что, въ придачу къ нему, пересказомъ прочитанныхъ отрывковъ изъ Евангелія. Нѣтъ, у него дѣло ставится гораздо основательнѣе. Дѣти именно **изучаютъ** строй церковно-славянской рѣчи, осваиваются со складомъ ея сознательно; конечно, болѣе практически; однако практика не исключаетъ и нѣкоторыхъ теоретическихъ основъ, напр., знакомства съ главнѣйшими падежными и глагольными формами. Но и здѣсь, замѣчу, эти теоретическія основы пріобрѣтаются не путемъ заучиванія склоненій и спряженій, а путемъ только упражненія въ томъ и другомъ при поводахъ къ тому во время переводовъ. Дѣти старшаго отдѣленія не ограничиваются чтеніемъ Евангелія, — чтеніе Псалтири (избранныхъ псалмовъ) занимаетъ очень видное мѣсто. Самый механизмъ чтенія доводится до совершенства; иногда даже, — такъ выражусь, до изящнаго совершенства. Переводятъ псалмы очень хорошо, точно и сознательно, благодаря усвоенію формъ, порою даже такихъ, которыя здѣсь можно назвать тонкостями, какъ напр. **О** и **Ѹ** для различенія надеждъ, или знаніе того, что обороты **вродѣ** = „еще же ему глаголющу“ носятъ названіе „дательнаго самостоятельнаго“, а переводятся въ видѣ полнаго придаточнаго предложенія, выражающаго обстоятельство времени. Такимъ образомъ, помимо избранныхъ Евангельскихъ чтеній, къ половинѣ Апрѣля были разработаны слѣдующіе псалмы:

1. Пс. 3-й Господи, что ся умножиша стужающіи ми	Шестопсалміе.
2. „ 62. Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю	
3. „ 37. Господи, да не яростію Твоею	
4. „ 87. Господи Боже спасенія моего	
5. „ 102. Благослови, душе моя, Господа.	
6. „ 142. Господи, услыши, молитву мою	
7. „ 16. Услыши, Господи, правду мою.	3-го часа.
8. „ 24. Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою	
9. „ 50. Помилуй мя, Боже.	
10. „ 90. Живыи въ помощи Вышняго	6-го часа.
11. „ 53. Боже, во имя Твое спаси мя	

12. "	89. Господи, приближище бытъ еси намъ. . . .	} 1-го часа.
13. "	100. Милость и судъ воспою Тебѣ Господи . . .	
14. "	5. Глаголы моя внуши, Господи	
15. "	30. На Тя Господи уповахъ.	(велик. повечерія).
16. "	33. Благословлю Господа на всякое время....	
17. "	1. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ....	
18. "	83. Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ....	
19. "	103. Благослови, душе моя, Господа: Господи Боже мой....	

Послѣдніе три псалма вообще надо бы пройти раньше, отложивъ на время псалмы 89 и 5-й или 30 и 33-й. Но обстоятельство это не составляетъ, конечно, важнаго недостатка.

Душевно радъ тому, что наконецъ все въ большемъ и большемъ числѣ училищъ дѣло начинается такъ, какъ, по моему разумѣнію, то непременно слѣдуетъ. А то до сего времени обыкновенно ограничивались однимъ только многократнымъ перечитываніемъ отрывковъ изъ Евангелія, или если и читали иногда Псалтирь, то только механически.

Упражненія въ самостоятельномъ письменномъ изложеніи ведутся съ большимъ стараніемъ, темы весьма многочисленны и разнообразны, исполненіе замѣчательно хорошо въ общемъ.

До 11-го Апрѣля было исполнено 65 работъ!

Привожу перечень ихъ въ сокращенномъ видѣ:

1. Описаніе лошади.
2. Подборъ вопросовъ къ ст. „Корова“.
3. Сравненіе лошади и коровы.

Послѣ еще нѣсколько подобныхъ темъ.

4. Раздѣленіе животныхъ по образу жизни. Какія изъ нихъ приносятъ пользу человѣку и какія вредъ.

5. Подборъ вопросовъ къ статьѣ „Соколъ“.
6. Утка (описаніе).
7. Жизнь пчелъ.
8. Составленіе таблицы животныхъ млекопитающихъ.
9. Общее описаніе птицъ.
10. Береза (описаніе).
11. Почва.
12. Какъ получается ржаная мука.
13. Подборъ вопросовъ къ статьѣ „Соль“.
14. Металлы (общее описаніе).
15. Воздухъ.

Дѣлаются и переложенія басенъ или изложенія содержанія разсказовъ и стихотвореній, напр.:

16. Переложеніе басенъ: „Свинья подъ дубомъ“.
17. " " "Ворона и лисица“.
18. " " "Квартетъ“.
19. Изложеніе разсказа „Судъ Божій надъ епископомъ“.
20. " " "Царь и мужикъ“.

Видное мѣсто занимають и темы изъ области отечествовѣдѣнія вродѣ такихъ напр.:

21. Описаніе нашего отечества.
22. Описаніе Сѣвернаго края.
23. Завоеваніе Сибири.
24. О призваніи князей, и т. п.

Жаль только, не достаётъ упражненій въ составленіи писемъ, на что мною и обращено вниманіе учителя. Разумѣется, этими письменными темами не ограничивается все знакомство дѣтей со своимъ отечествомъ.

Такъ, по географіи Россіи дѣти знаютъ: границы Европ. Россіи; главныя рѣки, ихъ начало, впаденіе. Знаютъ раздѣленіе Россіи на главнѣйшія топографическо-климатическія области; главные города съ объясненіемъ, чѣмъ каждый изъ нихъ особенно замѣчателенъ. Могутъ охарактеризовать Сѣверный край, Уральскій, Степной, Черноземный, Поволжье, Озерную страну, Кавказъ, Сибирь.

Изъ исторіи русской могутъ свободно разсказать: о началѣ Русскаго государства, о крещеніи Руси, о Ярославѣ, Владимірѣ Мономахѣ, о началѣ Москвы, о татарскомъ игѣ и освобожденіи отъ него, о 1612 годѣ, о Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II-й, о 1812 годѣ, о Севастопольской оборонѣ, о Царѣ-Освободителѣ.

Со всѣмъ этимъ дѣти знакомятся не на особыхъ урокахъ, конечно, а по связи съ уроками русскаго чтенія.

40. Матовское училище.

Учитель Филатовъ являетъ собой прекрасный примѣръ того, что можетъ сдѣлать человѣкъ при добромъ желаніи, усердіи и способности. Какъ и многихъ учителей, его особенно смущалъ отдѣлъ „сочиненій“ или упражненій въ различнаго рода самостоятельныхъ письменныхъ изложенійхъ; смущалъ до того, что онъ какъ бы недовѣрчиво относился къ моимъ фактическимъ доказательствамъ удачной постановки этого отдѣла по нѣкоторымъ другимъ училищамъ. И вотъ, какъ разъ именно онъ достигаетъ такихъ отличныхъ результатовъ въ названномъ отдѣлѣ, что я просто отказывался вѣрить имъ. Не столько меня удивило, что ученики могутъ довольно хорошо или даже очень хорошо излагать свои мысли, сколько необычайное количество упражненій. На вопросъ мой, сколько примѣрно было сдѣлано упражненій, учитель отвѣчалъ, что, вѣроятно, не менѣе 60-ти! Это, казалось, неслыханнымъ! Я просилъ учителя подобрать къ имѣвшейся у меня тетради одной изъ ученицъ всѣ прочія отъ начала учебнаго года. Это было сдѣлано, и мы вечеромъ занялись разсматриваніемъ этихъ работъ, счетомъ и выпискою всѣхъ темъ. Что же оказалось? — 84 работы! Я все же такъ и своимъ глазамъ продолжалъ не вѣрить; ибо какъ въ самомъ дѣлѣ можно успѣть продѣлать такую массу упражненій? Я спросилъ объ этомъ учителя. — „Да вѣдь мы каждую недѣлю раза два-три, а то и четыре, пишемъ, говорилъ учитель: „дѣтямъ это нравится“.

Какъ только выдается часть самостоятельныхъ занятій, такъ и писать и писать; темы я обдумываю и подбираю накануне. Задаю и на домъ. Вы вѣдь сами, В. А., говорили что надо больше писать“.

— „Да я противъ этого ничего и не говорю. Я удивленъ только и удивленъ пріятнымъ образомъ“, отвѣчалъ я учителю.

И темы, какъ оказывается, подобраны дѣльно. Перечислять ихъ все едва ли есть надобность; но я еще разъ приведу для примѣра нѣкоторыя.

1. Нашъ классъ (описание).
2. Муха и паукъ (сравненіе).
3. Мѣшокъ съ золотомъ. (Краткое переложеніе большой статьи и планъ ея).
4. Какъ проводятъ крестьяне престольные праздники.
5. Домъ крестьянина (описание).
6. Матовская церковь (описание).
7. Церковь и домъ (сравненіе).
8. Часы (описание).
9. Лѣсъ (описание).
10. Петръ Великій и Екатерина Великая (сравненіе).
11. Зима (описание).
12. Ломоносовъ (жизнеописание).
13. Царствованіе Императора Николая 1-го (изложеніе).
14. Животныя млекопитающія и птицы (сравненіе).
15. Основаніе Кіево-Печерской лавры.
16. Всеобщая воинская повинность.
17. Басня: „Свинья подъ дубомъ“ (переложеніе).
18. Россія во времена призванія князей и теперь (сравненіе).
19. Вредъ отъ удѣльной системы правленія.
20. Весенній день (описание).
21. Трудящійся и лѣнивый человѣкъ (сравненіе).
22. Ночь на Свѣтлое Воскресенье.
23. На пословицу: „Станешь лѣниться,—будешь съ сумой волочиться“.
24. Сѣнокосъ (картина).

И. т. д. и. т. д. Не достаётъ только упражненій въ составленіи писемъ и дѣловыхъ бумагъ (условій, расписокъ, прошеній). Правописаніе доведено до наивысшей степени совершенства, какая только мыслима для сельскаго училища. Ученики и ученицы старшей группы въ среднемъ выводѣ получили отмѣтку за пробную диктовку чистую—5-ть! результатъ еще небывалый, да и невозможный почти.

41. Лобецкое училище.

Г-жа Глѣбова—умная, способная и опытная учительница; но не увѣренная въ себя, она крайне была озабочена наступившимъ днемъ ревизіи, составивъ себѣ, преувеличенное мнѣніе о тѣхъ требованіяхъ, какимъ должна удовлетворять хорошая учительница. Поэтому, когда, прослушавъ ея

урокъ объяснительнаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи, я сказалъ ей, что урокъ проведенъ отлично, образцово,—она положительно растерялась отъ радости.

А ея радостью радовался и я, убѣждаясь, какъ высоко она цѣнитъ свое достоинство. Урокъ проведенъ былъ дѣйствительно прекрасно. Читалась по Баранову статья: „Кавказъ“.

Само собою,—что такія методическія требованія, какъ чтеніе статьи по частямъ, выпрашиваніе главнаго содержанія, объясненіе только мало-знакомыхъ словъ и выраженій, а также всѣ дидактическіе мелкіе приемы, совокупностью которыхъ достигается возбужденіе общаго вниманія, участіе каждаго въ работѣ, оживленіе урока,—все это было выполнено безукоризненно; иначе не за что было бы и хвалить. Но въ ея урокѣ были черты, ставившія веденіе дѣла на очень высокую ступень и говорившія за умъ и опытность учительницы. Мнѣ напр., бросалось въ глаза то постепенное спокойствіе, съ какимъ она вела все дѣло и которое замѣтно отражалось на манерѣ учениковъ и ученицъ давать отвѣты. Ни малѣйшей суетливости, ненужныхъ усиленныхъ повышеній голоса, иногда переходящихъ въ непріятную крикливость, которою менѣе опытные учителя и учительницы стараются замѣнить недостающее умѣнье придать интересъ и живость занятію. Затѣмъ дѣльность вопросовъ по поводу читаемаго или спрашиваемаго. Ихъ не много; учительница не сыплетъ ими зря и необдуманно; вопросы ея касаются существа дѣла, главнаго содержанія читаемой части статьи и притомъ такіе вопросы, на которые нѣтъ прямого отвѣта въ прочтенной статьѣ, а можетъ быть его нѣтъ пока и въ головѣ ребенка; но онъ, по соображеніямъ учительницы, долженъ быть самостоятельно найденъ, такъ какъ въ свое время предметъ вопроса былъ объясненъ дѣтямъ. Въ этомъ и важно убѣдиться, и полезно воскресить въ дѣтской памяти забытое или готовое къ забвенію, тѣмъ болѣе, что и вопросъ-то выходитъ кстати, по связи съ читаемой статью.

Какъ бы мимоходомъ, не теряя времени на остановку, учительница сообщаетъ о высочайшихъ вершинахъ—Эльбрусъ и Казбекъ и, убѣдившись, что названія эти восприняты вѣрно, продолжаетъ дѣло и потомъ уже опять какъ-то кстати спрашиваетъ: „а какія мы съ вами узнали высочайшія двѣ горы на Кавказѣ?“ Наконецъ все время урока географическая карта не висѣла безъ дѣла на глазахъ дѣтей. То сама учительница показывала, то (чаще) вызывала дѣтей, чтобы они указали ту или иную мѣстность, которой только случалось касаться. И видно было, что дѣти отлично освоились съ картою, бойко и вѣрно указывая все, что спрашивалось.

И однако же это отнюдь не былъ урокъ географіи; иначе, опять таки, онъ не заслуживалъ бы названія образцоваго. Нѣтъ, это былъ именно урокъ русскаго чтенія, русскаго языка, на которомъ отчетливо выступала на первый планъ главная цѣль—правильно, выразительно читать, соображать что читаешь, давать отчетъ въ прочитанномъ и, давая этотъ отчетъ, выражаться правильно, полно и, по возможности, точно.

— „Полный отвѣтъ!“ требуетъ учительница. Или:

— „ну, что это! развѣ такъ выражаются! кто умѣетъ лучше?“ „Да, вотъ это такъ, это лучше“.

— „А почему лучше?“ обращается она къ неудачно выразившемуся. Или: „можешь-ли ты замѣнить это слово другимъ?“ И. т. д., и. т. д.

Читають дѣти въ старшемъ отдѣленіи очень хорошо, а въ среднемъ отлично, не хуже старшихъ.

Пишутъ всѣ хорошо. Въ правописаніи учительница тоже не ожидала блестящаго успѣха и охотно повѣрила, хотя сильно опечалилась, когда вечеромъ на бесѣдѣ съ нею и съ учителемъ другого здѣшняго же училища я, скрывая шутку, сказалъ ей, что средняя отмѣтка за пробный диктантъ ея учениковъ получилась $2 \frac{5}{16}$.

— А у Павла Егоровича?“ спрашиваетъ она., А у него, говорю, $3 \frac{17}{24}$.

— Боже мой! Что же это! а вѣдь какъ я старалась Вы принесли тетради? Можно взглянуть? И—учительница не вѣрила глазамъ, вспыхнула до слезъ, увидавъ на общей оберткѣ своихъ диктовокъ средній выводъ—чистую 4.—„Ну, неужели, неужели!“ восклицаетъ она. Неужели, Павелъ Егоровичъ, я и васъ перещеголяла! Какъ я рада, какъ рада, если-бъ Вы знали, В. А!

— Прекрасна ваша радость, говорю я ей. Въ ней, къ тому же, я вижу речательство за дальнѣйшіе успѣхи!

Введены здѣсь и занятія руководълемъ подѣ руководствомъ супруги законоучителя М. В. П—ой, которая ставитъ дѣло гораздо раціональнѣе, нежели другія учительницы. У г-жи П—ой есть и руководства по предмету руководъля; а по моему предложенію она составила и подробную программу пройденнаго. Вотъ эта программа:

I.

А) Различіе руководъля отъ другихъ ручныхъ работъ. Польза руководъля.

В) Понятіе о вязаньи и различные виды его.

1) Вязанье различныхъ кружевъ крючкомъ.

2) Вязанье чулокъ изъ бумаги, нитокъ и шерсти различными способами.

3) Вязанье салфетокъ или скатертей: а) на спицахъ, в) крючкомъ, с)—филе; различными узорами.

4) Вязанье головныхъ платковъ, мужскихъ шарфовъ изъ шерсти.

II.

А) Понятіе о вышиваніи и узорахъ.

В) Снимка и рисованіе узоровъ.

С) 1) Вышиваніе русскимъ швомъ полотенецъ и платковъ.

2) Упражненія въ мѣткѣ бѣлья и носовыхъ платковъ.

Д) Понятіе о строчкѣ бѣлья. Упражненія въ строчкѣ полотенецъ прозрачною строчкою и узорами черезъ настилку.

3) Шитье по канвѣ (шерстями съ подборомъ тѣней по узору) туфель и другихъ вещей.

III.

А) Шитье. Приемы, какъ пользоваться иглою и наперсткомъ; различіе иглъ и нитокъ по нумерамъ.

1) Упражнения въ наметываніи, тачаніи, запошивкѣ, подшивкѣ рубцовъ въ дѣланіи сборокъ и складокъ.

2) Упражнения въ наметываніи петель и проранокъ.

3) Упражнения въ **кройкѣ** бѣлья: дѣтскихъ чепцовъ, нагрудниковъ, фартуковъ, дѣтскихъ рубашечекъ (мужскихъ и женскихъ), дѣтскихъ платъицъ, сорочекъ и другихъ видовъ бѣлья.

По моему предложенію учительница завела также особый журналъ работъ, по которому можно было бы судить и о количествѣ сработаннаго, и о постепенности упражненій каждой ученицы.

42. Черниковское училище.

Въ разѣздахъ по училищамъ приходится иногда наталкиваться на такіе случаи, передъ которыми невольно останавливаешься въ изумленіи. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ я и хочу здѣсь упомянуть.

Разскажу о немъ тѣмъ охотнѣе, что онъ составляетъ не единичное явленіе, а фактъ такого рода, который приходится наблюдать довольно нерѣдко и который тѣмъ самымъ невольно наводитъ на размышленія и извѣстные выводы.

Въ Черниковскомъ училищѣ учительствуетъ г-нъ Маташевъ. Я познакомился съ нимъ въ прошлагодную ревизію, причемъ съ грустью долженъ былъ согласиться, что отзывъ попечителя училища (въ ту пору предводителя дворянства вмѣстѣ съ тѣмъ) о г-нѣ Маташевѣ, выраженный въ лаконической формѣ: „бываютъ и хуже,“ вполне отвѣчаетъ дѣйствительности, т. е. той постановкѣ учебнаго дѣла, которую мнѣ пришлось здѣсь встрѣтить. Такимъ образомъ оспаривать такой отзывъ мнѣ не представилось основаній и я только мысленно благодарилъ судьбу за то, что, если и бываютъ учителя хуже Маташева, то, къ счастью, не въ моемъ районѣ.

Скажу откровенно, что не-хотя направляя я свой вторичный путь въ Черниковское училище: сердце сжималось при воспоминаніи той скудости результатовъ, какую я засталъ здѣсь въ прошлую ревизію. Опять придется въ своей ревизіонной записи ставить единицы за чтеніе, опять ожидаетъ безграмотнѣйшее письмо и дрянная каллиграфія. Правда, тогда я до 1 часа почти усердно трактовалъ съ учителемъ и о немъ самомъ, и о постановкѣ дѣла по всѣмъ предметамъ но, сознаюсь, дѣлалъ это не съ охотою, безъ надежды, чтобы дѣло исправилось такимъ учителемъ, о которомъ только и можно было сказать, что „бываютъ и хуже.“

Но, какъ бы то ни было,—а ужъ прибылъ въ училище—надо было идти на уроки, смотрѣть и слушать. Слушаю, какъ читаютъ. Не вѣрю; это, вѣроятно, разученную прежде статью читаютъ такъ хорошо,—фальсификація. Даю самъ другую статью,—опять читаютъ хорошо. Открываю новую—тоже; еще—тоже. Удивляюсь!

Вотъ отмѣтки изъ моей прежней ревизіонной записи напр. за чтеніе въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ:

Старш. отд. 3+ 2. 2. 2. 1. 2. 3— 1. 2. 2.

Средн. отд. 3. 3. 3. 3. 4— 2. 3. 4. 2. 1. 2. 2. 2+ 2. 1. 3. 2. 2.

А вотъ нынѣшнія:

Старш. отд. 3. 4. 4+ 4+ 5. 5. 4+

Средн. отд. 4. 4. 4. 3. 5+ 2. 4. 4. 5.

Въ младшемъ читають плоховато еще:

2. 3. 3. 1. 3. 2. 5. 4.

Но на первой ревизіи вѣдь вотъ какъ приходилось оцѣнивать:

2. 1. 1. 1. 1— 1. 1. 1. 3. 1. 1— 1.

Отлично, думаю себѣ. Да и не только думаю, а высказываю это учителю. „Если бы такъ же у васъ и письмо успѣшно было?“ прибавляю я.

— „Я старался, В. А.,“ говоритъ учитель: кажется, лучше стали писать. Не угодно ли взглянуть“.

Смотрю—и снова глазамъ не вѣрю: да, это превосходное письмо! Взяли два образца: одинъ отъ прежней ревизіи, другой отъ нынѣшней. Образцы краснорѣчиво говорили сами за себя. О правописаніи можно судить по тѣмъ же образцамъ. Средняя отмѣтка по прежней ревизіи получилась $1\frac{3}{8}$, по нынѣшней $3\frac{4}{5}$!

Вотъ какія замѣчательныя метаморфозы могутъ совершаться. Оказывается, г. Маташевъ не бездарность; а только онъ какъ-то душевно принизился, забросилъ дѣло, не видя ему оцѣнки, и обратился въ нѣкоего лѣниваго поденщика, отбывающаго скучную прескучную работу. Чѣмъ хуже были результаты этой работы, тѣмъ она становилась еще скучнѣе, противнѣе; а успѣхи падали еще и еще ниже. А посмотрите теперь, какъ духовно выросъ этотъ труженикъ; какою радостью сіяетъ взоръ его, какъ онъ торжествуетъ.

— „Вѣдь я, говоритъ, Васъ, какъ праздника ждалъ. Я помнилъ, что Вы уѣхали отъ меня съ очень дурнымъ обо мнѣ мнѣніемъ, хотя и не высказали его. И вотъ рѣшился потрудиться, чтобы хоть нѣсколько оправдать себя.“

Повѣрьте, В. А., я точно воскресъ изъ мертвыхъ; я опять теперь люблю работу.

Что г. Маташевъ говорилъ правду, это было несомнѣнно. Думаю, что правдѣ этой не будетъ противорѣчить и то обстоятельство, что въ его работѣ и теперь нѣкоторые отдѣлы были еще слабы; таковы: ариметика и церковно-славянскій языкъ. Понятно, что всего вдругъ нельзя переделывать. Большое спасибо учителю уже и за то, что сдѣлалъ!

43. Поминковское училище.

Съ Поминковскимъ училищемъ у меня связываются рѣзко различныя воспоминанія. Есть въ его жизнедѣятельности сторона, заслуживающая всякой похвалы (разумѣю дѣятельность законоучителя); но есть такія сла-

бости, по которымъ это училище не можетъ правиться. Когда послѣднее сужденіе мнѣ случалось высказывать въ частной бесѣдѣ среди лицъ, болѣе или менѣе знающихъ это училище, въ слушающихъ возникало крайнее недоумѣніе: „Какъ: Поминковское училище вамъ не правится? Да это, кажется, лучшее училище въ уѣздѣ! Учитель Богоявленскій напримѣръ,— онъ всегда считался лучшимъ изъ учителей; Муратовъ тоже хорошій учитель. Наконецъ, законоучитель,—его всѣ хвалятъ“.

Вотъ какую репутацію пользовалось Поминковское училище во всемъ уѣздѣ. Я это понимаю. Дѣйствительно, если сравнить его съ другими и спросить: неужели въ Поминковскомъ училищѣ успѣхи хуже, чѣмъ гдѣ нибудь въ Еловскомъ или Луковскомъ? то, разумѣется, придется сказать, что въ Поминкахъ конечные результаты лучше. И, тѣмъ не менѣе, я ожидаю гораздо большаго отъ учителей, завоевавшихъ себѣ репутацію лучшихъ въ уѣздѣ.

Обстоятельно всмотрѣвшись въ ходъ дѣла и въ самихъ гг. учителей, я пришелъ къ заключенію, что это педагоги, когда-то кѣмъ-то захваленные, почившіе съ той поры на лаврахъ и успѣвшіе изрядно опуститься; но, тѣмъ не менѣе, самоувѣренные и самодовольные (по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ).

Г-нъ Богоявленскій считается первымъ по достоинству сравнительно съ Муратовымъ. Онъ это давно слышитъ, знаетъ и не сомнѣвается въ томъ. Познакомимся же съ нимъ поближе на его урокахъ.

Идетъ урокъ чтенія въ младшемъ отдѣленіи.

Г. Богоявленскій (очень полный мужчина) сидитъ за кафедрою. Ученикъ читаетъ: „ще-ти-на“.

— Слѣдующій! возглашаетъ учитель.

Слѣдующій читаетъ: „ям... ямщ... и... ямщикъ“.

— Ивановъ, дальше!

Ивановъ читаетъ: „щип-цы“.

— Слѣдующій!....

Слушаю, слушаю и недоумѣваю: что это за методъ преподаванія?... „Слѣдующій!“! „Слѣдующій!“! Слѣдующій!“!—и больше ничего!

Да наконецъ: неужели здѣсь едва еще только покончили съ алфавитомъ?? Оказывается, да. Это при двухъ то учителяхъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ!. Это у первостатейнаго-то учителя?! И хоть бы разъ остановился онъ на какомъ нибудь словѣ спросить, что же оно значитъ! И что это за пріемъ: что ни слово, то особаго ученика вызывать?.

Послѣ зашелъ на урокъ **ариѳметики**. Ну, такъ и кажется, будто г. Богоявленскій съ утра не сходилъ съ кафедры: тотъ же взглядъ, тотъ же вялый тонъ, та же поза.

Вижу на доскѣ написано:

$$2 + 1 + 3 = 6$$

$$1 + 2 + 3 = 6$$

$$3 + \dots$$

На этомъ моментѣ я засталъ работу. По поводу написаннаго ученикомъ (3+ ...) учитель спрашиваетъ: „Какъ это прочесть“? Ученикъ читаетъ: „къ тремъ прибавить“... Учитель диктуетъ: „Три“! Ученикъ пишетъ: 3.

— Те—перь какъ прочи—таешь? спрашивалъ учитель, чуть не позѣвывая.

Ученикъ: „къ тремъ прибавить три“...

А я опять недоумѣваю: да неужели они все еще не выбрались изъ предѣловъ перваго десятка? Неужели еще только въ Декабрѣ знакомятся со знакомъ сложенія?! Просто глазамъ не вѣрится. Тамъ, гдѣ-то въ занесенной сугробами снѣга, въ дырявой, холодной и темной избушкѣ у безвѣстной г-жи Алексѣевой, которая одна ведетъ дѣло съ тремя отдѣленіями въ 70 человекъ,—тамъ ушли гораздо дальше.

А здѣсь работаютъ двое **мужчинъ**, съ болѣе высокимъ образованіемъ (одинъ кончилъ въ учительской семинаріи, другой въ духовной), съ такою репутаціею,—и три мѣсяца толкуютъ о томъ, что 2 да 1 и еще 3 будетъ шесть и что знакъ + значить прибавить!

Однако, что же дальше? Да все то же и то же.

Ухожу въ другой классъ, откуда минутъ черезъ 20 снова, въ концѣ уже урока, возвращаюсь къ г. Богоявленскому.

— Какъ же э—то про—чи—тать? растягиваетъ онъ.

Ученикъ: „къ четыремъ прибавить два.“ И. т. д. то есть все та же канитель. И это весь урокъ такъ!!

Остается посмотрѣть **чистописаніе**. Смотрю, какъ пишетъ одинъ, смотрю у другого, у третьяго, у пятаго плохо что—то. Обхожу всѣ парты.

Странно: я не вижу, гдѣ же хорошіе-то ученики; вѣдь не всѣ же пишутъ плохо. Рѣшаюсь послѣ урока собрать всѣ тетради, уношу съ собой и рассматриваю всѣ по одной, ставя на каждой отмѣтку. Что же получается?

Изъ 69 учениковъ двое получили по 4, девятеро по 3 и по 3+; 29 учениковъ по единицѣ, а остальные по 2-йкѣ. Въ среднемъ выводѣ 1 ⁵⁹/₆₉. Значить, пишутъ ниже, нежели посредственно.

Что же пишутъ? Слова? Нѣтъ, элементы еще. Притомъ только и только элементы. Мало того: каждый ученикъ пишетъ одинъ только какой нибудь элементъ. И въ какомъ количествѣ!

Цѣлыя страницы, нѣсколько страницъ, много страницъ даже. Вотъ напр. ученикъ Быковъ: у него 11-тъ страницъ исписано палочками съ загибомъ внизу и 15 страницъ просто прямыми палочками! А вотъ напр. ученики Бушуевъ и Губановъ: у каждого изъ нихъ **вся тетрадь** исписана палочками!!

Таковъ-то захваленный первый учитель уѣзда г. Богоявленскій. Стѣдуетъ удивляться только, когда и какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ завидную, но нынѣ уже совсѣмъ несправедливую репутацію перваго учителя въ уѣздѣ.

Значительно лучше его второй учитель—Муратовъ, ведущій старшее и среднее отдѣленія. Онъ дѣльнѣе, способнѣе Богоявленскаго, и успѣхи у него гораздо лучше.

44. Высоковское училище.

Преподаетъ учительница г-жа Хлѣбова.

Идетъ урокъ объяснительнаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи; предметомъ его служить статья изъ книги для чтенія Баранова „Свѣтлый праздникъ“. Вызванъ ученикъ. Читаетъ. Читаетъ долго, тихо, монотонно.. Еще бы немного болѣе пѣвуче, вышло бы подобіе чтенія Псалтири по покойникѣ.

— „Довольно“, говоритъ учительница: **разсказывай!**

Ученикъ разсказываетъ (должно быть, дома еще читалась эта статья) тѣмъ же тономъ.

— Дальше! такой-то.

Другой ученикъ читаетъ. Читаетъ—читаетъ—читаетъ,—кончилъ.

— Разсказывай! говоритъ опять учительница.

Слѣдуетъ разсказъ.

— Петровъ! отвѣчай „Демьянову уху“! (къ чему это?!)

Петровъ отвѣтилъ очень хорошо.

Ну, теперь ты Березинъ: читай „Свѣтлый Праздникъ“.

Что это?—опять то-же? Опять. И это—урокъ объяснительнаго чтенія.—Да вы читали ли, спрашиваю я послѣ учительницу, какія нибудь методическія руководства по объяснительному чтенію?, Оказывается нѣтъ. Даже о руководящей книжкѣ для учителей автора „Книги для чтенія“ г-жа Хлѣбова не знаетъ!

Урокъ ариѳметики прошелъ благополучнѣе, но не много. Все время учительница вела рѣшеніе задачи съ **однимъ** вызваннымъ къ доскѣ ученикомъ. Прочіе смотрѣли и слушали (если еще только слушали) безучастно.

А кстати—что же дѣлало младшее отдѣленіе въ это время (среднее ведется другою учительницею)?

Оно **писало**. Писало на доскахъ какую-то букву и все одну и ту же. Одну сторону доски исписали; надобѣло, и сидятъ такъ. И учительница этого не замѣчаетъ. Такъ и просидѣли безъ дѣла.

На другомъ урокѣ обнаружилось, что дѣти не умѣютъ давать полныхъ отвѣтовъ; не знакомы даже съ общепринятымъ способомъ заявленія о готовности къ отвѣту—посредствомъ поднятія рукъ, а кричатъ всѣ, кто во что гораздъ! „72!“ „вретъ онъ,—82!“ „82!“ „чего ты!—72!“ „Нѣтъ, нѣтъ, я знаю!“ „Нѣтъ, Варвара Дмитріевна, у нихъ „....“ А у меня вышло“ И. т. п.: шумъ, гвалтъ,—ничего разобрать нельзя.—

Мнѣ кажется, что сказаннаго достаточно, чтобы можно было не вдаваться въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ успѣховъ и коротко сказать о нихъ, что они едва посредственны.

Не умолчу однако, что г-жа Хлѣбова занимается очень усердно и пенять ей за ея малоуспѣшность я не могъ; вся вина ея въ томъ, что она молода и неопытна.

V. Воспитательная часть.

О постановкѣ воспитательной части въ народныхъ училищахъ, по скольку ее можно разсматривать отдѣльно отъ преподаванія, а равно и отъ вопроса о внѣклассномъ чтеніи, о дѣтскихъ бібліотекахъ, объ обученіи пѣнію,—придется сказать немногое. Здѣсь съ чувствомъ особеннаго удовольствія я пользуюсь случаемъ высказать свое мнѣніе, что эта часть въ нашихъ училищахъ поставлена весьма удовлетворительно. Какъ учителя, такъ еще болѣе учительницы, а также большая часть законоучителей, относятся къ дѣтямъ гуманно и владѣютъ ими на столько искусно, что дѣти вполне подчиняются ихъ нравственному авторитету и въ то же время чувствуютъ себя свободными; сердечно любятъ своихъ учителей, а также училища и занятія. Ни тѣлесныхъ наказаній, ни гнѣвнаго злобнаго обращенія, ни писанныхъ или печатныхъ правилъ, ни ежедневныхъ отмѣтокъ не существуетъ. И, тѣмъ не менѣе, или точнѣе, именно поэтому нравственная атмосфера, которою дышать учащіеся, оказывается совершенно здоровою и животворящею. Я говаривалъ не разъ, повторяю и теперь, что ученики нашихъ народныхъ училищъ самые милые изъ учениковъ всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеній. Они дисциплинированы, но отнюдь не замуштрованы, они подчинены не угрозами наказаній, не суровымъ режимомъ, а кроткими внушеніями и ласковымъ обращеніемъ. Они любимы, и любятъ сами. А гдѣ любовь, тамъ и Богъ, тамъ и нравственность.

45. Лукьяновское училище.

Лукьяновское училище нѣкоторыми сторонами своей жизнедѣятельности представляетъ большой интересъ. Учебная часть здѣсь поставлена хорошо. Но я не буду говорить объ урокахъ. Заглянемъ въ классъ во время **большой перемѣны**; посмотримъ, что тамъ дѣлается. Нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ часть дѣтей, остающихся въ классѣ или возвращающихся со двора и улицы, шумятъ, играютъ, бѣгають, кричатъ, смѣются. Здѣсь же было иначе. Еще въ сѣняхъ, отдѣляющихъ квартиру учительницы отъ класса, я слышалъ какъ будто пѣніе. Изъ опасенія входамъ своимъ прервать его, я остановился, прислушиваясь, и убѣдился, что въ классѣ дѣйствительно поютъ и притомъ, должно быть, многіе, но не всѣ одно и то же. Воспользовавшись моментомъ, когда нѣсколько дѣтей бѣжали со двора въ классъ, я на нѣсколько мгновеній задержалъ дверь полуотворенною, а потомъ, когда замѣтилъ, что дѣти, увидѣвъ меня, нисколько не стѣснялись,

я вошелъ въ классъ и тутъ уже могъ видѣть развлеченіе дѣтей. Два-три ученика бродили по классу; двое-трое сидѣли, перелистывая какія-то книжки; а человѣкъ тридцать разбились на кучки и вполголоса пѣли. Одни пѣли: „Милосердія двери отверзи намъ“, другіе—„Правило вѣры и образъ кротости“, третьи—„Премудрости Наставниче, смысла подателю“, иные что-то еще,—не припомню; а нѣкоторые уговаривались, что лучше спѣть: „Взбранной воеводѣ“, или „Спаси, Господи“, или „Премудрости Наставниче“, или „Заступнице усердная“.

Во все время большой перемены ни бѣготни, ни толкотни и неизбѣжной при этомъ пыли „столбомъ“ не замѣчалось вовсе, хотя дѣти, несомнѣнно, чувствовали себя вполнѣ свободными; многіе влетали въ классъ со смѣхомъ, но тутъ вскорѣ же какъ бы задавались вопросомъ: что теперь? примкнуть ли къ поющимъ, или сѣсть за книжку, или, такъ себѣ, бродить отъ одной кучки товарищей къ другой.

— Вы, должно быть, любите пѣть-то? спросилъ я, подходя къ одной изъ поющихъ группъ.

— Любимъ. Мы всегда поемъ... вотъ въ перемены, или утромъ до ученія.

— Кто-же васъ учитъ пѣть?

— И батюшка учитъ; а больше дьячекъ. Батюшка больше на спѣвкахъ.

— Развѣ у васъ и хоръ пѣвчихъ есть?

— Коли пѣтъ!—есть хоръ... вотъ мы въ хору же поемъ....

— А читать въ церкви.... никто изъ васъ не читаетъ?

— Читаемъ. Старшіе-то безъ мала всѣ читаютъ.

— Въ церковь-то часто ходите?—

— Какъ праздникъ, такъ и идемъ. Да мы сначала вотъ сюда. А ужъ потомъ съ Олимпиадой Ивановной въ церковь.

— У васъ рано ли обѣдно-то служатъ?

— Не больно рано... вотъ—какъ заутреня отойдетъ, мы только приобѣжимъ сюда, Евангеліе прочитаемъ, и ударятъ къ обѣднѣ.

— Такъ вы и къ заутренѣ ходите? Да, чай, вѣдь пѣвчіе только? Или и другіе?

— Во-отъ? Чать, мы всѣ ходимъ!

— И младшіе всѣ?

— Всѣ какъ есть. У насъ засмѣютъ, коли кто проспитъ.

Что-то это любопытно, думалось мнѣ, когда я входилъ въ квартиру учительницы. Здѣсь законоучитель о. Дмитрій удостовѣрилъ, что въ теченіе всего года Олимпиада Ивановна буквально ни одной заутрени не пропустила. И всегда съ полнымъ комплектомъ своихъ 60-ти питомцевъ.

— Если васъ это интересуетъ, прибавилъ батюшка, останьтесь у меня ночевать: завтра воскресенье,—вотъ вы и увидите сами.

Предложеніе о. Дмитрія я принялъ. Между тѣмъ перемена кончилась, и мы снова отправились въ классъ. Такъ какъ антрактъ вышелъ довольно продолжительный, то умѣстно было занятія возобновить молитвою. Не заставъ утренней предклассной молитвы, я просилъ учительницу исполнить молитву въ томъ видѣ, какъ это дѣлается у нихъ ежедневно утромъ.

— Дѣти! на молитву! какъ давеча утромъ, сказала учительница.

Здѣсь опять нѣкоторая особенность: дѣти встали не на своихъ мѣстахъ, за партами, какъ это бываетъ почти вездѣ, а вышли изъ-за партъ; но такъ ловко, тихо и вмѣстѣ скоро, занявъ притомъ каждый свое определенное мѣсто, что я невольно промолвилъ: „превосходно“!

Дежурный ученикъ началъ молитву. Читалъ онъ отчетливо, не спѣшно, тономъ церковнаго чтенія. Чтеніе прерывалось пѣніемъ нѣкоторыхъ молитвъ. Пѣли всѣ 60 дѣтей; и, не смотря на это, пѣніе было совсѣмъ не громкое и очень, очень стройное. Очевидно было, что они давно уже навыкли въ этомъ и дѣйствительно поютъ съ любовью. Крестились всѣ очень плавно, чинно. Молитвъ читалось весьма много; между прочими и „Помилуй мя Боже“. Вмѣсто „Преблагій Господи“, которую здѣсь поютъ передъ уроками послѣ большой перемѣны,—пѣли „Премудрости Наставниче“. Молились за Государя, Государыню, Наслѣдника-Цесаревича и за весь Царствующій Домъ, за родителей, за отца духовнаго, за ненавидящихъ и обидящихъ, за усопшихъ, въ числѣ коихъ за боярина Алексѣя, а въ заздравной молитвѣ за раба Божія Димитрія.

Вся молитва исполнена была во всѣхъ отношеніяхъ такъ прекрасно, что мнѣ приходилось только восхищаться ею. Я, впрочемъ, не стою непремѣнно за продолжительность, или за церковный тонъ чтенія, но ничего не имѣю и противъ. Высокое достоинство молитвы я находилъ въ ея благоговѣйности и благолѣпіи.

Разспросивъ, кто такіе рабы Божіи Алексѣй и Димитрій, за которыхъ молились дѣти, я узналъ слѣдующее: еще при освобожденіи крестьянъ помѣщикъ Остафьевъ (Алексѣй) оставилъ 1000 руб. на церковь и на училище. По смерти Остафьева капиталъ этотъ неизвѣстно куда дѣвался, пропадалъ нѣсколько лѣтъ. Священникъ о. Димитрій хлопоталъ, однако, о немъ,—писалъ племяннику завѣщателя (Дм. Р. О.); тотъ взамѣнъ погибшаго капитала уже самъ отъ себя выслалъ тысячу рублей, при помощи которыхъ и выстроили весьма удобное, просторное зданіе для училища. Въ благодарность за него дѣти и молятся теперь ежедневно за жертвователей.

Послѣ большой перемѣны я уже не слушалъ уроковъ, а самъ занялся съ дѣтьми: диктовалъ, спрашивалъ по ариметикѣ, по чтенію, слушалъ рассказы изъ прочитаннаго, смотрѣлъ тетради и пр. Исключая арифметики въ младшемъ отдѣленіи, успѣхи по прочимъ отдѣламъ въ общемъ оказались хорошими, по славянскому чтенію и по чистописанію даже отличными. Не задолго до конца занятій въ классѣ появилась еще какая-то барышня.

— Кто это? спросилъ я учительницу.

Это видите-ли,—мнѣ вздумалось, чтобы дѣвочки поучились **руководѣлію**. А она... это дочь нашего псаломщика... она мастерица. Я и просила ее, не займется-ли она съ дѣвочками. Она занимается хорошо и усердно,—черезъ день, каждый разъ часа 1½. Не желаете-ли посмотреть ихъ работы?

Работъ оказалось весьма уже много. Однѣ совсѣмъ закончены; другія еще исполняются или только начаты; всѣ содержатся очень аккуратно и чисто.

Между прочимъ, я узналъ, что за уроками рукодѣлія дѣвочки поютъ. Поютъ молитвы.

Узналъ также, что этой барышнѣ учительница платитъ немного сама изъ своего жалованья за рукодѣліе.

Покончивъ занятія, я отправился къ о. законоучителю, куда вечеромъ пришла и учительница. Вечеръ прошелъ въ разнаго рода разспросахъ и разъясненіяхъ о преподаваніи. Преимущественно же рѣчь шла о Законѣ Божіемъ, о преподаваніи правописанія въ старшемъ и ариметики въ младшемъ отдѣленіяхъ.

На утро я опоздалъ къ заутренѣ; она уже отходила, когда я подошелъ къ церкви. Прошелъ въ училище. Было еще темно. Квартира учительницы оказалась запертою; я вошелъ въ классъ, гдѣ въ потемкахъ занялъ мѣсто на одной изъ заднихъ партъ въ ожиданіи прибытія дѣтей. Минутъ черезъ пять послышался хрустъ сѣнга подъ ногами идущей толпы. Классъ сталъ наполняться дѣтьми. Путаюсь въ темнотѣ при отыскиваніи своихъ партъ и мѣстъ, дѣти, повидимому, забавлялись тѣмъ самымъ. Кто-то вдвоемъ, или втроемъ уже усѣвшись, заплѣли вполголоса: „Воскресеніе Христово видѣвши“. Такъ прошло нѣсколько минутъ, когда наконецъ сторожиха вошла къ намъ съ огаркомъ свѣчи, который она и поставила на столѣ. Тускло освѣщенный и изрядно нахолодѣвшій классъ съ собравшимися въ ночную пору дѣтьми представлялъ довольно своеобразную картину.

Вошла учительница.

— Ну, дѣти, сказала она: познакомимся же теперь съ Евангеліемъ, которое нынче будетъ читаться за обѣдней. Евангеліе отъ Луки, глава XIV. Дѣти перекрестились. Одинъ изъ учениковъ старшаго отдѣленія, вызванный къ столу, началъ читать по-славянски притчу о званыхъ на ужинъ.

По прочтеніи двухъ стиховъ учительница спросила: „кто изъ старшихъ понялъ, что прочитали?“

Всѣ руки поднялись. Вызванная дѣвочка передала содержаніе; а другая стала продолжать чтеніе, которое и слѣдовало тѣмъ-же порядкомъ. Я, между тѣмъ, полюбопытствовалъ сосчитать учениковъ. Всѣ 60 были налицо.

Вслѣдъ за послѣдними словами притчи: „много званыхъ, но мало избранныхъ“, учительница обратилась къ среднему отдѣленію.

— А изъ васъ кто можетъ рассказать?.

Все среднее отдѣленіе, безъ исключенія, подняло руки. Это меня удивило, и я уже самъ вызвалъ къ разсказу двоихъ, которые съ виду казались не особенно способными; но они рассказали всю притчу. Я похвалилъ ихъ.

Тогда учительница замѣтила: „Вѣдь у меня и младшіе рассказываютъ. Не знаю, какъ теперь вотъ“.

— Младшіе! кто хочетъ рассказать? спросила она. Поднялось рукъ 10 или 12 (всѣхъ младшихъ 23). Не безъ чувства умиленія слушалъ я, какъ даже эти крошки связно и понятно, хотя и съ нѣкоторыми ошибками, рассказывали притчу Христову, не забывая завершить ее заключеніемъ: „Онъ и сказалъ: „много званыхъ, а мало избранныхъ“.

Между тѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, и мы всѣ отправились въ церковь. Въ церкви дѣти читали и пѣли очень хорошо; неучаствовавшіе въ пѣніи стояли рядомъ, молились и держали себя примѣрно.

Какая прекрасная практика для дѣтей! думалось мнѣ при воспоминаніи утренняго чтенія Евангелія. Какія добрыя, благодатныя и вмѣстѣ благодарныя воспоминанія сохраняются въ сердцахъ дѣтей объ училищѣ, объ учительницѣ и законоучителѣ! Какъ, наконецъ, прочно усвоятся Евангельскія повѣствованія, если сообразить, что такія чтенія ведутся весь годъ, что въ нихъ участвуютъ даже младшіе, которые такимъ образомъ троекратно въ теченіе курса услышатъ эти чтенія, будучи активными да еще такими милыми, внимательными участниками ихъ.

Итакъ,—вотъ тѣ своеобразныя черты въ жизни Лукьяновскаго училища и вотъ типъ народной учительницы, ради которыхъ я счелъ нужнымъ вѣдаться въ довольно подробное изложеніе.

Отрадно свидѣтельствовать, что эти дорогія черты, этотъ желаемый типъ народнаго учителя, не составляютъ исключенія; они встрѣчаются и въ другихъ различныхъ училищахъ.

46. Юринское училище.

Благоустроенное въ отношеніи помѣщенія, Юринское училище отличается еще большимъ благоустройствомъ въ отношеніи учебно-воспитательной части, чѣмъ обязано выдающемуся усердію и способностямъ законоучителя и учителя.

Рѣдко случается такое счастливое совпаденіе всѣхъ благопріятныхъ для успѣха дѣла условій со стороны умственныхъ и нравственныхъ качествъ обоихъ преподавателей, какое находимъ здѣсь. Обыкновенно бываетъ либо такъ, что одинъ изъ преподающихъ не достаточно способенъ или мало усерденъ, либо—если оба способны и усердны—имъ не достаетъ глубокаго дружелюбнаго единенія въ дѣйствіяхъ, во взглядахъ на жизнь и особенно на цѣли училищнаго дѣла.

Здѣсь же нѣтъ недостатка ни въ чемъ.

Законоучитель человѣкъ способный, отлично усердный, очень благодушный, любовно относящійся къ дѣтямъ и къ успѣхамъ ихъ не только по своему предмету, но и по всѣмъ прочимъ. И, не смотря на свои пожилыя лѣта, онъ умѣетъ дружески сойтись съ преподавателемъ юношею, лишь бы послѣдній самъ не лишенъ былъ общительности и добродушія.

Учитель Дубровинъ тѣмъ лучше удовлетворяетъ этому условію, что, обладая мягкимъ, уживчивымъ характеромъ, не избалованъ еще привычкою проводить свободное время въ шумныхъ компаніяхъ и, какъ нельзя болѣе, охотно довольствуется тѣмъ развлеченіемъ, какое ему можетъ представить небольшое семейство почтеннаго батюшки. Оба искренне любятъ школу и дѣтей; оба очень усердно работаютъ, но и оба не достаточно еще опыты, хотя обоимъ не достаетъ очень немногаго уже; отсюда общность интересовъ, сомнѣній, вопросовъ, въ обсужденіи которыхъ они находятъ истинное и высокое удовольствіе.

Казалось бы, что за дѣло батюшкѣ, какъ идетъ у учителя ариометика,—а онъ порою завернетъ къ нему и на урокъ ариометики; а вечеромъ за чаемъ оба судятъ и рядятъ, какъ надо вести дѣло лучше. Учитель съ добродушно-скептической улыбкою выслушиваетъ мало-состоятельную критику батюшки. Тотъ это видитъ, да не обращаетъ вниманія, смѣется:

— Да ты погоди, чего ухмыляться-то:—я дѣло говорю. Не такъ ли, В. А.? обращается онъ ко мнѣ уже.

— Нѣтъ, говорю, батюшка, не такъ.

— О-о? Ну, инъ вамъ и книга въ руки. А я все съ нимъ спорю. Молодъ еще.... А впрочемъ, вотъ я и старъ, да глупъ; и меня учить надо.

И расхохочется батюшка; а черезъ пять минутъ опять вступаетъ въ пренія. Учитель говоритъ, что батюшка даже просматриваетъ диктовки учениковъ.

— А какъ же, какъ же! говоритъ законоучитель: „заглядываю. Ну-ка, молъ, какъ наши-то пишутъ.... Какъ у тебя-то пишутъ. Сынъ мой былъ учителемъ—хорошо писали. Не хуже бы стали у тебя. Ну, да нѣтъ (обращается онъ ко мнѣ)—пожалуй, какъ бы не лучше. А? какъ вы находите, В. А?

— „Пожалуй, что и лучше“, говорю.

— Эка, вонъ оно что! А ты ужъ и радъ, и радъ! смѣется батюшка учителю, хлопая его по плечу.

— И я, говорю, радъ, батюшка, глядя на васъ обоихъ, какъ Вы сдружились между собою.

— Еще бы! Ъдимъ и пьемъ вмѣстѣ! Вѣдь онъ у меня столуется-то. Да славный, славный, нечего сказать; люблю какъ сына. Вы только ужъ не отымите его у меня; въ другое училище не надумайте перевести. А то я брошу все; право, брошу: мнѣ будетъ скучно.

На вопросъ мой,—а бываетъ-ли учитель на урокахъ Закона Божія, законоучитель отвѣчалъ утвердительно, прибавивъ: „А не ходилъ бы—я бы самъ позвалъ. Умъ хорошо, а два лучше. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Вотъ хоть бы эти **полные отвѣты**—какая славная штука. Я прежде не требовалъ полныхъ отвѣтовъ. А онъ мнѣ: то и то. Послушалъ я у него на урокѣ:—истинно!—хорошо. И самъ сталъ дѣлать такъ же“.

Такъ-то, идя рука объ руку во всемъ, что касается учебно-воспитательной части, законоучитель и учитель поставили свое училище почти на всю высоту требованій, какія можно предъявить хорошему начальному училищу.

Ни на урокахъ Закона Божія, ни тѣмъ болѣе, на прочихъ урокахъ совершенно нѣтъ мѣста безсознательному усвоенію преподаваемого. Благодаря этому, благодаря милымъ характерамъ обоихъ учащихся и ихъ такту, дѣти здѣсь—прелестныя: такія умненькія, живыя, такъ свободно, сознательно отвѣчаютъ, и наконецъ, вообще, такъ мило держатъ себя, что можно ими полюбоваться.

Теперь собственно объ успѣхахъ.

Я не скажу, чтобы успѣхи по Закону Божию были безукоризненно—отличны. Найдутся въ Е.скомъ уѣздѣ три—четыре, а можетъ быть,

и 6-7 училищъ, въ которыхъ дѣти знаютъ божіе; но только больше, а основательнѣе—едва ли.

Странно мнѣ показалось сначала, что молитвы здѣсь произносятся не болѣе какъ порядочно (объясняютъ же очень хорошо). Я поставилъ это на видъ о. Іоанну, замѣтивъ, что могу назвать училищъ десять, гдѣ молитвы произносятся замѣтно лучше.

— Ну, неужели?! удивился батюшка. Чего же не достаетъ моимъ?—кажется, и разстановочно и ужъ ни одного словечка не переврутъ, ни окончанія ни проглотятъ;—отчетливо.

— Да, говорю: это такъ, но не достаетъ благоговѣйной выразительности. И, согласитесь, это все равно, что души не достаетъ. Ваши какъ читаютъ?

„Преблагій, Господи, ниспосли, намъ, благодать, Духа, Твоего, Святаго.“ Это что?—машина. А Вы поучите-ка, чтобы такъ: „Преблагій Господи! Ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго“!.... дабы внимая и. т. д. Вы, конечно, видите, что я говорю отнюдь не о свѣтской интонаціи, а единственно о благоговѣйной осмысленности. Законоучитель охотно согласился, что одной разстановочности очень еще не достаточно для того, чтобы молитву можно было признать истинно молитвою,—мыслью и чувствомъ,—и обѣщался непременно обратить на эту сторону все свое вниманіе.

По всѣмъ прочимъ отдѣламъ Закона Божія, не исключая знакомства съ картою Палестины,—успѣхи очень хорошіе. До полного совершенства не достаетъ, чтобы, во 1-хъ, ученики объ эту пору года (Февраль) знали уже всю литургію, во 2-хъ, чтобы велись письменныя изложенія и въ 3-хъ, чтобы чертили карту Палестины.

Что касается **классной молитвы**, то она поставлена еще не вполнѣ удовлетворительно, что, впрочемъ, и понятно, въ виду вышесказаннаго о качественной сторонѣ молитвознанія.

Успѣхи по всѣмъ почти прочимъ предметамъ отличныя.

Читаютъ во всѣхъ отдѣленіяхъ прекрасно. Вотъ какія отмѣтки значатся у меня въ ревизіонной записи:

въ младш. отдѣл.: 5. 5. 5+ 5+ 4+ 2+ 5+ + 3+ 3. 5. 5.

въ средн. отдѣл. 4. 5. 4. 5. 4. 5. 4. 4. 5. 5. 5. 5.

въ старш. отдѣл. 5. 5. 4. 4+ 3. 5. 4. 5+ 4.

Это чтеніе русское. Того же достоинства и славянское. Занятія славянскимъ чтеніемъ въ старшемъ отдѣленіи сосредоточиваются главнымъ образомъ на Псалтири. Псалмы читаются съ дословнымъ переводомъ и съ усвоеніемъ незнакомыхъ словъ.

По **арифметикѣ** успѣхи въ младшемъ отдѣленіи посредственныя. Мало пройдено и неосновательно; въ февралѣ мѣсяцѣ сидятъ все еще за числами 1-го десятка и, тѣмъ не менѣе, считаютъ не бойко; задачи рѣшаютъ тоже слабовато. Это все, впрочемъ, благодаря крайностямъ двухъ рѣзко различныхъ методовъ,—Евтушевскаго и Гольденберга. Въ среднемъ отдѣленіи учитель велъ дѣло ни по тому, ни по другому методу, или, точнѣе, частію

по одному, частію по другому, и результаты получились отличные. Я прослушалъ его урокъ ариѳметики въ среднемъ отдѣленіи и нашелъ, что дѣло ведется образцово. Задачи дѣти анализируютъ прекрасно,—толково, обстоятельно; соображаютъ рѣшеніе довольно быстро; всѣ занятые всѣ напряженно внимательны. Работа, какъ говорится, кипитъ. Отъ задачъ учитель мгновенно обратился къ бѣглому устному счету,—пріемъ, отлично возбуждающій энергію дѣтей въ моментъ, когда она готова поослабнуть.

Занялись этимъ, а на доскѣ готовы два примѣра на умноженіе; это сдѣлаютъ уже безъ учителя, пока онъ провѣряетъ работы младшаго и старшаго отдѣленій.

Въ старшемъ отдѣленіи успѣхи по ариѳметикѣ можно назвать отличными: и задачи рѣшаютъ очень хорошо, и въ бѣгломъ устномъ счисленіи не затрудняются, и даже механизмомъ дѣленія многозначныхъ чиселъ владеютъ свободно и сознательно.

Пишутъ отлично и **орфографически** (средняя отмѣтка за данный мною пробный диктантъ старшему отдѣленію получилась $4\frac{1}{9}$), и каллиграфически. А въ младшемъ отдѣленіи, можно сказать,—безподобно.

Усердно ведутся и упражненія въ самостоятельномъ письменномъ изложеніи: исполнено около 20-ти работъ. Недостатокъ ихъ—однообразіе: почти всѣ темы сводятся къ передачѣ содержанія статей анекдотическаго характера.

Географическихъ и историческихъ свѣдѣній еще мало. (Руководство **Баранова** введено въ училищѣ очень недавно, а по **Паульсону** трудно ознакомиться съ исторіею и географіею Россіи). Впрочемъ, все прочтенное по русской исторіи усвоено основательно. Кромѣ того учитель и самъ рассказываетъ дѣтямъ, руководствуясь учебникомъ Рождественскаго.

Дѣти обучаются и пѣнію. Въ церкви поютъ подъ руководствомъ учителя очень порядочно. Есть хорошіе чтецы часовъ и шестопсалмія.

Каждое воскресенье, каждый дванадесятый праздникъ учитель объясняетъ дѣтямъ между утреней и обѣдней праздничное Евангеліе и тропари.

47. Столѣтовское училище.

И законоучитель и учитель прекрасные люди и очень хорошіе педагоги. Оба душою преданы дѣлу обученія и воспитанія дѣтей; оба знаютъ и ведутъ свое дѣло очень хорошо, а собственно воспитательное—даже отлично.

Говоря о многихъ другихъ училищахъ, я часто прохожу молчаніемъ воспитательную часть, отношеніе учителя къ дѣтямъ, дисциплину, всѣ порядки и т. п.; потому что не вижу что бы можно было сказать о нихъ кромѣ обыкновенныхъ: „ничего“ или „удовлетворительно“, „обстоятъ благополучно“ и т. п. Но отъ времени до времени встрѣчаются такіа училища, въ которыхъ воспитательная сторона дѣла выступаетъ съ особенною рельефностью либо въ худую (рѣдко), либо, чаще, въ хорошую сторону. Къ послѣднимъ принадлежитъ и описываемое училище.

Здѣсь, какъ только я пріѣхалъ, тотчасъ по входѣ въ классъ, меня уже поразила невиданная мною особенность въ народной школѣ: всѣ дѣти стрижены подъ гребенку, даже двѣ дѣвочки.

Это что за явленіе?! воскликнулъ я мысленно и обратился за разъясненіями къ учителю.

— Ну, да что-же, В. А., отвѣчалъ онъ: развѣ дурно? вѣдь любо смотрѣть; а то—косматые, лохматые, вонючіе отъ масла коровьяго или деревяннаго, или отъ квасу и т. п. А насѣкомыя-то? То тотъ, то другой, а тамъ пятый, десятый всю пятерню запускать въ голову, чешутся, чешутся..... Иной поймаетъ,—казню займется. Ты ему тамъ изъ ариметики, а онъ занять,—смертные приговоры постановляетъ... Ну, да и просто грязь, безобразіе.... А какіе ногти были у нихъ? они отчасти имъ и нужны были; а теперь не надо.

Дѣйствительно, ногти у всѣхъ острижены, руки, лица, шеи—чистыя.

— Прекрасно, говорю я. Ну, а что родители, мужики?

— У—у! сначала что было!—бунтъ да и только. Ну, да я не испугался; я самъ крестьянинъ,—знаю ихъ. На первый разъ я промолчалъ; стричь—не стригъ, а и не отрекся отъ своего намѣренія. Уговорилъ сначала одного-двухъ; матерямъ растолковалъ, что сіе есть благо для нихъ: ни мыть, ни чесать.... масла, моль, на двугривенный сбережешь. Остригъ двоихъ, а тамъ трое сами захотѣли. И пошло по маленьку. Теперь всѣ смирились; да еще похваливаютъ.... Ишь, говорятъ: гляди ты, чево онъ сдѣлалъ—каки шары точеные. Не замай его:—гоже вѣдь и вправду.

— Прекрасно, прекрасно! похваливаю я.

Я, В. А., говоритъ учитель, ужасно не люблю грязи, неоприятности.... Вотъ еще это сквернословіе.... Вѣдь, знаете?—я ихъ **совсѣмъ** отбучилъ отъ этого,—ребятишекъ то своихъ.

— Какъ же это вы?

— А у меня круговая порука. Ябедничать—не ябедничай въ одиночку другъ на друга, а всѣ разомъ говори, если кто какъ выругался. Такъ оно и пошло. Вытравилъ теперь совсѣмъ это сквернословіе.... Народъ-то здѣсь распущенъ. Чего ужъ—сами родители поблажали дѣтямъ, коли въ церковь нейдутъ...

Вотъ еще хлопотъ то было! Я завелъ особый журналъ..... вотъ извольте взять...

— Это что же за отмѣтки? спрашиваю я.

— А это значитъ: „до пріѣзда Инспектора“.

Вотъ, моль,—разъ прощу, другой пожурю, а то и оштрафую, а по третьему—штрафъ само по себѣ, а для стыда—пріѣдетъ Инспекторъ—ему покажу, небось, стыдно будетъ. Ужъ вы, пожалуйста, подайте видъ, что со вниманіемъ, серьезно разсматриваете этотъ журнальчикъ. А сперва спросите меня при нихъ: а что, дескать, усердны ли ваши дѣти къ Храму Божию?

Такъ это и было сдѣлано.

На одной изъ классныхъ стѣнъ при самомъ входѣ вижу какую то таблицу или объявленіе. Подхожу, читаю:

Ученики и ученицы Столѣтовскаго училища обязаны ежедневно въ учебное время приходить въ классъ:

1. Съ чистыми руками и ногами.
2. Въ чистомъ бѣльѣ и одеждѣ.
3. Съ опрятной головой.
4. Не забывать учебныхъ вещей.
5. Книги держать въ чистотѣ и обложкѣ.
6. Тетради тоже.
7. И держать себя хорошо, какъ при учителѣ, такъ и безъ него.

Учитель Столѣтовскаго училища

П. Щербининъ.

— Ну, и что же, спрашиваю, знаютъ они эти правила?

— А не угодно-ли любого? наизусть. Они не учили ихъ; это само собою разумѣется. А я вотъ какъ: объявилъ подъ круговую же порукою, что ни одинъ не имѣетъ права, переступивъ порогъ идти далѣе до своего мѣста, не остановившись у правилъ: прочитай! осмотришь, все-ли такъ у тебя? Нѣтъ,—ступай домой, исправься, что нужно, потомъ иди. Ну, вотъ разъ по пяти, по десяти прочитали и знаютъ.... Вы видите, поль-то какой?

Дѣйствительно, и польъ безукоризненной чистоты.

— А вѣдь какіе невѣжи-то-были! кланяться не умѣли. У меня—кланяйся всѣмъ. Со мной встрѣтишься—кланяйся; со старостой—тоже; съ батюшкой и подавно. Иной забудется, оправдываться начнетъ: „я еще далеко былъ“. За версту кланяйся! говорю.

Всѣхъ порядковъ однако не перескажешь. Но нельзя-ли замѣтить, что эта регламентація удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на свободу дѣтей, портить ихъ отношенія къ учителю? Да—въ рукахъ дурного педагога это было бы непременно такъ; а здѣсь и признака ничего подобнаго нѣтъ! Дѣло ведется умно, постепенно, съ полусмѣшкою, съ любовью, безъ всякихъ наказаній, кромѣ ничтожныхъ штрафованій изрѣдка, и никогда съ выраженіемъ злобы или ядовитой насмѣшки. Въ результатѣ—милѣйшія дѣти: чистыя, опрятныя, вѣжливыя, исправныя, свободныя и веселыя.

Здѣсь нѣтъ духа регламентаціи; есть только видимость ея въ вывѣшенномъ объявленіи, и больше ни въ чемъ.

Изобразить вліяніе законоучителя мнѣ труднѣе; надо было бы излагать цѣлый урокъ его подробно; да и то, пожалуй, не удастся передать того, что составляетъ силу его; не передашь ни его тона, ни той особенной любовной и какъ будто слегка жалостливой улыбки, постоянно обращенной къ дѣтямъ, которою онъ какъ будто говоритъ имъ: „я люблю вѣдь васъ, крошки мои; я благословляю васъ; любите же и вы меня, любите и то, что внушаю вамъ; а внушаю я вамъ законъ Божій; а законъ-то этотъ—тоже любовь. Вы этого не понимаете? ну, ничего; я волью въ васъ незамѣтно, что испытываю самъ; а я испытываю любовь и къ Богу, и къ вамъ; возлюбите и вы Его и меня и другихъ. А въ этомъ весь законъ и пророки“.

Преполагает о. Алексѣй Смоквинъ прекрасно, несмотря на то, что онъ еще человѣкъ очень молодой, всего 24-хъ лѣтъ; но болѣзненный видъ его и слабое сложеніе какъ будто говорятъ за то, что онъ и въ эти 24 года пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ многое и многое. Плоть его немощна, но духъ бодръ.

Усердіе его неистощимо, кажется. Въ большую переѣзку, когда казалось, пора бы передохнуть и намъ и дѣтямъ, онъ и за стаканомъ чаю неустанно говорилъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, о своихъ предположеніяхъ, разспрашивалъ о недостаткахъ въ успѣхахъ его учениковъ, о методикахъ по Закону Божію, о томъ, какъ ставится дѣло у лучшихъ законоучителей.

— Да будетъ, о. Алексѣй, говорю: устали, я думаю. Уже наговоримся.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, В. А.! вѣдь я васъ давно ужъ ждалъ; слышалъ... надо вѣдь... такія крошки: неужели для нихъ не послужить? что же будемъ за пастыри... Ахъ да! я вамъ не сказалъ: какъ мы разучили „Милость мира“! говоритъ о. Алексѣй и вскакиваетъ со стула, устремляясь къ двери.

— „Куда вы?

— „Я сейчасъ, сейчасъ. Вы кушайте чай-то, я свой допью послѣ. Вотъ только „Мил...“

И скрылся за дверью. Еще минута—раздается звучное, гармоничное пѣніе „Ми....лость ми...ра“.

Дѣлать нечего, надо опять въ классъ. Поютъ очень хорошо.

— Да кто же здѣсь пѣнію-то учить? спрашиваю я о. Алексѣя.

— Да вотъ то-то некому. Петръ Лаврычъ (учитель) не поетъ, не можетъ. Ну а я,—какъ же безъ пѣнія?—дай ужъ, думаю, самъ. Грудь-то вотъ только слаба, В. А., а то бы... вотъ и собираю ихъ раза два въ недѣлю... Да ничего, поютъ теперь всю Литургію. Не желаете-ли?... Дѣти! Херувимскую!

— О. Алексѣй! Переѣзка-то кончилась.

— „Ахъ, Господи! какъ же? Нѣтъ ужъ вотъ только Херувимскую,—пожалуйста“.

Пропѣли и ее.

— Ахъ.... вотъ время-то только: а то бы еще тройное „Господи, помилуй“—одна минута вѣдь, упрашивалъ онъ.

И „Господи помилуй“ пропѣли.

— Такъ вы говорите, въ Полянѣ Законъ Божій отлично? а? Ну, какъ же?... тамъ кто, бишь, вы говорили? Отецъ Дмитріевъ?

Такъ угощаль меня о. Алексѣй своимъ училищемъ, засыпая вопросами, и, кажется, готовъ былъ говорить, сообщать, показывать безъ конца. Успѣхи его учениковъ очень хорошіе; всѣ знанія осмысленны, отвѣты свободны, толковы. Пройдено уже все, положенное по программѣ.

Молитва классная поставлена превосходно и поставлена такъ не на основаніи подробной прошлогодней бесѣды моей (я въ прошломъ годѣ здѣсь и не былъ), а только на основаніи слышаннаго учителемъ и законоучителемъ стороною, отъ другихъ, какъ я совѣтую устроить классную молитву.

Объ успѣхахъ учителя распространяться не буду; они очень хороши по всѣмъ отдѣламъ занятій.

48. Бѣлынское училище.

Я осматривалъ это училище уже во второй разъ. Годъ тому назадъ у о. законоучителя я нашелъ дѣло—такъ себѣ, какъ говорится; у учителя—хорошо, даже очень. По обыкновенію, провелъ тогда здѣсь цѣлый день, бесѣдуя вечеромъ объ условіяхъ успѣшнѣйшей постановки дѣла. И вотъ направляясь вторично въ это училище, я съ понятнымъ интересомъ задавался вопросомъ,—какіе-то плоды прошлогодней бесѣды найду здѣсь. Законоучитель—человѣкъ способный, а учитель еще способнѣе. Что-то они сдѣлали за годъ?

Оказалось,—одинъ далъ чуть не вдвое больше того, что давалъ прежде, а другой зарылъ свой талантъ въ землю, убоявшись будто-бы одного члена училищнаго совѣта, который на экзаменахъ требуетъ не того, что требуетъ Инспекторъ. Это прискорбно. Но еще прискорбнѣе, что зарывающимъ талантъ свой оказался законоучитель.

Правда, членъ училищнаго Совѣта Z....скаго уѣзда любитъ на экзаменахъ предлагать вопросы, совсѣмъ не подходящіе къ программѣ элементарной школы. То спроситъ онъ (я самъ свидѣтель тому), какъ звали пастуховъ, которые первые пришли на поклоненіе родившемуся Божественному Младенцу, то испытуетъ дѣтей вопросомъ: „что было сказано при закладкѣ храма Иерусалимскаго, или вдругъ: „А въ какомъ псалмѣ сказано: „раздѣлиша ризы Моя и о одежди Моей метаху жребій“?... Затѣмъ: „Для чего были надѣланы перегородки въ ковчегъ“? и мн. др. т. п.

— Но что же изъ этого? говорю я батюшкѣ. Во 1-хъ, членъ училищнаго совѣта не требуетъ, чтобы ученики обязательно знали имена вилеемскихъ пастуховъ; а во 2-хъ, если-бъ и требовалъ,—неужели надо забыть программу и начинать головы дѣтей отвѣтами на такіе вопросы?

— „Конечно, нѣтъ“, соглашается батюшка: но вѣдь вы знаете, Гордѣй Борисычъ лицо вліятельное. Не угоди имъ—и.....

— Что же?

— Да такъ.... Всетаки. Что за охота непріятности на себя навлекать....

— Ну, а какъ же не угодить программѣ-то, или, по вашему, инспекторскимъ требованіямъ?

— Да я угождаю тѣмъ и другимъ.

— Но отчего же у васъ такъ плохи успѣхи?

— Да потому, что нельзя же: вы требуете того, а Гордѣй Борисычъ другого.

Бесѣда въ такомъ родѣ могла идти бесконечно и бесплодно. Я свелъ было на другое пока; но опечалился еще болѣе. Оказывается, батюшка держится слишкомъ меркантильной точки зрѣнія въ отношеніи къ своей паствѣ, которая за то и не любитъ его... А вѣдь еще молодой человѣкъ! ему нѣтъ и 30 лѣтъ. Долго шла бесѣда, и батюшка о школѣ и о своемъ предметѣ ни слова. Я было опять къ дѣлу, но встрѣтилъ энергичный отпоръ.

— Да что вы, право! говорилъ батюшка: неужели вы думаете, что этихъ мальчишекъ можно учить Закону Божію?! Ему еще и восьми-то лѣтъ

нѣту; правой руки отъ лѣвой не отличить; дикость, грубость.... а тутъ толкуй ему о догматахъ вѣры. Развѣ это возможно? Неужели вы, В. А., вѣрите, что этимъ ребятишкамъ можно преподавать Законъ Божій? Я не вѣрю рѣшительно. Съ 15-ти лѣтъ—можно, пожалуй; а раньше нѣтъ!.

Послѣ этого оставалось только распрощаться съ такимъ законоучителемъ, пожелавъ ему въ душѣ иного поприща дѣятельности. Нечего и говорить, что успѣхи его учениковъ я нашелъ весьма и весьма слабыми.

Совсѣмъ другой типъ представляетъ собою учитель Девисовъ. Умный, способный, читающій, любознательный, съ мягкимъ любящимъ сердцемъ, хорошій пѣвецъ,—онъ искренне преданъ своему дѣлу и ведетъ его съ любовью, съ усердіемъ и отличнымъ успѣхомъ.

Ничего-то онъ не забылъ изъ прошлогодней нашей бесѣды; о всемъ позаботился; все дѣло поставилъ въ еще улучшенномъ видѣ, хотя и тогда я былъ доволенъ успѣхами его учениковъ.

Читаютъ и пишутъ у него отлично. По орфографіи въ прошломъ годѣ его ученики получили среднюю отмѣтку $3\frac{8}{10}$. Для средняго вывода и эта отмѣтка хорошая; но нынѣ она поднялась до $4\frac{1}{2}$ при 16 писавшихъ ученикахъ!

Я нахожу этотъ успѣхъ блистательнымъ. Любуясь имъ, радуясь всѣмъ сердцемъ тому, что можетъ дать наша русская начальная школа втеченіе 3-хъ зимъ при правильной постановкѣ дѣла и способномъ учителѣ, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи приложить нѣсколько образцовъ этого письма даже къ своему отчету.

Въ чтеніи то же самое. Мало того, что процессъ чтенія разработанъ отлично и что дѣти могутъ хорошо рассказывать,—здѣсь читаютъ и рассказываютъ не что попало, а съ толковымъ выборомъ, преслѣдующимъ въ концѣ концовъ опредѣленные цѣли. Вслѣдствіе этого здѣшніе ученики пріобрѣли довольно много свѣдѣній о Россіи въ географическомъ и еще болѣе въ историческомъ отношеніи.

Славянское чтеніе весьма хорошо: читаютъ съ дословнымъ переводомъ, съ общимъ затѣмъ пересказомъ и съ изученіемъ словъ.

Классные порядки, дисциплина—примѣрные. Дѣти вообще очень смѣшлены, развиты, свободны. Поютъ очень хорошо, стройно, гармонично. Храмъ Божій посѣщаютъ исправно, и всегда вмѣстѣ съ учителемъ.

Въ церкви поютъ, читаютъ часы и шестопсалміе.

И всѣ эти добрые плоды учитель даетъ, живя самъ далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ. Квартира холодна; классъ бываетъ не топленья дня по три (сторожа нѣтъ); супруга учителя сама уже топить классъ, если удосужится отъ дѣтей, либо и учитель самъ, да и то, если есть дрова. Доходило не разъ до того, что дровъ нѣтъ ни полѣна по нѣскольку дней; выручали дѣти, принося каждый изъ своего дома по полѣну,—нынѣ одни, завтра другіе.

Стѣны класса сплошь мокрыя, покрыты плѣсенью. Полы метутъ ученики, а моетъ самъ учитель; и это было не разъ!

Просидитъ учитель въ такомъ-то классѣ часовъ 6 или 7; пора и домой; а дома—дѣти, нужда, недостатки разные да холодъ. Надо тетради просмотрѣть; къ завтрашнему уроку приготовиться, почитать, подумать!...

49. Рузинское училище.

Это довольно любопытное училище въ отношеніи персонала учащихся лицъ.

Когда я, подъѣхавъ къ училищу, вошелъ въ него, меня встрѣтила какая то дѣвочка лѣтъ 15-ти. Я спросилъ ее, гдѣ мнѣ увидать учительницу М. И. Мозгову.

— Это я, отвѣчала робко и конфузливо дѣвочка. Я, былъ крайне удивленъ ея отвѣтомъ.

— Вы?! воскликнулъ я невольно, и тѣмъ привелъ ее въ еще большее смущеніе; она уже совсѣмъ шепотомъ отвѣчала: „Да,—я.“ Но мнѣ до того не вѣрилось, чтобъ эта дѣвочка была здѣсь настоящею учительницею, что изъ желанія еще точнѣе удостовѣриться я спросилъ ее:

— Вы одна занимаетесь, или здѣсь двѣ учительницы?

— Нѣтъ, я одна, прошептала она.

— Сколько же у васъ учениковъ?

— Было около 130; теперь на лицо 115.

Услыхавъ это, я снова былъ изумленъ и, поистинѣ, во мнѣ мелькнула мысль: на яву ли все это я слышу и вижу? 115 учениковъ! и на рукахъ этой дѣвочки, одной безъ помощницы,—невѣроятно! И какъ она справится съ такою массою дѣтей? Да они ее просто бумажками закидаютъ, а учиться у нея, слушаться ея не стануть:—такая она миниатюрная, нѣжная, такая робкая, слабая. Она сама ребенокъ и, къ сожалѣнію, должно быть, больной: ея прозрачную блѣдность я сначала приписалъ было волненію, но нѣтъ: мы уже и въ классѣ побывали, теперь сидимъ въ ея квартирѣ, за-просто бесѣдуя за-чаемъ, а она все, какъ бѣлый воскъ.

— Что это вы пьете? спросилъ я ее, когда замѣтилъ, что она наливаетъ себѣ въ чашку изъ особаго чайника. Она—конфузливая на каждомъ шагу—сконофузилась и теперь: „Да это такъ“ прошептала она, покашливая: „по совѣту доктора.“

Мертвенный цвѣтъ лица учительницы, ея частое сухое покашливанье, невольно наталкивали на мысль: ужъ не чахотка ли развивается въ этомъ молодомъ, еще не успѣвшемъ вполне сформироваться, организмѣ?

Мое недоумѣніе на счетъ успѣшности ея занятій все возрастало, такимъ образомъ. Въ глубинѣ души я даже и не сомнѣвался уже, что встрѣчу здѣсь то же состояніе дѣла, какое приходится наблюдать въ наиболѣе слабыхъ училищахъ, если только не еще худшее. Жаль было училище, и не менѣе жаль это хрупкое слабое созданіе, гибнущее подъ непосильнымъ бременемъ.

Пошли въ классъ. А тѣмъ временемъ пришелъ и законоучитель. Увидавъ его, я еще болѣе какъ бы упалъ духомъ: передо мной стоялъ худой, блѣдный, немощной, весь посѣдѣвшій старикъ, лѣтъ 70 коли не 80-ти! Что за странное сочетаніе двухъ такихъ педагоговъ! Что взять съ этого убѣденнаго сѣдинами старца?

Но всетаки надо же что нибудь поспросить по Закону Божию. А чтобы не смущать на первых порахъ ни дѣтей, ни учащихся, я попросилъ батюшку самого повыспросить въ старшемъ отдѣленіи, что ему угодно, изъ пройденнаго.

— Ну... прочти хоть ты, Гриша, молитву Духу Святому! предложилъ онъ одному изъ дѣтей младшаго отдѣленія.

Ученикъ читаетъ. Я удивляюсь: какъ однако не дурию прочелъ!

— Ну, а что же ты знаешь о Духѣ Святомъ? кто это—Духъ Свя-
тый? спрашиваетъ батюшка того же мальчика.

Отвѣтъ данъ вѣрно и бойко.

— А изъ какихъ же словъ молитвы видно, что эта молитва—Духу Святому? обратился законоучитель уже къ **среднему** отдѣленію. Всѣ подняли руки, а одинъ не утерпѣлъ и, не дожидаясь вызова, отвѣтилъ.

— Откуда же мы научаемся, какъ надо вѣровать въ Духа Святаго? (Отв. „изъ Символа Вѣры“). Въ которомъ членѣ говорится о Духѣ Святомъ? и прочитай этотъ членъ?

Ученикъ читаетъ.

— А ты, говоритъ о. Сергій, обращаясь къ одному изъ **старшаго** отдѣ-
ленія, объясни, что значить „**споклоняема и славима**“ и понимаешь-ли слова:
„глаголавшаго пророки“?

Потомъ, возвращаясь къ молитвѣ „Царю Небесный,“ о. Сергій спраши-
валъ, почему Духъ Святой называется Утѣшителемъ; затѣмъ предложилъ
разсказать изъ Священной Исторіи о Сошествіи Св. Духа и, наконецъ,
перешолъ къ Богослуженію, спрашивая о времени пѣнія Символа вѣры, о
нисхожденіи Св. Духа на освящаемые дары. Послѣ давались и другіе
различные вопросы.

Логическая связь этихъ вопросовъ, послѣдовательность, переходы изъ
одного отдѣла предмета къ другому по внутренней связи рождающихся
мыслей или вопросовъ, наконецъ, если не отличные, то все же большею
частью хорошіе, толковые отвѣты дѣтей—устыдили меня за мое первоначаль-
ное сужденіе о законоучителѣ по одной его наружной немощи.

Дальнѣйшее знакомство съ нимъ обнаружило въ немъ человѣка, хотя
съ виду и немощнаго тѣломъ, но весьма бодрого духомъ, умнаго, способ-
наго, дѣятельнаго и даже веселаго, склоннаго къ шуткамъ и остроумію.
Мало того: оказалось, что этотъ престарѣлый, почтенный сельскій протоіе-
рей много читаетъ, выписываетъ газеты, интересуется вопросами внутрен-
ней и внѣшней политики. Его сынъ тоже уже священствуется и состоитъ
законоучителемъ въ одномъ изъ вѣреннѣхъ мнѣ же училищъ. Но сыну,
молодому человѣку, оказывается, далеко до старика-отца.

Настала очередь учительницы. Вотъ, если бы и здѣсь наружность
обманула меня, думалось мнѣ. Къ удивленію и удовольствію моему, такъ
и случилось. Я не скажу, чтобы г-жа Мозгова могла равняться съ лучшими
учительницами въ уѣздѣ; у нея нѣтъ ни такой опытности, какъ у тѣхъ,
ни знанія, ни живости въ работѣ, но, тѣмъ не менѣе, она несомнѣнно
обладаетъ хорошими способностями; а усердіе ея—какое-то какъ будто

сверхъ-человѣческое. Такъ о ней свидѣлствовалъ и почтенный протоіерей о. Сергій. — „Необыкновенно усердна, необыкновенно“, — говорилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ: — „готова до ночи сидѣть съ учениками. Да и сидитъ: вѣдь 115 человѣкъ! Вотъ изволите видѣть наше помѣщеніе: ужъ больше 50-ти, много что 60-ти, не умѣстишь. Вотъ она и работаетъ на двѣ смѣны: отъучить однихъ до 1 часу, а съ 2-хъ опять — съ другими, часовъ до 5 и дольше.“

Въ виду всѣхъ изложенныхъ условій естественно, что **отличныхъ**, блестящихъ успѣховъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Но высокую честь дѣлаетъ этой барышнѣ уже одно то, что она, точно агнецъ безгласный, безропотно взяла на себя бремя, непосильное и для многихъ изъ мужчинъ, и несетъ это бремя съ поразительнымъ смиреніемъ и добросовѣстностью.

— Вѣдь вамъ, я думаю, очень тяжело заниматься такимъ образомъ? — говорю я ей.

— Да, — говоритъ она кротко и полупенотомъ.

— Вамъ надо дать помощницу. (Учительница молчитъ). Вы желали бы?

— Да... полегче бы было (И опять молчаніе).

— Какъ это вы справляетесь съ такой массою дѣтей? Вѣдь, я думаю, шумно бываетъ? Слушаются они васъ?

— Нѣтъ, ничего, сидятъ тихо; слушаются.

— Случается вамъ наказывать ихъ?

— Да, иногда случается.

— Какъ же вы наказываете?

— Велю встать, или идти въ уголъ.

— А на колѣни?

— Нѣтъ, не ставлю. Впрочемъ, случалось, но рѣдко и то въ началѣ только.

Все какъ-то плохо вѣря, чтобы эта воплощенная кротость могла справиться болѣе чѣмъ со 100 мальчуганами, я послѣ разспрашивалъ о томъ же законоучителя; но и онъ подтвердилъ, что дѣти и любятъ и слушаются ея.

Что касается самыхъ результатовъ занятій, то я нашелъ ихъ по меньшей мѣрѣ порядочными, а принимая во вниманіе обстоятельства, — очень хорошими даже.

Вотъ мои отмѣтки, какими я цѣнилъ чтеніе русское и славянское смѣшанно въ среднемъ отдѣленіи: 4. 4. 3. 5. 2. 5. 5. 4. 4. 4. 5.; при этомъ въ черновой записи моей значится замѣтка: „очень хорошо, довольно выразительно и безъ пѣвучести.“ А въ старшемъ отдѣленіи:

За русское чтеніе: 5. 4. 4. 4. 5. 5. съ замѣткою: „отлично! нѣкоторые, впрочемъ, читаютъ по печатному его, что, чтобы; но свободно, не пѣвуче и выразительно.“

За церковно-славянское чтеніе: 5. 5+4+4. 3+3+ и замѣтка: „читаютъ прекрасно, но переводятъ не болѣе какъ посредственно; словъ знаютъ мало“.

Въ младшемъ отдѣленіи оканчивается изученіе алфавита, — не пройдено 5 звуковъ. (Ревизія производилась 3-го Декабря).

Но что особенно удивило меня, это то, что даже правописание и арифметика въ старшемъ отдѣленіи оказались въ удовлетворительномъ состояніи. Устные задачи рѣшаются положительно хорошо, затѣмъ пройдены всѣ 4-ре дѣйствія надъ простыми числами, и данный примѣръ на дѣленіе съ многозначнымъ дѣлителемъ дѣти сдѣлали всѣ очень порядочно. По правописанію средняя отмѣтка получилась ровно три 3. Ведутся, наконецъ, и упражненія въ самостоятельныхъ письменныхъ изложеніяхъ. Единственно слабая сторона успѣховъ, это въ каллиграфіи. Но упрекнуть за это учительницу, право, едва-ли кто рѣшится!

50. Романовская школа грамотности.

Это одна изъ тѣхъ немногихъ, но на столько характерныхъ самодѣльныхъ школъ, что, мнѣ кажется, было бы грѣшно обойти ее молчаніемъ.

Я познакомился съ нею случайно. Во время ревизіи одного изъ училищъ мнѣ доложили, что меня желаетъ видѣть какая то слѣпая дѣвица-учительница. Оказалось, что слѣпая крестьянская дѣвица Вѣра Лебедева, обучающая дѣтей, проситъ **произвести экзаменъ** ея ученикамъ.

— Что же они у васъ знаютъ? спрашиваю я.

— Сами изволите увидѣть, говоритъ скромно-застѣнчиво дѣвица: учихъ Закону Божию, и читать, и писать, и арифметикѣ.

Спрашиваю по Закону Божию: о сотвореніи міра, о Крещеніи, притчу о благодѣтельномъ самарянинѣ, о Срѣтеніи, о заповѣдяхъ, молитвы. Отвѣчаютъ славно.

Попробовать было спрашивать о значеніи нѣкоторыхъ молитвъ, о переводѣ на русскій языкъ: въ этомъ безсильны. Однако учительница поспѣшила заявить: „Я сама-то все вѣдь это знаю, про что вы спрашиваете; и имъ говорю; да ужъ такъ вотъ что-то... забываютъ. А вотъ Псалтирь они ужъ знаютъ. Я съ ними читаю“.

Оказывается, дѣйствительно, дѣти бойко читаютъ Псалтирь; иные псалмы знаютъ наизусть. По-русски тоже порядочно читаютъ, хотя, правда, безъ интонаціи вовсе. Пишутъ очень хорошо; только, конечно, орфографія сильно хромаетъ. По арифметикѣ учатся считать устно (въ умѣ) и дѣлаютъ задачи на доскахъ.

Само собою, здѣсь нельзя было прилагать въ оцѣнкѣ успѣховъ того масштаба, какой приложимъ къ правильно организованнымъ земскимъ училищамъ съ зрячими законо-учителями и учителями. Я былъ необычайно изумленъ, слушая отвѣты учениковъ слѣпой учительницы и ея самой. Не считая нужнымъ скрывать отъ нея своего пріятнаго изумленія, я ей и выразилъ его, спросивъ, какимъ образомъ она учитъ дѣтей, когда сама ничего не видитъ.

— Да ужъ такъ, говоритъ простодушно слѣпая: Господь взыскалъ Своею милостью: вижу многое духовными очами. Я вѣдь, вотъ напримѣръ, службы: я ихъ всѣ, какъ есть, знаю. Псалтирь я знаю наизусть. Или вотъ стихиры, ирмосы.... Да я весь порядокъ сама бы справить съумѣла.

Евангеліе, какъ я могъ убѣдиться самъ, она знаетъ удивительно обстоятельно.

— Ну, что же: вы рассказываете дѣтямъ изъ Священной Исторіи сами, и потомъ они учатъ дома?

— Да, рассказываю и задаю; потомъ прослушиваю.

— Ну, а какъ же читать-то, писать или ариметикѣ учите?

— Да тоже такъ.... Конечно: сама я не вижу; а умения вотъ помощникъ есть: ну, такъ вотъ онъ ужъ обучаетъ. А я только тутъ съ ними: слушаю да поправляю, что не такъ. Онъ вѣдь въ нашемъ же училищѣ кончилъ курсъ; порядки-то знаетъ. Ну, а какъ ребенокъ еще, такъ, вѣстимо, не все, какъ слѣдуетъ; я ужъ сама, что надо.

И занимаются въ этой школѣ цѣлые дни. Дѣти любятъ учительницу, а родители и подавно: любятъ и видятъ въ ней присутствіе благодати Божіей и умиленно дивятся на нее.

Учащихся у нея немного, впрочемъ: 8 мальчиковъ и 3 дѣвочки.

51. Глѣбовское училище.

Въ учебно-воспитательномъ отношеніи это училище поставлено образцово, благодаря способности и усердію законоучителя и учителя. Даже самъ строгій попечитель, расточая мнѣ жалобы на учителя, признавалъ, что Маловъ, какъ учитель и воспитатель, дѣйствительно не вызываетъ никакого упрека и что дѣти любятъ его. И дѣйствительно: и дѣти его любятъ, и онъ дѣтей.

Видѣлъ я этихъ дѣтей и за молитвою, и въ классѣ за занятіями, и на дворѣ за играми, и за обѣдомъ—за ужиномъ (при училищѣ устроено общежитіе на средства попечителя), и ложившимися спать: и—во всѣхъ случаяхъ они ведутъ себя отлично; не то, чтобы институтски скромно и робко (мнѣ такое поведеніе не представляется отличнымъ), а непринужденно-свободно, съ тою выдержкою, какая слагается не въ видѣ наружнаго подчиненія гнетущей регламентаціи подъ давленіемъ страха всевозможныхъ штрафованій, а въ видѣ самослагающейся внутренне путемъ постепеннаго упражненія привычки считать, что хорошо и что дурно,—подъ непрестаннымъ вліяніемъ благодушныхъ, но зорко слѣдящихъ педагоговъ и ихъ, повидимому, не мудрыхъ и краткихъ наставленій, вродѣ: „такъ дѣлать не хорошо; „это неприлично“, а это „грѣхъ“ или же—„вотъ такъ хорошо“, „за это тебя Господь благословитъ“, „хвалю тебя, молодецъ“.

— „Да и ты, какъ захочешь, не уступишь другимъ,—я вѣдь знаю тебя, плута“,—„А ты перекрестись, перекрестись! вѣдь работать начинаешь: развѣ можно безъ помощи Божіей? ты перекрестись; тебя Господь благословитъ и поможетъ тебѣ“. „Крестъ-то что же не поцѣловалъ, коли спать ложись? эхъ ты,—голова“!

На все это дѣти отвѣчаютъ улыбками... не улыбками сомнѣнія или ироніи, а улыбками пріятнаго настроенія духа, расположеннаго съ самымъ сердечнымъ, именно дѣтскимъ довѣріемъ слѣдовать указаніямъ любимыхъ учителей.

Никакихъ грубыхъ выходокъ, бранныхъ словъ, безобразныхъ вскрикиваний, гвалта—я не замѣтилъ и признаковъ. А между тѣмъ по всѣмъ детальнымъ проявленіямъ ихъ школьной жизни видно съ несомнѣнностью, что они бодры, свободны и довольны.

— Ну, а все-таки есть же у Васъ кто нибудь этакъ изъ знатныхъ шалуновъ? спросилъ я какъ-то учителя.

— Есть, говорить учитель, полагая руку на одного ученика. Вотъ—Цыгановъ; это ужъ такой шалунъ и-и! Лучше всѣхъ шалить и... и—лучше всѣхъ учиться. Кромѣ того: онъ лучше всѣхъ и въ классѣ сидитъ; это и товарищи всѣ скажутъ. Ну, а ужъ внѣ класса—первый затѣйникъ на всякія штуки. Только ничего очень дурного онъ себѣ никогда еще не позволялъ; этого за нимъ незамѣтно.

Порядокъ въ классѣ, за обѣдомъ—строгий; за обѣдомъ, напр., никто не разговариваетъ: „грѣхъ“. На молитвѣ ведутъ себя чинно—благоговѣнно; поютъ хорошо, молятся довольно долго (на сонъ грядущій) съ колѣно-преклоненіями и съ видимымъ усердіемъ. Помолвившись, становятся парно, каждый твердо помня свое мѣсто, и, по знаку учителя,—по мѣстамъ, на покой, въ спальню. Здѣсь въ порядкѣ, безшумно, но всѣ разомъ, по знаку учителя, откинуть свои кровати (онѣ складныя, и въ этомъ сложенномъ видѣ пригибаются къ стѣнѣ), затѣмъ развернуть тюфяки, чуть не мгновенно раздѣнуться и всѣ уже подъ одѣялами, не забывъ опять таки перекреститься, поцѣловать крестъ и высказать пожеланіе покойной ночи и учителю и товарищамъ.

Было бы слишкомъ долго подробно рассказывать о всемъ ходѣ здѣшней школьной жизни. Полагаю, что и изъ сказаннаго видно, въ какомъ духѣ строится она умнымъ и добрымъ учителемъ.

Какъ хорошо ведутъ себя дѣти, такъ же хорошо и учатся. Успѣхи по **Закоу Божію** прекрасны. Рассказываютъ очень хорошо, осмысленно.

Объясненіе молитвъ знаютъ даже младшіе ученики, да и знаютъ не вслѣдствіе заучиванія, а вслѣдствіе свободного, сознательнаго усвоенія.

Здѣсь ученики, говоря вообще, уже не затрудняются отвѣтомъ на вопросъ по поводу напр. ученія заповѣдей, не будутъ мучиться сомнѣніями, можно ли работать въ праздники, понимая, когда можно, когда нѣтъ. Видимо, что законоучитель много потрудился надъ разъясненіемъ дѣтямъ евангельскаго ученія, приводя имъ примѣры изъ жизни для болѣе удобопонятнаго разрѣшенія сомнительныхъ вопросовъ.

И примѣры эти помнятся хорошо.

— Если ты не покаешься и не исправишься въ дурномъ дѣлѣ,—будетъ ли прощенъ тебѣ грѣхъ? спрашивалъ законоучитель.

— Нѣтъ.

— Значитъ всякій грѣхъ, въ которомъ ты не раскаешься, Господь не проститъ ужъ?

— Нѣтъ, не всякій: коли я что нечаянно сдѣлаю, или и зная-то не буду, что это грѣхъ—вотъ бы на Усѣкновеніе главы Ивана Предтечи поѣлъ бы молока, а не зналъ бы, что постъ,—это ничего, Господь проститъ.

— Ну такъ вѣдь этакъ ты, пожалуй, и все будешь не знать!....

— На-что? на то и учимся, чтобы знать.

Мнѣ кажется, самая безыскусственность отвѣтовъ достаточно говорить за то, что здѣсь не „уроки учать“ „изъ Закона Божія“, а воспитываются самыя души или сердца дѣтей въ духѣ этого Закона. Букву—они тоже знаютъ отлично, но не букву толкованій, а букву только самыхъ молитвъ, заповѣдей и т. п.

То же слѣдуетъ сказать и о другомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ въ предметѣ Закона Божія—о Богослуженіи. Да кромѣ того: здѣсь Богослуженіе уже порядочно знаютъ даже ученики средняго отдѣленія; одинъ изъ нихъ, нѣкій Садовниковъ, отвѣчалъ на **всѣ** вопросы на ряду съ оканчивающими курсъ. А ученикъ старшаго отдѣленія Шаговъ могъ послѣдовательно изложить весь ходъ Литургіи со всѣми возгласами священника и ектеніями. Затѣмъ, нѣкоторые ученики, напр. тотъ же шалунъ Цыгановъ, или сейчасъ названные Шаговъ и Садовниковъ знаютъ все шестопсалміе наизусть! Да и всѣ ученики знаютъ его, только кто начала псалмовъ, кто все шестопсалміе до половины, кто какъ. Знаютъ „Благослови, душе моя, Господа“ (102 пс.) и нѣкотор. другіе псалмы. А „Помилуй мя Боже“, даже средніе знаютъ, хотя бы не твердо. При всемъ этомъ отнюдь не забыто условіе, чтобы произносить и молитвы и псалмы не торопливо, отчетливо. Не позабыта и карта Палестины; дѣти даже чертили ее.

Ну можно-ли, думалъ я, любясь такими успѣхами,—можно ли достигъ такихъ результатовъ въ **три зимы** при томъ способѣ преподаванія, который всю силу свою полагаетъ въ задаваніи уроковъ и въ обязательномъ, подѣ страхомъ наказанія, заучиваніи ихъ? Здѣсь вѣдь батюшка не говоритъ: „половину псалма къ слѣдующему уроку“! Нѣтъ, онъ такъ только, будто между словъ, скажетъ: „вотъ бы вы половину и выучили“. А дѣти и учать, и учать; да въ перегонки, кто больше, кто скорѣе. Такова сила таланта и любовь къ дѣлу въ здѣшнемъ законоучителѣ о. Богодѣновѣ.

Успѣхи по предметамъ учителя тоже весьма хорошіе. Особенно выдѣляются письменныя упражненія въ самостоятельномъ изложеніи. Здѣсь продѣлано дѣтьми старшаго отдѣленія до 40 работъ на различныя темы. Такимъ образомъ дѣти научились излагать свои мысли на письмѣ очень порядочно.

52. Кругловское училище.

Учитель Альмитскій—натура разнообразно и достаточно богато одаренная какъ умственными способностями, такъ и прочими душевными качествами. Веселый, съ любящимъ сердцемъ, энергичный, остроумный, довольно начитанный, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, необходимыя для учителя-воспитателя, и сверхъ того обладаетъ, повидимому, способностью организатора, сельскаго хозяина. Въ обществѣ и товариществѣ онъ душа собравшейся компаніи, инициаторъ и руководитель всякаго дѣла. Желая всею душою отдаться дѣлу педагогическому, онъ мечтаетъ въ то же

время обзавестись кусочкомъ земли, а главное пчельникомъ; онъ знающій и опытный пчеловодъ.

Когда я пришелъ къ нему на квартиру (квартиры при училищѣ нѣтъ), то былъ пріятно удивленъ видомъ его комнатки. Значительный процентъ сельскихъ учителей довольно далека, повидимому, стремленій къ удовлетворенію эстетическихъ наклонностей. Вѣроятно, это надо объяснить неблагопріятными тяжелыми условіями и текущей и предшествовавшей жизни ихъ, а отчасти и средою, въ которой воспитались они.

„Не до эстетики“! можетъ справедливо, пожалуй, сказать каждый учитель. Но бываютъ исключенія, долго не поддающіяся гнету неблагопріятныхъ условій и создающія подобіе комфорта и изящества даже при полномъ недостаткѣ средствъ. И однимъ изъ лучшихъ исключеній этого рода является этотъ милый г. Альмитскій.

Въ квартирѣ его всего два окошечка, но они уставлены цвѣтами, а не завалены, какъ у другихъ, хаосомъ всякой всячины. Зеркальце небольшое, дешевенькое и, конечно, не безукоризненной правильности, но и оно обрамлено красиво узорчатымъ собственноручно—выпиленнымъ изъ буковой фанерки широкимъ бордюромъ. И если ужъ зеркальце удостоено такого вниманія, то иконы и подавно. Съ какою любовью, видимо, усердствовалъ онъ надъ многосложнымъ украшеніемъ иконы Крещенія Господня! сколько тутъ рѣзбы. Откуда онъ добылъ разноцвѣтнаго дерева? И вокругъ иконъ и по стѣнамъ вьется плющъ; всѣ листочки его какъ будто обтерты—ни слѣда пыли. Боковой столикъ, на которомъ стоитъ шкатулка собственной работы и лежатъ книги, накрытъ двойною скатертью: одна простая, другая сверху узорчатая.

Словомъ, во всѣхъ деталяхъ бѣдной обстановки рѣзко бросается въ глаза чистота, опрятность, изящество.

Въ завязавшемся по этому поводу разговорѣ, онъ почти съ увлеченіемъ сталъ показывать и объяснять свои работы по выпилкѣ, матеріалы, инструменты. Я ужъ думалъ, не конекъ ли это его и хотѣлъ свести разговоръ на вопросы, ближе касающіеся школьнаго дѣла, какъ онъ самъ предупредилъ меня, какъ бы внезапно устыдившись, что говорить о пустякахъ. „Ну, да это что А вотъ, В. А.; что же Вы мнѣ хотѣли сказать о моемъ училищѣ, какъ нашли мои занятія?“

И потекла бесѣда педагогическаго характера, обнаружившая въ г. Альмитскомъ ясное и глубокое пониманіе своихъ обязанностей и отношеній къ училищу.

Успѣхи его учениковъ частію хорошіе, частію даже отличные, напр. по ариметикѣ, а также по каллиграфіи и правописанію.

Тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось бы ожидать отъ г. Альмитскаго еще лучшихъ результатовъ, напр., по чтенію. Дѣти читаютъ, впрочемъ, хорошо, но не такъ, какъ бы, мнѣ казалось, должны читать у такого учителя. Я это и высказалъ ему. Позволю себѣ привести отвѣтъ его. „Вѣрно, вѣрно, В. А.: самъ вижу, что плохо читаютъ. Вы вотъ говорите, хорошо читаютъ; а я нахожу—плохо. И знаете отчего? Слабъ есмь... homo sum.... нуждаюсь

наряду съ прочими смертными въ нѣкоторомъ вниманіи и поощреніи со стороны поставленныхъ выше меня грѣшнаго. Но не удостоенъ, не удостоенъ.... что дѣлать. Вотъ только нынѣ впервые.... А то вѣдь, извините, доселѣ я не имѣлъ удовольствія испытать достаточно обстоятельной ревизіи. Ну, какъ же не опускаться рукамъ даже и у людей болѣе меня способныхъ и сильныхъ, когда.... да вотъ напр. въ прошломъ годѣ прибылъ къ намъ на экзаменъ достопочтенный о. Свѣтляковъ. Сталъ экзаменовать по Закону Божію. Провалились. Хорошо. Что же: наставилъ двоекъ, разсердился и собирается ѣхать.

Какъ, говорю, неужели столь сокращенно? А по моимъ то предметамъ?—„Да что-жъ, говорить: по Закону Божію не выдержали, такъ вѣдь—спрашивай, не спрашивай—свидѣтельствъ выдать нельзя будетъ“. Вотъ-съ вамъ, какъ онъ,—а вѣдь членъ Училищнаго Совѣта—вотъ какъ онъ смотритъ на дѣло и какъ интересуется имъ! Да вы, говорю, о. протоіерей, взгляните хоть, какъ пишуть-то у меня, коли не хотите слушать чтенія. Нѣтъ, такъ и уѣхалъ. Да, homo sum; ничего не подѣлаешь: не люблю падать духомъ, а вотъ какъ будто упалъ,—такъ досадно стало. Трубишь-трубишь годъ-то, а тутъ—и пріѣдутъ—такъ взглянуть не хотятъ. Знаю вѣдь, что не для нихъ работаю, а для каждаго изъ „малыхъ сихъ“ и для отечества своего. Ну, вотъ подите,—разобидѣлся я да и только. Но теперь воспріиму духомъ и съ нетерпѣніемъ буду ждать второй вашей ревизіи“.

Къ дѣтямъ Альмитскій относится очень хорошо и пользуется искреннею любовью ихъ.

За класснымъ порядкомъ, за опрятностью учениковъ, за чистотою класса и всей его обстановкою онъ наблюдаетъ съ большимъ вниманіемъ; здѣсь на всѣхъ мелочахъ видны слѣды его любви не только къ порядку, но и къ нѣкоторому изяществу.

Мнѣ остается еще упомянуть объ одномъ отрадномъ обстоятельстве, касающемся воспитательной части и дѣлающемъ честь смѣлости и энергіи г. Альмитскаго. Надо сказать напередъ, что при всѣхъ моихъ ревизіяхъ я между прочимъ спрашиваю учащихся и преимущественно оо. законоучителей, гдѣ стоятъ дѣти въ храмѣ во время Богослуженія: противъ царскихъ вратъ, или же гдѣ нибудь въ сторонѣ. А если пріѣзжаю въ село въ Воскресенье или подъ Воскресенье, то, конечно, лично удостоверяюсь въ этомъ. Въ большей части случаевъ дѣти стоятъ въ проходахъ между двумя придѣлами, передъ входомъ въ холодный, лѣтній храмъ, т. е., въ такомъ мѣстѣ, откуда не только ничего не видно, но и не слышно изъ того, что совершается во время Литургіи или утрени. Я встаю противъ такого непорядка и настаиваю, чтобы дѣти стояли передъ царскими вратами. Но многіе батюшки со мной спорятъ, увѣряя, что это неудобно, что народъ тѣснить дѣтей: бабы во время великаго выхода и причащенія, а мужики подходя къ кресту.

Все это похоже на резонность; но не болѣе какъ только похоже; потомучто у меня же есть уже нѣсколько фактовъ, т. е. такихъ селъ, гдѣ всѣ эти неудобства устранены. Бабы, правда, подходятъ, но дѣти безъ

суетни и толкотни уступаютъ имъ мѣсто на время и потомъ занимаютъ его снова; словомъ, дѣлаютъ то же, что дѣлаютъ и взрослые, когда стоятъ тутъ же. А къ кресту—мужики не должны подходить первые и не подходить; отпускаются сначала дѣти.

Все зависитъ отъ доброй воли и нѣкоторой доли энергіи священниковъ. Но многіе изъ нихъ не обнаруживаютъ этихъ качествъ въ данномъ случаѣ. Въ числѣ таковыхъ былъ и о. законоучитель Маловскаго училища*). Нѣсколько разъ я упрасивалъ батюшку, чтобы отвелъ дѣтямъ мѣсто противъ царскихъ вратъ, но онъ все какъ-то уклонялся отъ этого.

А. И. Альмитскій, зная мое отношеніе къ занимающему насъ вопросу, вознамѣрился разрѣшить его въ желаемомъ смыслѣ, т. е., перевести дѣтей изъ темнаго прохода между придѣлами прямо предъ царскія двери.

— Что же это вы дѣлаете, о. Петръ, сталъ говорить онъ батюшкѣ: когда же у насъ дѣти научатся молиться въ храмѣ и хорошо ознакомятся съ Литургією! Развѣ Инспекторъ не говорилъ съ Вами объ этомъ?

— Говорить-то говорилъ, да только....

— Чего тутъ „только“? Вы **только** дайте мнѣ Ваше согласіе, я ужъ самъ все устрою.

— Напрасно! говорилъ о. Петръ: только непріятности навлечете, мужики заговорятъ....

— Ну, и пускай. Заговорю и я. Васъ не побезпокою. Вы только согласитесь, увѣщевалъ учитель.

Наконецъ почтеннѣйшій о. Петръ далъ свое согласіе. Тогда А. И. Альмитскій заранѣе предупредивъ родителей дѣтей и вообще прихожанъ, что по распоряженію батюшки и согласно указаніямъ Инспектора отнынѣ дѣти будутъ стоять въ церкви передъ царскими вратами и первыми подходить къ кресту, въ первое же затѣмъ Воскресенье устави́лъ дѣтей на новомъ мѣстѣ. Кое кто изъ мужиковъ дѣйствительно поворчалъ; кто-то пытался пройти между дѣтей впередъ, но учитель самъ не пустилъ, деликатно, но твердо объяснивъ, что этого нельзя. И съ тѣхъ поръ порядокъ водворился окончательно. Нынѣ я самъ былъ очевидцемъ отличнаго порядка какъ во время Литургіи, такъ и во время отпуска крестомъ. Присовокуплю, что и молились дѣти очень правильно. Теперь уже и самъ о. Петръ радуется новому порядку и благородно-откровенно признаетъ, что все это сдѣлано учителемъ. Мужики или, точнѣе, родители тоже вполнѣ поняли разумность такого порядка и сами же одобряютъ учителя.

53. Будиковское училище.

Состояніе успѣховъ по Закону Божию здѣсь въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Бывшій здѣсь до сего времени законоучитель покойный священникъ П. Б. велъ дѣло очень неумѣло и неровно. Теперь его замѣнилъ молодой священникъ о. Л.—нѣ. Но и отъ него я ожидаю не

*) Д. Альмитскій, согласно его желанію, былъ потомъ переведенъ сюда изъ Кругловскаго училища.

многого; на первыхъ же порахъ обнаружались признаки лѣни и небрежности. Напр. до Февраля мѣс. онъ 17 разъ не былъ въ училищѣ, какъ я убѣдился изъ журнала; и когда я ему вечеромъ замѣтилъ объ этомъ по поводу очень слабыхъ успѣховъ, онъ сказалъ: „Что же, развѣ это ужъ очень много?“

— Ну, а какъ вы думаете, спросилъ я его: втеченіе великаго поста и вообще до окончанія учебнаго года вы пропустите еще дней 8?

— Не знаю. Но возможно, отвѣчалъ онъ.

— А вѣдь знаете что:—17 и 8 будетъ 25; а это составитъ почти полгода (настоящаго учебнаго времени всего 25—27 недѣль; а законоучитель приходитъ въ училище 2 раза въ недѣлю).

— Что-же дѣлать, говоритъ юноша-батюшка: вѣдь не тысячи получаемъ за законоучительство. А главное—невозможно просто: у меня приходъ большой; требы то и дѣло. Приходитъ мужикъ прямо въ училище, изъ училища тащить. Ну, а вѣдь его ждать не заставишь. Опять-же,—напр., зовешь къ умирающему причащать: тутъ все бросай, а иди.

— Ну, а свадьбу вѣнчать—тоже все бросай и иди?

А на поминки? Молитву дать? Крестины? отиѣваніе умершаго?—это все тоже—бросай училище и иди? говорю я.

— А что-жъ вы думаете? Крестить?.. А ну какъ младенецъ-то чуть живъ? Ты тутъ пока урокъ то доканчиваешь, а онъ померъ безъ крещенія: тутъ-то какъ быть? кто въ отвѣтъ?

— Это такъ, говорю, батюшка. Но вы упускаете изъ вида, что говорите это человѣку, который очень и очень многихъ законоучителей знаетъ и со всѣми условіями ихъ жизни и обязанностей знакомъ достаточно хорошо...

Что вы скажете о законоучителѣ, который... Надо Вамъ сказать, что онъ ужъ почтенный старикъ и прекрасный законоучитель... который, говорю, недавно въ подобномъ же разговорѣ высказалъ, что онъ ни одного урока въ году не пропустилъ. Въ этомъ и я ужъ даже усомнился. Но его сослуживецъ учитель удостовѣрилъ, что это истинная правда—не пропустилъ ни одного.

Удивляясь этому, я спросилъ того батюшку: неужели ни разу не было случая, чтобы во время занятій въ училищѣ кто либо не оторвалъ отъ дѣла ради дѣйствительно неотложной требы—причастить умирающаго.

— Нѣтъ, не было. Да у меня они приучены, шутилъ почтенный старикъ-священникъ: когда я въ училищѣ, они не умираютъ.

А затѣмъ, поясняя свою шутку, сказалъ: „вѣдь это все пустяки говорить, будто требы мѣшаютъ исправно заниматься законоучителю въ училищѣ. Крестины, родины, поминки, свадьбы—со всѣми подобными требами ко мнѣ не лѣзутъ въ училище: дѣйствительно, ужъ приучены къ тому. Причащать же—это ужъ очень рѣдко совпадаетъ такъ, что и человѣкъ при смерти и я въ училищѣ. Что же: схожу, причащу и вернусь опять въ училище, а если ужъ поздно,—завтра заквитаю пропущенное.“

„Говорятъ, продолжалъ онъ, младенецъ слабъ, крестить надо скорѣе,“—это тоже очень рѣдко. Да кромѣ того, я вѣдь такъ не повѣрю; покажи

младенца. Смотрю, спитъ себѣ преспокойно. Э—э, говорю, да онъ здоровѣ насъ съ тобой. Подожди-ка часокъ: онъ выспится, а я изъ училища выйду, и пойдемъ крестить.

Вотъ что говорятъ опытные, почтенные священники. Могу вамъ указать на священниковъ-**благочинныхъ**, которые притомъ состоятъ законоучителями въ 2-хъ училищахъ и ведутъ дѣло очень исправно. А одинъ священникъ, можно сказать, въ 5-ти училищахъ преподаетъ Законъ Божій и ведетъ дѣло такъ, что равнаго ему почти нѣтъ.

Все зависитъ отъ доброй воли, усердія и любви къ дѣлу законоучителя.

54. Ракитинское училище.

Это тоже, какъ и предыдущее училище, скорѣе просто школа грамотности. Если признать, что не возможна успѣшная постановка учебного дѣла, когда мѣсто учителя занимаетъ діаконъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ я буду утверждать то же самое, когда обязанности учителя исполняетъ священникъ, да еще купно, конечно, съ обязанностями законоучителя. Здѣсь уже очевидно, что успѣховъ хорошихъ быть не можетъ. Поэтому я отказываюсь трактовать Ракитинское училище какъ нормальное земское училище; но, смотря на него какъ на школу грамотности, охотно признаю ее за очень хорошую и полезную школу, а о. А. Мочалова за трудолюбиваго, хотя и мало-опытнаго педагога.

Въ младшемъ отдѣленіи къ половинѣ Декабря дѣти уже умѣютъ разбирать гражданскую печать, выписываютъ на доскахъ буквы. Кое какъ могутъ отвѣтить нѣкоторыя молитвы.

Въ среднемъ читаютъ—для школы грамотности—хорошо и по-русски и по-славянски, но, конечно, безъ пересказа и перевода. Пишутъ тоже сносно. По арифметикѣ проходятъ механизмъ сложенія и вычитанія; заучиваютъ таблицу умноженія; но и то, и другое, и третье усвоено слабо, не основательно.

Въ старшемъ.... по старшаго отдѣленія нѣтъ совсѣмъ! Отчего? Оказывается, были въ немъ двое или трое мальчиковъ, но всѣ выбыли и отправлены родителями куда-то на заработки.

По закону Божію изъ Ветхаго Завета пройдено до Моисея, изъ Новаго до притчей. Но знанія дѣтей весьма не совершенны даже въ этомъ, наиболѣе легкомъ для учащихся и для оо. законоучителей, отдѣлѣ. О богослуженіи, о вѣроученіи, о молитвахъ лучше не спрашивать: почти ничего не знаютъ. Впрочемъ, текстъ молитвъ дѣти знаютъ, но опять таки именно кое-какъ, то есть не лучше, чѣмъ знали бы и дома,—неправильно, сбивчиво, съ небрежнымъ произношеніемъ и уже совсѣмъ безъ разумнѣя общаго смысла и значенія словъ.

Причины существованія такого училища сводятся къ одному — дешевизнѣ содержанія: наемъ квартиры, ремонтъ, жалованье законоучителю, учителю, сторожу, учебныя пособия — все это обходится земству въ 200 рублей.

Принимая во вниманіе, что лучшаго помѣщенія (училище помѣщается въ домѣ священника) въ селѣ не имѣется; особаго же общества строить не желаетъ, приходится тѣмъ охотнѣе мириться съ существованіемъ этого ненормальнаго училища, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ лучше же что нибудь, чѣмъ ничего.

55. Опокинское училище.

До чего сильно вліяетъ установившійся обычай, хотя бы и дурной, на людей, получившихъ даже образованіе, — видно, между прочимъ, здѣсь на учащихся; а что еще болѣе замѣчательно, такъ это то, что они слѣдуютъ этому дурному обычаю, не замѣчая того, и какъ разъ въ сферѣ своей спеціальности, притомъ, такъ сказать, двойной спеціальности: священнослужителей и законоучителей. Все дѣло воспитанія и обученія въ Опокинскомъ училищѣ въ рукахъ священника и діакона. Оба — люди хотя и не равныхъ способностей, но добраго характера, ведущіе трезвую жизнь; оба среднихъ лѣтъ и оба искренне готовы съ полнымъ усердіемъ служить дѣлу народнаго образованія. Казалось бы поэтому, гдѣ, какъ не здѣсь, ожидать если ужъ не хорошихъ успѣховъ вообще, то хотя бы надлежащаго религіозно-нравственнаго вліянія, а потому и правильной постановки такого дѣла, какъ напр. классная молитва. А между тѣмъ ничуть того не бывало. Дѣти читаютъ молитвы самымъ небрежнымъ образомъ, такъ же небрежно творятъ крестное знаменіе и поклоны. Кромѣ того: дѣти учатся пѣнію, а передъ началомъ уроковъ ни одной молитвы не поютъ.

— Почему же это? спрашиваю я оо. І. и А.

Ради **сбереженія времени**, отвѣчаютъ они!

Но мало и этого: Евангеліе не читается вовсе на классныхъ молитвахъ. А почему? Оказывается, потому, что **времени нѣтъ!!**

Удивляясь въ высшей степени и недоумѣвая, я не зналъ вначалѣ, что и сказать имъ на это. На вечерней бесѣдѣ было, конечно, все выяснено; и я доволенъ уже и тѣмъ, что какъ батюшка, такъ и о. діаконъ отъ всей души искренно признали, что такая постановка классной молитвы и всѣ ихъ резоны по этому поводу не имѣютъ ни малѣйшаго основанія и пробуждаютъ сердечную готовность устроить классную молитву самую надлежащую, благолѣпную, благоговѣйную.

Законоучитель человѣкъ очень умный и способный, но, обременяемый дѣлами по благочинію, не можетъ отдаться училищу въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно.

Впрочемъ, успѣхи по Закону Божію у него хорошіе; только молитвы какъ и въ большинствѣ училищъ, знаютъ плохо да съ Богослуженіемъ

еще не начинали знакомиться (февраль въ половинѣ), надѣясь на остающееся время до конца марта, когда начнутся уже экзамены.

Успѣхи у о. діакона по чтенію, письму и ариметикѣ посредственные, а по правописанію—совсѣмъ слабые (Средній выводъ чистая 1). Такая слабость успѣховъ зависитъ частію, кажется, отъ небрежности, частію отъ бѣдности пособіями, но главнымъ образомъ отъ неумѣнья и незнанія, какъ ставить дѣло.

56. Клюквинское училище.

Учительница, окончившая курсъ въ городскомъ начальномъ училищѣ? Да что-же это такое? Конечно, она должна была выдержать экзаменъ на званіе учительницы. Но,—виновать,—все-таки я какъ-то не могу вмѣстить, чтобы такіа барышни (а ихъ по NN—скому уѣзду наберется до десяти) могли быть хорошими учительницами.

Въ моей инспекторской практикѣ мнѣ еще въ первый разъ пришлось знакомиться съ учительницею, обладающею столь малымъ образовательнымъ цензомъ, и я подъѣзжалъ къ Клюквинскому училищу не безъ чувства любопытства, хотя, правду сказать, съ желаніемъ—поскорѣ бы ужъ что-ли отдѣлаться отъ такого училища, гдѣ несомѣнно придется видѣть крайне неумѣлую работу, слабые успѣхи и въ заключеніе тяжелую для себя обязанность вечерней бесѣды; тяжелую, впрочемъ, въ томъ только предположеніи, что вѣдь придется начинать съ аза, такъ сказать; придется чувствовать, что тебя не понимаютъ; словомъ—чуть не воду толочь.

Но вотъ и деревня Клюквина. Вотъ и училище. А вотъ и учительница,—довольно блѣдная, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, брюнетка; выраженіе лица, однако, умное, открытое.

Урокъ ужъ начался. Въ старшемъ отдѣленіи учительница ведетъ диктантъ; средніе самостоятельно рѣшаютъ задачи, а младшіе читаютъ про себя.

Порядокъ классный однако хорошъ; т. е. даже очень хорошъ! Какъ тихо! Тихо не потому только, что инспекторъ пріѣхалъ. Я уже понаметался въ оцѣнкѣ обстоятельствъ и постановки дисциплины, за 12 лѣтъ службы перевѣдавшись болѣе чѣмъ съ 400 училищъ въ 3-хъ различныхъ губерніяхъ.

Нѣтъ, говорю,—тихо потому, что совсѣмъ нѣтъ и признаковъ суетни какой нибудь; никто, что-то, не вскакиваетъ, не кричитъ: „Анна Васильевна, у меня грифель сломался! Анна Васильевна! вонъ Ванька щиплетъ! Анна Васильевна, пожалуйста перышко! Анна Васильевна, Строевъ чернила пролил!“ Причемъ сосѣди, а то и все отдѣленіе нерѣдко бросаютъ работу, встаютъ оборачиваются, напираютъ другъ на друга, вытягиваютъ шеи, чтобы быть свидѣтелями такого событія, и кончаютъ новыми возгласами: „чево онъ толкается, Анна Васильевна!“

— Нѣтъ, онъ вреть, Анна Васильевна; онъ самъ толкается и т. д. и т. п.

Безпорядки этого рода въ безпорядочномъ училищѣ скажутся и при инспекторѣ. Слава Богу, здѣсь этого нѣтъ. А что не менѣе того отрадно видѣть, — дѣти чисты, опрятны, причесаны.

Но посмотримъ, какъ идетъ урокъ. Вижу, учительница не смущается; никакой натянутости въ обращеніи съ дѣтьми не замѣтно. Вотъ старшіе кончили писать фразу; диктуется слѣдующая; учительница что-то спросила о правописаніи одного слова и послѣ отвѣта, велѣвъ писать, обратилась къ среднему отдѣленію для провѣрки рѣшенія задачи. Одинъ ученикъ вызванъ къ доскѣ, гдѣ въ строкахъ изображаетъ планъ рѣшенія, излагаемый товарищами по частямъ.

Въ промежуткахъ между записью этихъ частей г-жа Ланина успѣваетъ диктовать старшимъ дальнѣйшія фразы, бѣгло спросивъ или предупредивъ возможность той или другой ошибки. Задача провѣрена; велѣно рѣшать другую. А тѣмъ временемъ, безъ перерыва диктанта, началось прослушивание чтенія младшихъ.

Учительница не суетится, а дѣло идетъ живо и толково. Удивляюсь, недоумѣваю и радуюсь. Слушаю младшихъ и опять удивляюсь замѣчательнымъ успѣхамъ. Да ужъ нѣтъ-ли тутъ какойнибудь поддѣлки (бываетъ иногда вѣдь и это). Рѣшили поспросить самъ и сталъ отмѣчать чтеніе младшихъ. Вотъ эти отмѣтки: 5+ 5+ 4. 5. 3. 2+ 5. 5.

Успѣхъ превосходный. Но какъ вспомню, что учительница окончила курсъ только въ N—скомъ начальномъ училищѣ, — опять рождаются недоумѣнія; не вѣрится, чтобы все это было именно такъ, какъ вижу и слышу. Надо, думаю, старшихъ послушать: какъ-то они читаютъ.

Опять отмѣчаю у себя въ ревизіонной записи слѣдующіе баллы:

5+ 4. 5. 3+ 4. 5. 5. 2. 4.

Потомъ спросилъ по-славянски. Но въ записи у меня цифровыхъ отмѣтокъ нѣтъ, а значитъ слѣдующее: „Читаютъ хорошо... очень хорошо И переводятъ—тоже. Слова знаютъ. Читаютъ и по Псалтири, но безъ перевода; и по Псалтири читаютъ уже церковнымъ тономъ. Это, однако, не дурно“.

Думаю и теперь, что такая своеобразная постановка чтенія на два манера—дѣло не дурное. Затѣмъ далъ задачу старшимъ. Рѣшили скоро и очень бойко. Устное счисленіе однако я нашелъ слабымъ, какъ и вездѣ; но и тутъ одна часть упражненій доведена до хорошаго результата; именно вычисленіе частей, вродѣ напр. $\frac{3}{5}$ 60-ти, $\frac{2}{9}$ 72-хъ и. т. п., чего во многихъ другихъ училищахъ совсѣмъ даже не встрѣтишь. Пишутъ старшіе очень хорошо и, что меня пріятно удивило, всѣ уже (въ Ноябрь) по одной линейкѣ, да и то не по линеванному, а по транспарантамъ, изобрѣтеннымъ самою же учительницею. Тетради въ отличномъ порядкѣ: все такъ чисто, аккуратно, точно, какъ говорится, напоказъ.

— Я, говоритъ учительница, и **рисовать** ихъ приучаю.

— Какъ рисовать? Вѣдь это вовсе не входитъ въ программу народныхъ училищъ. Гдѣ же успѣть еще рисованіемъ заниматься?

Извините. Вѣдь этимъ я не въ урочное время занимаюсь, а такъ просто. Вотъ по субботамъ ко мнѣ приходятъ дѣвочки учиться шить; ну, и мальчики прибѣгаютъ, просятъ подѣлать что нибудь; я и даю имъ рисовать, показываю, какъ надо, а имъ это очень, очень нравится. А главное,—черезъ это они ко мнѣ и къ училищу привязываются сильнѣе.

— Это правда, говорю я; а про себя все удивляюсь, глядя на учительницу, слушая ее и видя отличные успѣхи.

Посмотрѣлъ тутъ же руководѣльныя работы ученицъ: онѣ учатся шить, вязать, вышивать, даже кроить. Младшія дѣвочки вяжутъ кружева, салфеточки, чулки; а старшія—преимущественно шьютъ.

Занятія производятся по-вечерамъ. И дѣвочки такъ полюбили свою учительницу, что и почуютъ у нея: кто въ классѣ, кто въ ея крошечной комнаткѣ. Мальчики тоже не прочь хоть бы всю ночь не уходить, да только, выходить, ужъ нельзя. Учительница прочтетъ имъ что нибудь, самимъ дастъ почитать, или порисуетъ съ ними.

— Ну, а почитать что нибудь они охотятся? спросить я.

— Ахъ, да, очень даже! Только вотъ нечего вѣдь. Какъ-то разъ получили мы отъ г. Директора нѣсколько книжечекъ, ихъ все и читали. Да ужъ давно перечитали все.

— Ну, а если бы въ земствѣ попросить? Вы не пробовали?

— Охъ, что вы! Гдѣ же въ земствѣ... я, впрочемъ, пыталась, да только... нѣтъ, ужъ лучше не говорить.

— А что?

— Да нѣтъ, такъ. Обидно и.... стыдно.

— Какъ стыдно?

— Нѣтъ, пожалуйста, не спрашивайте.... я не могу.

Это однако любопытно. Что такое тутъ кроется? подумалъ я, и вечеромъ снова завелъ рѣчь о томъ же.

Учительница рѣшилась наконецъ рассказать, какъ одинъ изъ властныхъ земцевъ позволялъ себѣ оскорбительно-ласковое обращеніе съ ней, какъ онъ былъ любезно готовъ дѣлать все, что угодно, но именно цѣною своего сквернаго и грубаго любезничанья. Бралъ напр. ее за талію даже, и говорилъ, желая усадить на стулъ: „сидись, голубушка, сидись.“ Когда же учительница пыталась протестовать противъ такого обращенія, „дѣятель“, урезонивая ее, говорилъ: „Ну, полно, Анюточка, что за глупости! Барыня что ли ты какая?“

Затѣмъ, когда ухаживанье такого рода оказалось безплоднымъ, Ланиной было просто мученье являться въ городъ за жалованьемъ. „Измучить, бывало, стояньемъ,“ говорила она: „либо спросить:“ ты что пришла? какъ будто не слыхалъ и не знаетъ, за чѣмъ она пришла. А не то просто крикнетъ: „Ну, какого ты чорта пришла? Какое тебѣ еще жалованье?“

— Нѣтъ ужъ, заключила учительница: гдѣ тутъ соваться въ земство!

— Да вѣдь ужъ этого господина нѣтъ въ земствѣ, Вы сказали.

— Такъ-то такъ. Да всетаки на библиотеку для дѣтей нечего и думать просить. Чего ужъ тутъ! бумаги и карандашей да и учебниковъ-то не добьешься скоро.

— Такъ какъ же вы? Безъ бумаги, безъ книгъ?

— Нѣтъ. Я вотъ ужъ на свои немного купила.

— Неужели на свои?! Да вы много ли получаете въ мѣсяць-то?

— Двѣнадцать рублей 50 копѣекъ.

— А на учебники и на бумагу-то сколько истратили?

— Немного; съ чѣмъ то 4 рубля.

— А сами съ 8-ю остались?! Вѣдь такъ жить нельзя.

— Ну, да вѣдь.... знаете, что, В. А.: все ужъ равно, плохо-то жить; и на двѣнадцать-то рублей не ахти какъ привольно. Сожмусь и на 8. По крайней мѣрѣ, душой-то не буду мучиться изо дня въ день, изъ часа въ часъ, что нѣтъ ни бумаги, ни карандашей, ни учебниковъ... Извините,—вы вотъ пріѣхали; говорите, что у меня дѣло идетъ хорошо. Это для меня дороже всего.

Когда я спросилъ г-жу Ланину, отчего у нея такой изнуренный видъ, хотя въ то же время видно, что она какъ будто еще недавно обладала отличнымъ здоровьемъ,—она сказала, что ее замучили зубы, и до того, что впору было хоть ученье прекратить на-время; но чтобы не доводить до этого, она рѣшилась вырвать три зуба, и—„вотъ теперь ничего, слава Богу.“

Потомъ я узналъ еще не мало интереснаго изъ прошлаго учительницы; оно весьма чревато неприглядностями учительской жизни съ 12-ти рублевымъ окладомъ и напоминаетъ собою сплошной сѣрый фонъ дождливой осени, которой, кажется, совсѣмъ не предшествовали ни лѣто, ни весна.

Но во имя чего же она такъ усердствуетъ послѣ этого?

Не знаю, какъ сказать. Просто, вѣроятно, во имя Божіе, во имя того, что она представляетъ собою типъ здоровой нравственной русской натуры, въ которой живетъ безконечная вѣра въ Бога и всосанное съ молокомъ матери чувство долга.

Разумѣется, я искренно, горячо благодарилъ г-жу Ланину, но сознавалъ и сознаю, что моя благодарность маловата очень.

Въ завершеніе данныхъ мною очерковъ и характеристикъ, быть можетъ, не лишне будетъ съ моей стороны высказать заключительное мнѣніе, сложившееся во мнѣ 12-ю годами наблюденій надъ жизнью народныхъ училищъ, относительно того, какихъ результатовъ достигаютъ эти училища, что они даютъ учащимся въ нихъ дѣтямъ, или что представляютъ собою эти дѣти подъ воздѣйствіемъ воспитательно-образовательнаго вліянія нашихъ законоучителей, учителей и учительницъ и существующей нынѣ организаціи земскихъ училищъ.

Я утверждаю, что общій уровень умственно-нравственнаго развитія дѣтей земскихъ училищъ достаточно высокъ для того, чтобы можно было сказать, что начальныя училища исполняютъ свое назначеніе вполне удовлетворительно.

Дѣти въ три очень короткіе учебные года (130—150 учебныхъ дней) научаются свободно читать, приобретаая притомъ драгоценную привычку читать сознательно; затѣмъ очень порядочно пишутъ въ каллиграфическомъ и въ орфографическомъ отношеніи; а тамъ, гдѣ дѣтямъ есть возможность пробыть въ училищѣ не 3, а 4 года, они всегда пишутъ въ обоихъ отношеніяхъ прекрасно. Могутъ также сносно для ихъ возраста самостоятельно излагать на письмѣ что либо изъ слышаннаго или прочитаннаго ими.

Вся сумма упражненій по русскому языку замѣтно поднимаетъ уровень дѣтей какъ со стороны расширенія круга понятій, такъ и со стороны развитія дара слова. А тамъ, гдѣ на помощь учителю является и законоучитель, достаточно широко и правильно понимающій свои педагогическія обязанности,—подъемъ умственныхъ силъ дѣтей еще замѣтнѣе.

Въ области нравственнаго воспитанія училище даетъ едва ли не еще болѣе. Я разумѣю здѣсь не существо даваемого, ибо въ такомъ случаѣ училище даетъ несомнѣнно нѣчто **болѣе** драгоцѣнное; но говорю только о количественномъ приобрѣтеніи дѣтей. Дѣти осмысленнѣе относятся къ вѣрѣ вообще, къ молитвамъ и Богослуженію въ частности. Мнѣ даже кажется что дѣти, пробывшія въ училищѣ четыре года, а особенно дѣти образцовыхъ двухклассныхъ училищъ, знаютъ Богослуженіе и Свящ. Исторію положительно лучше, чѣмъ ученики среднихъ учебныхъ заведеній, хотя бы даже старшихъ классовъ, потому что программа по Закону Божию въ народныхъ училищахъ не многосложна, преподаваніе и усвоеніе идетъ путемъ не книжнымъ, и Храмъ Божій посѣщается дѣтьми аккуратно и свободно. А тамъ, гдѣ на помощь законоучителю является учитель, преданный дѣлу, любящій и понимающій его,—область нравственныхъ приобрѣтеній замѣтно расширяется всею суммою привычекъ, какія онъ прививаетъ къ дѣтямъ въ безпрестанномъ общеніи съ ними—до начала уроковъ, во время занятій, въ перемѣны, въ храмѣ и даже нерѣдко и въ послѣдующее время. Привычка къ труду, исполнительности, аккуратности, опрятности, внимательности, вѣжливости, послушанію, обходительности съ товарищами; затѣмъ зерно патріотизма, нѣкоторое сознаніе самихъ себя, какъ членовъ одной общей родины, земли Русской съ ея державнымъ Царемъ, наконецъ, ежедневныя молитвы и чтенія изъ Евангелія,—все это ложится на нѣжную почву дѣтскихъ душъ живымъ сѣменемъ, которое тутъ же начинается и проростать. Явившись въ училище вначалѣ какими-то дикими несмысленными звѣрками, грубыми, часто склонными къ жестокости, къ безпрестанной ссорѣ, къ брани, дѣти выходятъ изъ него, можно сказать, неузнаваемыми: робкій, тупой взглядъ смѣняется взоромъ свѣтлымъ, въ которомъ сказывается извѣстная доля самосознанія, увѣренности и смысленности; грубоватыя черты права смягчаются, облагораживаются; эгоистическія наклонности подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ законоучителя, учителя и вообще условій школьной жизни

уступаютъ мѣсто направленію, основаніемъ котораго служатъ начала общественности.

Глядя на этихъ милыхъ, чистыхъ сердцемъ, простодушныхъ, веселыхъ и очень смышленныхъ дѣтей, не хочется вѣрить, чтобы многія и многія изъ нихъ потомъ снова обратились къ нравамъ и привычкамъ отцовъ своихъ подѣ развращающимъ вліяніемъ фабричной жизни или жизни большихъ городовъ или подѣ соблазнами трактирныхъ заведеній. А между тѣмъ это такъ.

Утѣшеніемъ остается только надежда, что тернія городской, трактирной или фабричной жизни не въ состояніи будутъ стереть навсегда, безслѣдно благотворное вліяніе школы; нѣкоторый свѣтъ все еще останется, и, при маломальски благоприятныхъ условіяхъ, его достаточно будетъ для того, чтобы эти дѣти, становясь сами отцами, добромъ помянули школу, охотнѣе отдавали бы въ нее своихъ дѣтей и тѣмъ лучше обезпечивали бы дальнѣйшіе, болѣе уже прочные успѣхи грядущихъ поколѣній.

122

17

Wm
C. M.

2007097346